

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (49) 2025

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент

Чечетин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент

Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор

Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент

Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент

Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор

Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент

Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент

Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор

Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор

Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор

Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор

Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор

Плакшина Т. А., д-р юрид. наук, доцент

Репьев А. Г., д-р юрид. наук, доцент

Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент

Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент

Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор

Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент

Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент

Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент

Ермакова О. В., доктор юрид. наук, доцент

Казьмина Е. А., канд. юрид. наук, доцент

Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент

Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент

Шаганова О. М., канд. юрид. наук, доцент

Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент

Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой, М. В. Егерь

Компьютерная верстка: М. В. Егерь

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер:

ПИ № ФС77-57487

от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 28.03.2025.

Выход в свет 31.03.2025.

Заказ № 113. Формат 60x84/8.

Ризографирование.

Усл. п.л. 18,6. Тираж 32 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2025

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (49) 2025

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor
Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Repev A. G., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kazmina E. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shaganova O. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova, M. V. Yeger

Desktop publishing: M. V. Yeger

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 28.03.2025.
Issue date 31.03.2025.
Order 113. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 18,6.
Issue 32 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гаврилова Т. А.</i> История становления института присяжных заседателей в зарубежных странах.....	5
<i>Моисеев С. В., Суверов Е. В., Фризен П. Д.</i> Эволюция процесса кадрового обеспечения подразделений милиции на территории Западной Сибири в 1919–1945 гг.: историко-правовой контекст.....	11
<i>Савотченко С. Е., Акапьев В. Л.</i> Историко-теоретические и правовые аспекты криптовалютного регулирования.....	20
<i>Телегина Е. Г.</i> Правовая культура как фактор противостояния криминальной субкультуре.....	28
<i>Хужина О. Н.</i> Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте правового наследия Российской империи.....	33

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Бачурин А. Г., Самсонов И. И.</i> Отдельные аспекты административно-правового статуса контролеров-распорядителей.....	39
<i>Беженцев А. А.</i> Правовые презумпции: гарантии обеспечения прав и свобод граждан в административном процессе.....	45
<i>Гришаков А. Г.</i> Искусственный интеллект как инструмент правоохранительной деятельности участкового уполномоченного полиции.....	55
<i>Евтушенко В. И., Дизер О. А.</i> Совершенствование публично-правового регулирования статуса вынужденного переселенца в Российской Федерации.....	64
<i>Нечай С. Л.</i> Законодательные органы как ключевой субъект совершенствования конституций штатов США.....	71
<i>Черепанова О. С.</i> Развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу об обращении взыскания на единственное жилое помещение и их влияние на законодательство и судебную практику.....	76

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Аралкин Н. А.</i> Методика расследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ по развитию агропромышленного комплекса: постановка проблемы.....	82
<i>Вишнякова Н. В., Тарасова Л. Я.</i> Основные ошибки при оценке правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны.....	90
<i>Кукасов М. В.</i> Ретроспективный анализ специальных составов преступлений в отечественном уголовном законодательстве.....	97
<i>Лебедева Ю. В.</i> Актуализация уголовно-процессуальных и криминалистических знаний о возрастных особенностях несовершеннолетних потерпевших и свидетелей юношеского возраста при выборе тактических приемов в ходе «проверки показаний на месте».....	103
<i>Пшеничкина Н. Н.</i> Признание лица потерпевшим по уголовным делам о хищениях кредитных денежных средств: проблемы правоприменения.....	112
<i>Садовых К. В.</i> Уголовно-правовой анализ признаков субъекта состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.....	119
<i>Солодина С. А.</i> Характеристика отдельных признаков состава незаконных организации и проведения азартных игр.....	124
<i>Топчиев А. А.</i> Рассмотрение и разрешение отвода как дополнительное производство в уголовном процессе.....	135
<i>Черепанова Л. В.</i> О механизме правового регулирования порядка подготовки и проведения судебного заседания по замене наказания при злостном уклонении от его отбывания лишением свободы.....	143

Contents

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Gavrilova T. A.</i> History of the Establishment of the Jury Trial in Foreign Countries	5
<i>Moiseev S. V., Suverov E. V., Frizen P. D.</i> Evolution of the Process of Staffing Police Units in Western Siberia in 1919–1945: Historical and Legal Context	11
<i>Savotchenko S. E., Akapev V. L.</i> Historical, Theoretical and Legal Aspects of Cryptocurrency Regulation.....	20
<i>Telegina E. G.</i> Legal Culture as a Factor of Confronting Criminal Subculture.....	28
<i>Khuzhina O. N.</i> Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of the Legal Heritage of the Russian Empire.....	33

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Bachurin A. G., Samsonov I. I.</i> Certain Aspects of the Administrative and Legal Status of Managing Supervisors	39
<i>Bezhentsev A. A.</i> Legal Presumptions: Guarantees of Ensuring the Rights and Freedoms of Citizens in the Administrative Process	45
<i>Grishakov A. G.</i> Artificial Intelligence as a Tool for Law Enforcement Activities of a District Police Officer.....	55
<i>Evtushenko V. I., Dizer O. A.</i> Improving the Public Legal Regulation of the Status of an Internally Displaced Person in the Russian Federation.....	64
<i>Nechay S. L.</i> Legislative Bodies as a Key Subject in Improving US State Constitutions.....	71
<i>Cherepanova O. S.</i> Development of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Issue of Foreclosure on a Single Dwelling and their Impact on Legislation and Judicial Practice	76

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Aralkin N. A.</i> Methodology for Investigating Fraud Committed during the Implementation of State Programs for the Development of the Agricultural Industrial Complex: Statement of the Problem.....	82
<i>Vishnyakova N. V., Tarasova L. Ya.</i> Basic Mistakes in the Assessment of Legality Causing Harm in a State of Necessary Defense.....	90
<i>Kukasov M. V.</i> Retrospective Analysis of Special Crimes in the Criminal Legislation	97
<i>Lebedeva Yu. V.</i> Actualization Criminal Procedural and Criminalistic Knowledge about the Age Characteristics of Juvenile Victims and Witnesses of Adolescent Age when Choosing Tactical Methods during the Verification of Testimony on the Spot	103
<i>Pshenichkina N. N.</i> Recognition of a Person as a Victim in Criminal Cases Concerning Theft of Credit Funds: Problems of Law Enforcement	112
<i>Sadovykh K. V.</i> Criminal Law Analysis of the Signs of the Subject of a Crime Involving Responsibility for the Illegal Production and (or) Trafficking of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products	119
<i>Solodina S. A.</i> Characteristics of Individual Signs of the Illegal Organization and Conduct of Gambling	124
<i>Topchiev A. A.</i> Consideration and Resolution of Challenge as an Additional Proceeding in Criminal Proceedings.....	135
<i>Cherepanova L. V.</i> On the Mechanism of Legal Regulation of the Procedure for Preparing and Conducting a Court Hearing to Replace a Punishment with Imprisonment in Case of Malicious Evasion from Serving it.....	143

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 5–10.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 5–10.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.150:343.195

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Татьяна Алексеевна Гаврилова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
lucky21girl@yandex.ru

Аннотация. На мировой арене суд присяжных — явление далеко не новое. Он имеет длинную и сложную историю. Наличие института присяжных заседателей в судебной системе той или иной страны выступает индикатором уровня демократизации государства и степени открытости власти перед народом. Это обусловлено тем, что в формате суда присяжных уголовные дела рассматриваются с привлечением независимых людей. Каждая страна проходила свой путь развития данного правового института. Исследование пути развития суда присяжных на международной арене позволяет сформулировать общие и специфические черты, присущие данному правовому институту. Особенности становления и развития суда присяжных в отдельно взятой стране и нашли свое отражение в настоящем исследовании.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, коллегия присяжных, Древняя Греция, Древний Рим, Англия, уголовный процесс, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Гаврилова Т. А. История становления института присяжных заседателей в зарубежных странах // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 5–10.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF THE JURY TRIAL IN FOREIGN COUNTRIES

Tatjana A. Gavrilova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, lucky21girl@yandex.ru

Abstract. On the world stage, jury trial is far from a new phenomenon. It has a long and complicated history. The presence of the institution of jurors in the judicial system of a country acts as an indicator of the level of democratization of the state and the degree of openness of the government to the people. This is due to the fact that in the jury trial format, criminal cases are considered with the involvement of independent people. Each country has followed its own path of development of this legal institution. The study of the development of the jury trial in the international arena allows us to formulate the general and specific features inherent in this legal institution. Thanks to the extensive theoretical base, it will be possible to solve many problems of both a doctrinal and applied nature. Currently, many developed countries have the institution of juries in their judicial system. However, it is one of the most controversial legal phenomena in any country. The peculiarities of the formation and development of the jury trial in a particular country are reflected in this study.

Key words: jury trial, jurors, jury panel, Ancient Greece, Ancient Rome, England, criminal procedure, criminal proceedings

For citation: Gavrilova T. A. History of the establishment of the jury trial in foreign countries. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:5–10 (In Russ.).

Институт уголовной ответственности в современном мире является одним из наиболее важных и значимых как в теоретическом, так и практическом аспектах. Отправление правосудия судами выступает характерной чертой проявления внутреннего суверенитета государства и одним из признаков современного государства.

Обращаясь к истории, можно смело отметить, что суд присяжных (в знакомом нам виде или в весьма отдаленно напоминающем реальность) известен очень давно. Достоверных источников существования суда присяжных в Античное время нет, однако в истории развития данного правового института принято выделять античный период.

В качестве примера можно привести Древнюю Грецию, точнее период афинской демократии в V в. до н. э. Греческий суд присяжных именовался «гелиэя». Гелиэя происходит от народных собраний, которые проводились исключительно днем, при солнечном свете. Эти собрания позволяли решать многие политические и судебные вопросы [1, с. 138].

Гелиэя представляла собой промежуточный этап между народным собранием и современным судом присяжных. Гелиэя состояла из 6000 судей, именовавшихся гелиастами. Гелиасты выбирались ежегодно с помощью жеребьевки [1, с. 139].

Досудебная подготовка, предшествовавшая судебному разбирательству, представляла собой изложение показаний свидетелей и протоколов допросов в письменном виде. Также на этом этапе проводился арест обвиняемого.

Следующим этапом являлось предварительное слушание. На нем решался вопрос о правомерности обвинения. Это означало проверку соблюдения процессуальных правил сбора доказательств.

Третьим этапом выступало судебное разбирательство. Его основу составляли обвинительные и защитительные речи сторон, а также представление доказательств.

После этого следовал четвертый этап — голосование судей. В том случае, если судьи считали подсудимого виновным, проводилось еще одно голосование, на котором решался вопрос о мере наказания. По общему правилу голосование проходило тайно, но сторона защиты могла требовать открытого голосования.

Такая форма отправления правосудия обладала следующими отличительными особенностями.

Суд задумывался как противопоставление «суду профессионалов», в состав которого входили только квалифицированные судьи. Он позволял гражданам получить прямой доступ к про-

цедуре отправления правосудия. В состав гелиэи входили исключительно выходцы из народа. Такая деятельность была очень почетной, до вступления в должность гелиасты давали торжественные клятвы в присутствии народа.

Процедура отбора была наделена некоторыми чертами элитарности. Несмотря на то что к процедуре отправления правосудия мог быть допущен любой свободный гражданин, исполнение обязанностей гелиаста было весьма затратно и длительно. Поэтому позволить себе такой род занятий мог только обеспеченный гражданин, обладающий достаточным количеством свободного времени. Впоследствии данная деятельность стала носить возмездный характер [1, с. 140].

До гелиэи в Греции активно развивался суд фесмофетов. Его особенность заключалась в присутствии народа на судебных заседаниях с правом выражать свое мнение. Дело рассматривали архонты (фесмофеты), народ высказывал одобрение или неодобрение принимаемым судом решениям. Тем самым осуществлялся общественный контроль за судебной деятельностью [2, с. 179].

В основе гелиэи лежал принцип полной демократии. После голосования судей подсчитывались голоса, а их равенство трактовалось в пользу подсудимого. Считалось, что благодаря множественности судей и их жеребьевке сговор невозможен.

В античные времена такая форма отправления правосудия оказалась весьма эффективной. Это привело в II–III вв. до н. э. к рецепции суда присяжных в правовую систему Древнего Рима. В тот момент в Риме процветал активный обвинительный процесс, что позволило внедрить судопроизводство с участием присяжных без особых сложностей [3, с. 215].

С приходом в Рим республики со стороны обвинения начали выступать народные комиссии, в состав которых мог войти любой свободный гражданин Рима. Ориентируясь на образец народного обвинения, создавались судебные комиссии. Первоначально в их состав входили исключительно члены Сената. Постепенно стали формироваться отдельные судебные коллегии для рассмотрения каждого дела. Возглавлял данные коллегии претор [3, с. 254].

Формирование коллегии проходило в два этапа. На первом этапе жребий определял список присяжных на весь календарный год. На втором этапе из этого списка выбирались заседатели для конкретного дела.

После смены республики на империю в Риме произошел упадок демократических институ-

тов, в частности суда присяжных. Данный процесс носил постепенный характер. Сначала были сильно сужены полномочия присяжных: им было доступно рассмотрение только узко очерченной категории дел. Далее полномочия присяжных заседателей были переданы чиновникам: наместникам и префектам.

Процесс становился все более инквизиционным, разбирательство дел окончательно перешло в руки сенаторов. В результате завоеваний Римской империи происходила рецепция римско-правовых институтов в других европейских государствах. В результате этого была заложена система европейского судопроизводства, которая окончательно укоренилась после распада Римской империи.

В период Средневековья суд присяжных практически не развивался. Его второй родиной считается Англия, где в XIII в. коллегии присяжных сменили институт обвинительного жюри. Долгое время развитие суда присяжных основывалось на судебной практике и прецедентах.

В Англию суд присяжных попал в результате норманнского вторжения в 1066 г., после чего этот правовой институт занял важное место в правовой системе Англии в конце XI — начале XII в. [4, с. 64].

Согласно второй точке зрения суд присяжных своим рождением обязан французскому королю Людовику Благочестивому еще в IX в. н. э. (приблизительно 829 год).

В современной юридической науке датой рождения суда присяжных в Англии принято считать рубеж XIV–XV вв. Первоначально суд присяжных функционировал в виде собрания местных жителей — представителей общины. Его функция заключалась в сообщениях королевскому чиновнику сведений о подсудимом. Далее это собрание было трансформировано в коллегию, занимающуюся отправлением правосудия [4, с. 66].

Легальное закрепление суда присяжных в английском уголовном судопроизводстве произошло в 1167 г., когда была издана «Кларендонская Ассиза» — законодательный акт Генриха II, согласно которому собирався «большой суд» для решения земельных споров. Входящая в состав этого суда дюжина самых законопослушных граждан графства должна была получить показания обвиняемого [5, с. 296].

В XII в. суд присяжных прочно вошел в английскую систему судопроизводства, сменив ставшие архаичными формы — поединок, пари и «суд божий».

Официальное узаконение суда присяжных связано с принятием в июне 1215 г. Великой

Хартии вольностей. Этот акт до сих пор выступает основой конституционного строя Великобритании. Согласно ст. 39 Хартии ни один свободный человек не может быть арестован, лишен имущества, объявлен вне закона или изгнан, кроме как по решению суда равных ему по законам страны [5, с. 303].

Равенство граждан, узаконенное нормами Хартии, на первых порах было весьма относительным, поскольку касалось исключительно баронов. Но дальнейшее развитие института было направлено на его распространение на купцов, крестьян и зарождающуюся буржуазию. С этого времени институт присяжных заседателей в Англии стал юридически всеобщим.

Начиная с XVI в. в английском судопроизводстве стало прослеживаться четкое разделение функций присяжных заседателей и свидетелей по делу. Теперь свидетели занимались исключительно сообщением суду известных им сведений по делу, а присяжные заседатели отвечали на вопрос виновности или невиновности подсудимого.

Долгое время в английском уголовном процессе существовала система наказаний для присяжных за неверно вынесенный вердикт. Это правило перестало действовать только в 1670 г.

Для английской модели суда присяжных характерно разделение полномочий между коллегией и судьей. Решение вопроса о виновности (вопросы факта) подсудимого отнесено к ведению коллегии. Судья решает в процессе вопросы права — дает юридическую квалификацию деяния, определяет вид и меру наказания, удовлетворяет или отклоняет гражданский иск и ходатайства сторон [6, с. 427].

Эта модель суда присяжных получила широкое распространение в бывших британских колониях и США.

Для западноевропейских стран (Германия, Франция) большей популярностью пользуется смешанный формат, при котором судья и коллегия присяжных образуют единый альянс, решающий сообща все вопросы по существу дела [7, с. 820].

Также в науке получила широкое распространение точка зрения, относящая возникновение английского суда присяжных к IX в., ко времени правления Альфреда Великого. В качестве источника информации ученые ссылаются на нормандский правовой акт «Правда Альфреда» [8, с. 495].

Однако существует теория, что многие франкские правители задолго до этого уже активно использовали институт присяжных заседателей в своей системе уголовного судопроизводства.

Английская модель суда присяжных не являлась точной копией греческого и римского аналога. На первых порах в состав коллегии присяжных входили только рыцари. Данный критерий носил не столько сословный, сколько имущественный характер. Рыцари в своем большинстве представляли класс феодалов, что характеризовало их как людей обеспеченных, поскольку рыцарский титул мог быть получен в добровольно-принудительном порядке мелкопоместными дворянами и коммерсантами [9, с. 148].

Число двенадцать, долгое время выступавшее негласным символом суда присяжных, зародилось именно в тот период. Тем не менее у присяжных не был четко определен правовой статус. Вместе с функцией отправления правосудия они также могли выступать в качестве свидетелей или следователей.

Вердикт считался вынесенным только в случае единогласности принятого решения. Этот факт также не лучшим образом отражался на функционировании данного правового института.

Начало XV в. характерно для суда присяжных наделением его многими особенностями, присущими ему и на современном этапе. Например, с того времени функции присяжных сводились исключительно к вынесению вердикта на основании исследованных и оцененных доказательств. Суд присяжных стал независимым и непредвзятым органом, выявляющим фактическую сторону дела.

Коллегия присяжных занималась рассмотрением исключительно вопросов факта, в то время как квалифицированный судья решал вопросы права, давая юридическую оценку установленным присяжными фактическим обстоятельствам дела.

Коллегия присяжных делилась на большое жюри, включающее в себя 23 человека, которые занимались исполнением следственных функций, и малое жюри, состоящее из 12 человек, которые выносили вердикт, отвечая на вопросы, поставленные перед ними судьей [10, с. 95].

На первых этапах малое жюри состояло из людей, хорошо знакомых с местностью и ее традициями. Функция такого жюри была ближе к свидетелям, нежели судьям. Профессиональные судьи высказанную малым жюри позицию не учитывали при вынесении решения.

Оценкой доказательств малое жюри не занималось. Вынесение вердикта во многом опиралось на те сведения, которыми они обладали, являясь жителями определенной местности, а также основываясь на известных фактах. Малое жюри было обязано сообщать суду сведения, по-

лученные из личного опыта, знаний и впечатлений.

Во многом именно эта обязанность и легла в основу постулата о решении присяжными исключительно вопросов факта.

Эта английская модель суда присяжных была заимствована в судебные системы многих государств — бывших британских колоний: Австралии, Новой Зеландии, Северной Америки, Индии и Южной Африки.

Полная независимость во мнении присяжных появилась только в конце XVII в. В качестве прецедента послужило дело Бушеля (1670 г.). При рассмотрении этого дела впервые было введено правило, согласно которому присяжный заседатель не подлежал привлечению к ответственности за оправдание подсудимого, который на самом деле был виновен в совершении преступления [5, с. 309].

В дальнейшем независимость коллегии присяжных приобретала все более привычные ныне рамки. Было закреплено правило, согласно которому присяжные заседатели должны быть не только беспристрастны и не заинтересованы в исходе рассматриваемого дела, но и не обладать никакими сведениями о сути дела до момента их участия в рассмотрении дела.

Средние века и Новое время оказали существенное влияние на становление английской модели суда присяжных и уголовного судопроизводства в целом. Этот период позволил английскому институту присяжных заседателей стать одним из мировых образцов беспристрастного суда и состязательного равноправного процесса.

XIX век характеризовался как период упадка суда присяжных в Англии, его роль в английском судопроизводстве заметно снизилась. Нормы английского права сужали компетенцию присяжных заседателей, делая судебное управление более централизованным.

На момент конца XX в. коллегии присяжных заседателей рассматривали чуть более 1 % от числа всех уголовных дел. Со стороны английских властей это объяснялось тем, что затраты на организацию коллегии присяжных слишком высоки и не всегда оправданны.

В целом становление и развитие суда присяжных во многих европейских странах проходило нелинейно, а зачастую и весьма противоречиво. Тем не менее суд присяжных оказал огромное влияние на процесс формирования и укрепления английского в частности и европейского в целом уголовного судопроизводства.

Наравне с англосаксонской правовой системой, многие страны романо-германского права также заимствовали английскую модель институ-

та присяжных, адаптировав ее под свои правовые устои.

Возрождение суда присяжных во Франции приходится на конец XVIII в., когда после революции 1789 г. был принят Декрет о судебной организации. Согласно данному акту была отменена королевская юстиция. Правосудие строилось на принципах демократии, основу которой составлял суд присяжных (ассизов) [11, с. 27].

В конце XVIII — начале XIX в. суд присяжных стал появляться в правовых системах многих стран континентальной Европы в результате буржуазных преобразований. Наполеон I Бонапарт был активным сторонником суда присяжных и стремился укоренить его не только в родной Франции, но и в других государствах (Бельгии, Голландии, Италии) [12, с. 106].

Стараниями Бонапарта суд присяжных превратился в символ народной власти. В тех странах, где суд присяжных зародился под влиянием наполеоновских захватов, коллегии присяжных рассматривали дела по преступлениям против личности и политические дела (государственная измена).

В 1848 г. суд присяжных появился в системе судопроизводства Германии, а в 1924 г. его заменила коллегия, в состав которой входили трое профессиональных судей и шестеро присяжных. В период правления Гитлера, как и ряд других институтов демократии, суд присяжных был упразднен. Его возрождение пришлось сразу на 1945 год, после окончания Второй мировой войны. Через тридцать лет суд присяжных претерпел новую реформу, в результате которой вместо шести присяжных осталось всего двое. Поэтому называть такую коллессию судом присяжных можно скорее по традиции, чем по сути [12, с. 106].

В Германии активно развивался шеффенский суд, который отличался от английского образца коллегиальным решением вопросов факта и права квалифицированным судьей и непрофес-

сиональными судьями (шеффенами). Шеффены и судья располагались во время заседания в одной ложе и представляли собой единую правовую единицу. То есть наравне с судьей шеффены участвовали в избрании меры и степени наказания для лица, признанного виновным [12, с. 106].

Суд шеффенов был весьма эффективен, что позволяет выделить следующие его достоинства:

- при рассмотрении каждого нового дела набиралась новая коллегия заседателей;

- народных заседателей в коллегии было численно больше, чем профессиональных судей, что давало им преимущество при уверенности в собственной правоте решить дело так, как им представлялось правильным;

- процессуальное равноправие судей и шеффенов с правом последних отразить в решении суда собственное особое мнение [12, с. 108].

Однако при меньшем количестве присяжных заседателей есть вероятность более широкой реализации данного правового института: при рассмотрении не только уголовных, но и гражданских дел. Также это позволяет обеспечить более детальное ознакомление каждого заседателя с материалами дела, особенно в том случае, когда по ходу его рассмотрения возникает много правовых вопросов, включая процессуальные.

Процесс становления и развития института присяжных заседателей в рассмотренных в рамках настоящего исследования зарубежных странах происходил на протяжении многих веков. Данный правовой институт за этот период прошел путь от древнегреческой гелиэи до того формата, в котором существует в настоящих реалиях. Менялись функции присяжных, изменялся их численный состав и перечень рассматриваемых дел. Неизменным с течением времени оставалась принадлежность суда присяжных к институтам демократии, которые могли быть в полной мере реализованы только в рамках правового государства.

Список источников

1. Мухаметкулов Д. А., Абдуллин А. Р. Суд присяжных (гелиэя) в Афинах // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сб. тр. по итогам работы научно-практ. семинара. Стерлитамак, 2018.
2. Кудрявцева Т. В. Народный суд в «Осах» и других комедиях Аристофана // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2007.
3. Крашенинникова Н. А., Лысенко О. Л., Трикоз Е. Н. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. Т. 1: Древний мир и Средние века. М., 2012.
4. Юношев С. В., Жирова М. Ю., Мычак Т. В. Становление суда присяжных в английской правовой системе // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 4 (39).
5. Тревьельян Дж. Социальная история Англии. Обзор шести столетий. М., 1959.
6. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств. М., 2002.

7. Корецкий В. М. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Государство древних франков, англосаксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия. М., 1961.
8. Томсинов В. А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века. М., 2004.
9. Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996.
10. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1997.
11. Романовская В. Б. История права зарубежных стран: учеб. пособие. Н. Новгород, ННГУ, 1999.
12. Боботов С. В., Чистяков Н. Ф. Суд присяжных: история и современность. М., 1992.

References

1. Mukhametkulov D. A., Abdullin A. R. Sud prisyazhnykh (gelieya) v Afinakh // Pravo i gosudarstvo: istoriya i sovremennost', perspektivy razvitiya: sbornik trudov po itogam raboty nauchno-prakticheskogo seminar. Sterlitamak, 2018.
2. Kudryavtseva T. V. Narodnyy sud v «Osakh» i drugikh komediyakh Aristofana // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. SPb., 2007.
3. Krashenninnikova N. A., Lysenko O. L., Trikoz E. N. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. V 2 t. T. 1: Drevniy mir i Srednie veka. M., 2012.
4. Yunoshev S. V., Zhirova M. Yu., Mychak T. V. Stanovlenie suda prisyazhnykh v angliyskoy pravovoy sisteme // Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2019. № 4 (39).
5. Trevel'yan Dzh. Sotsial'naya istoriya Anglii. Obzor shesti stoletiy. M., 1959.
6. Gutsenko K. F. Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv. M., 2002.
7. Koretskiy V. M. Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy. Gosudarstvo drevnikh frankov, anglosaksonskoe gosudarstvo, Angliya, Germaniya, Ispaniya, Italiya, Frantsiya, Albaniya, Bolgariya, Vengriya, Pol'sha, Rumyniya, Chekhiya, Yugoslaviya. M., 1961.
8. Tomsinov V. A. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevnost' i srednie veka. M., 2004.
9. Aпарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996.
10. Бернем У. Суд присяжных заседателей. М., 1997.
11. Романовская В. Б. История права зарубежных стран: учебное пособие. Н. Новгород, ННГУ, 1999.
12. Боботов С. В., Чистяков Н. Ф. Суд присяжных: история и современность. М., 1992.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 07.06.2024; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 11–19.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 11–19.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.15:331.108(571.1)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1919–1945 ГГ.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Сергей Владимирович Моисеев^{1,2}, Евгений Васильевич Суверов^{1,3}, Петр Дмитриевич Фризен^{1,4}

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

² moiseev-tpg@rambler.ru

³ suverov69@mail.ru

⁴ frizenpd@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние кадрового обеспечения органов советской милиции Западной Сибири с 1919 по 1945 г. Дается характеристика проблем, связанных с низким уровнем профессиональной подготовки сотрудников милиции, особенно на начальном этапе ее существования, недостаточностью финансирования и неразвитой материальной базой, излишней политизированностью, частыми организационно-штатными преобразованиями. Анализируются нормативные акты и меры, предпринимаемые для преодоления указанных проблем. Делается вывод о том, что предпринимаемые меры носили комплексный характер и оказывали положительное воздействие на повышение эффективности деятельности милиции.

Ключевые слова: советская милиция, Западная Сибирь, кадровое обеспечение, ведомственное образование, чистки, материально-техническое обеспечение

Для цитирования: Моисеев С. В., Суверов Е. В., Фризен П. Д. Эволюция процесса кадрового обеспечения подразделений милиции на территории Западной Сибири в 1919–1945 гг.: историко-правовой контекст // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 11–19.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

EVOLUTION OF THE PROCESS OF STAFFING POLICE UNITS IN WESTERN SIBERIA IN 1919–1945: HISTORICAL AND LEGAL CONTEXT

Sergej V. Moiseev^{1,2}, Evgenij V. Suverov², Petr D. Frizen³

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

² moiseev-tpg@rambler.ru

³ suverov69@mail.ru

⁴ frizenpd@mail.ru

Abstract. The article examines the state of personnel provision of the Soviet militia bodies of Western Siberia during the period from 1919 to 1945. The article describes the problems associated with the low level of professional training of the militia employees, especially at the initial stage of its existence, insufficient funding and underdeveloped material base, excessive politicization of the police service, frequent organizational and staffing changes. The regulatory acts and measures taken to overcome these problems and improve the activities of the Soviet militia units are analyzed. It is concluded that the measures taken to overcome problematic issues in the activities of the internal affairs bodies were comprehensive and had a positive impact on increasing the effectiveness of the militia.

Key words: Soviet militia, Western Siberia, staffing, departmental education, «purges», logistics

For citation: Moiseev S. V., Suverov E. V., Frizen P. D. Evolution of the process of staffing police units in Western Siberia in 1919–1945: historical and legal context. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:11–19 (In Russ.).

© Моисеев С. В., Суверов Е. В., Фризен П. Д., 2025

На сегодняшний день вопрос кадрового обеспечения органов внутренних дел стоит очень остро. В ходе своего выступления в Совете Федерации 14 мая 2024 г. глава МВД России Владимир Колокольцев сообщил, что некомплект личного состава в МВД России составляет 152 тысячи человек, а основным фактором, оказывающим отрицательное влияние на деятельность сотрудников полиции, является многолетнее хроническое недофинансирование [1]. Сегодня руководство МВД уделяет особое внимание решению кадрового вопроса и усилению потенциала полиции, подтверждением чему стало совершенствование законодательства, регулирующего поступление и порядок прохождения службы в органах внутренних дел, индексация денежного довольствия и иные меры по сбережению личного состава.

Очевидно, что подходы к решению кадровой проблемы должны носить комплексный характер, что предполагает совершенствование нормативно-правового, организационного и финансового обеспечения.

Решение насущных проблем в деятельности органов внутренних дел на современном этапе невозможно без изучения, анализа, осмысления и использования богатого исторического опыта, накопленного отечественной правоохранительной системой. Исходя из этого, целью нашего исследования стал анализ состояния кадрового обеспечения органов советской милиции на протяжении нескольких десятилетий (1919–1945 гг.) на территории Западной Сибири, в т. ч. правового регулирования работы с кадрами, а также характеристика проблем, возникавших в указанной сфере, и способов их преодоления.

Нижней хронологической границей исследования является декабрь 1919 г., когда на территории рассматриваемого региона установилась советская власть. Это событие послужило отправной точкой формирования подразделений рабоче-крестьянской милиции, верхней точкой стал май 1945 г. По своему содержанию этот период не являлся однородным, что связано с эволюцией социально-экономических и политических условий жизни в нашей стране, а также проведением преобразований в системе органов внутренних дел.

Территориальные рамки работы ограничены Западной Сибирью. На протяжении рассматриваемого периода она включала в себя различные административно-территориальные образования. Отметим, что в первые десятилетия своего существования советская власть находилась в поиске оптимальной модели административно-территориального устройства Западно-Сибирского реги-

она, что воплощалось в частых сменах административных границ, образовании новых субъектов и т. п. Не углубляясь в подробности этого процесса, отметим, что до 1925 г. сохранялась губернская система, существовавшая еще в дореволюционной России. В 1925 г. путем слияния нескольких губерний и Ойратской автономной области был образован Сибирский край с центром в городе Ново-Николаевске (с 1926 г. — город Новосибирск). Появилось новое внутреннее административное деление на округа и районы. Однако трехзвенная система (край — округ — район) оказалась слишком громоздкой, поэтому летом 1930 г. она была упразднена, а Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский с центром в городе Новосибирске и Восточно-Сибирский с центром в городе Иркутске. Но и Западно-Сибирский край был чересчур громоздким административно-территориальным объединением, поэтому на протяжении 1930–1940-х гг. шел процесс его разукрупнения и образования самостоятельного края (Алтайский край — в 1937 г.) и областей (Новосибирская — в 1937 г., Кемеровская — в 1943 г., Томская — в 1944 г.). Таким образом, к концу рассматриваемого периода Западная Сибирь включала в себя Алтайский край с Горно-Алтайской автономной областью, Курганскую, Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Томскую и Кемеровскую области.

Отказ от профессиональной полиции дореволюционной России получил свое нормативное воплощение в принятом в апреле 1917 г. постановлении «Об учреждении милиции». Начался переход к комплектованию милицейских структур на добровольной основе. Временное правительство официально объявило, что важнейшей задачей новой власти являлась замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненной органам местного самоуправления.

Октябрьская революция 1917 г. не только установила новый политический режим, но и кардинальным образом изменила систему правоохранительных органов, основу которых составила рабоче-крестьянская милиция. Новые подходы к организации советской милиции получили закрепление в постановлении НКВД РСФСР «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 г. Основопологающим принципом деятельности советской рабоче-крестьянской милиции стало ее подчинение советам депутатов, что предполагало безоговорочную лояльность всех сотрудников милиции новой советской власти [2].

Важнейшим нормативным документом, определившим основные принципы кадровой

политики советской милиции, стала принятая в октябре 1918 г. инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», которая установила, что советским милиционером мог стать гражданин РСФСР, достигший 21 года, «вполне грамотный», не лишенный избирательного права, признающий советскую власть. Перечень тех, кто не мог претендовать на получение милицейской должности, был достаточно широк. Сюда относились состоявшие под следствием и судом, подвергшиеся по решению суда лишению или ограничению прав, все «эксплуататоры» (использующие наемный труд, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы и торговые посредники), служители различных культов, душевнобольные, глухонемые и находящиеся под опекой. Отдельно оговаривался запрет на службу в милиции бывших полицейских и жандармов [2].

После окончательного установления в декабре 1919 г. советской власти в Западной Сибири здесь началось формирование советской рабоче-крестьянской милиции. Этот процесс осуществлялся на основе указанных выше нормативных актов советской власти. Своим распоряжением отдел управления Сибирского революционного комитета в декабре 1919 г. предписывал формировать милицию из «наиболее сознательных, грамотных рабочих и крестьян, твердо стоящих на платформе советской власти» [2]. От кандидатов на службу в милицию требовались рекомендации от пролетарских организаций, партийных, заводских комитетов, рабочих кооперативов, профессиональных союзов, волостных и сельских обществ, исполкомов, советов или ревкомов. Такой подход к комплектованию милицейских подразделений ставил во главу угла не профессиональные качества кандидата, а его политические взгляды и убеждения, лояльность новой власти, «правильное» социальное происхождение и род занятий.

На первых этапах существования сибирской милиции ее кадровую основу составляли бывшие красные партизаны, далеко не всегда обладавшие необходимыми профессиональными навыками, по-своему понимавшие требования революционной законности, а милицейскую службу воспринимавшие как продолжение партизанской деятельности.

Привлечению партизан и красноармейцев на службу в милицию в немалой степени способствовало придание ей военизированного статуса, что нашло свое отражение в декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г. Декрет, в частности, устанавливал, что в милиции вводились обяза-

тельное воинское обучение, воинская дисциплина и строгое соподчинение, а сама милиция должна была руководствоваться уставами и постановлениями, принятыми в Красной армии [2].

В начале 1920-х гг. четкой системы подбора кадров не существовало, в результате чего на службе в милиции оказалось множество случайных людей, в т. ч. с криминальным прошлым и психически нездоровых. При этом ощущался кадровый голод. В ряде уездов и районов Западной Сибири некомплект в подразделениях приближался почти к 100 %, а списочная численность личного состава была практически в три раза меньше установленной штатной численности [3, с. 26].

Принимаемых на службу сотрудников необходимо было обучать. На первом этапе формирования милицейских структур вопрос подготовки милиционеров находился в компетенции и сфере ответственности местных властей. В городах образовывались краткосрочные милицейские курсы. В течение двух недель курсанты из числа милиционеров и комсостава районов городов и уездов должны были ознакомиться с теоретическими материалами по вопросам милицейской службы и приобрести определенные практические навыки. Цель данных курсов заключалась в том, чтобы в короткий срок осуществить подготовку максимального количества рядовых сотрудников. Кроме того, в ряде городов Западной Сибири в начале 1920-х гг. функционировали трехмесячные курсы подготовки командного состава с целью формирования кадрового резерва.

Постепенно вопрос об обучении милиционеров вышел на региональный, а затем на общегосударственный уровень, 5 марта 1920 г. Сибревком принял решение об организации в городе Омске общесибирских курсов милиции (затем Высшие Сибирские командные курсы рабоче-крестьянской милиции). С этого времени ведет свою историю Омская академия МВД России. Первый набор курсантов состоялся в мае 1920 г. и составил 114 человек.

В апреле 1921 г. Главным управлением милиции РСФСР был издан приказ № 69, в соответствии с которым при всех губернских и областных управлениях милиции должны были открываться курсы командного состава милиции. Одновременно были утверждены Положение о курсах и их программы. К 1 января 1922 г. таких курсов в РСФСР насчитывалось уже 46 [4, л. 5]. В ходе набора кандидатов на обучение строго соблюдался классовый подход. Преимущество имели рабочие и крестьяне — участники партизанского движения в Сибири. Милицейские кур-

сы не ставили перед собой задачи профессионального образования кадров милиции, они носили ознакомительный характер, фактически осуществляя первичное профессиональное обучение.

В октябре 1922 г. приказом начальника Главного управления милиции РСФСР были введены в действие новое положение, учебный план и штаты губернских (областных) милицеских школ. В соответствии с приказом основной задачей губернских милицеских школ являлась подготовка младших работников милиции как по специальной и строевой службе, так и в культурном и политическом отношении.

Спустя месяц, в ноябре 1922 г., Первые Петроградские и Вторые Омские высшие курсы комсостава милиции переименовывались в Первую Петроградскую и Вторую Омскую школу среднего комсостава милиции соответственно. На долгие годы Омская школа стала единственным учебным заведением республиканского значения на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока [5].

В городах Западной Сибири действовали краткосрочные курсы, практиковались другие формы внешкольных занятий. Так, например, в декабре 1924 г. начальник милиции Алтайской губернии издал приказ о начале проведения в Барнауле занятий с милиционерами, которые изучали общеобразовательные предметы, политграмоту, административное, гражданское и уголовное право, санитарное и военное дело, правовую грамоту, судопроизводство и делопроизводство. Занятия проходили в течение двадцати недель, шесть дней в неделю по три часа в вечернее время. Преподавателями были назначены несколько десятков наиболее подготовленных и грамотных сотрудников [6, л. 17–18]. После окончания курсов проводилась аттестация курсантов, успешное прохождение которой являлось условием для дальнейшего несения службы. Не прошедших испытания увольняли со службы.

С течением времени система ведомственного милицеского образования налаживалась и приобретала более отчетливые формы. В 1930-е гг. в Западной Сибири на постоянной основе осуществляли деятельность Омская межобластная школа рабоче-крестьянской милиции и Новосибирская школа служебно-розыскного собаководства.

В практику вводилась новая форма обучения — летние лагерные сборы, где сотрудники милиции проходили политическую и профессиональную подготовку, отрабатывали в полевых условиях необходимые навыки. В июле 1940 г.

были организованы лагерные сборы для работников рабоче-крестьянской милиции Новосибирской области, Алтайского края, Томской железнодорожной милиции. На сборах занимались строевой, специальной, физической, огневой и политической подготовкой [7, л. 6]. При Управлении милиции Омской области функционировали месячные курсы по повышению квалификации сотрудников. С 1940 г. на базе Омской школы милиции начали работу постоянные курсы переподготовки участковых уполномоченных [5].

К сотрудникам милиции на всем протяжении рассматриваемого периода предъявлялись не только требования о наличии определенного уровня общей грамотности и специальных знаний, вопрос политической сознательности был не менее важен. В отчетах о деятельности губернских, а затем краевых и областных управлений милиции неоднократно встречались жалобы на то, что низкий уровень политической сознательности личного состава осложнял работу органов внутренних дел.

Одним из способов решения кадрового вопроса и удаления со службы неблагонадежных сотрудников стала организация так называемых чисток. В региональных государственных и муниципальных архивах содержатся свидетельства того, как проходили чистки среди сотрудников милиции. Так, например, в городе Бийске Алтайской губернии в феврале 1923 г. состоялось заседание уездной комиссии, которая на основании анкетных данных работников милиции и устных заявлений присутствовавших должностных лиц приняла решение об увольнении ряда милиционеров. Из 12 уволенных сотрудников пятеро были уволены за совершение уголовных преступлений, девять — за проступки по службе и халатное к ней отношение, остальные пятеро — за несоответствие занимаемой должности [8, л. 73–73 об], одним из которых оказался бывший царский офицер.

В 1932 г. начальник управления рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края в своем докладе о деятельности милиции за 15-летний период отмечал, что «только с обновлением основных частей милицеского аппарата пролетарскими кадрами, увеличением в составе милиции партийной прослойки, удалением чуждого и разложившегося элемента и развертыванием политико-воспитательной работы среди личного состава наметился перелом в сторону действительного понимания основной части аппарата политического содержания и классовой сущности стоящих перед ними задач» [2]. Поли-

тическая составляющая в деятельности милиции была очень велика.

Во второй половине 1930-х гг. чистки стали усиливаться репрессиями, они коснулись не только рядовых сотрудников милиции, но и руководителей управлений НКВД регионального уровня. Так, например, в 1938 г. был арестован и приговорен к расстрелу начальник УНКВД по Алтайскому краю С. П. Попов. В этом же году были осуждены и приговорены к расстрелу начальник Управления рабоче-крестьянской милиции по Алтайскому краю И. И. Вейнбер и заместитель начальника уголовного розыска С. Н. Ильин [9, с. 16].

В начале 1930-х гг. прошла масштабная реорганизация милицейской службы, была увеличена штатная численность. Если в 1931 г. милиция РСФСР насчитывала 59 тыс. человек, то в 1932 г. штатная численность возросла до 65 тыс. человек [10, л. 2].

Расширение штатов потребовало принятия на службу новых сотрудников. Однако важнейшим критерием отбора оставалась классовая принадлежность кандидата, в результате чего целые группы населения были лишены возможности прохождения службы в органах внутренних дел. При приеме в милицию заполнялась анкета, где указывалась любая служба кандидата и его близких родственников при царской и белогвардейской власти [11, л. 28]. При этом действительно существенным моментам уделялось очень слабое внимание. Почти полное отсутствие психологического отбора кандидатов зачастую приводило к серьезным проблемам при несении службы, например при обращении с огнестрельным оружием [12, с. 283].

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) ситуация с кадрами в органах внутренних дел еще более обострилась в связи с мобилизацией сотрудников в Красную армию. Одновременно «чистки» в массовом порядке практически перестали практиковаться. Всего из НКВД СССР за 1941–1945 гг. было мобилизовано более 200 тыс. человек [13, с. 19]. Взамен ушедших на фронт милиционеров набирали женщин, комиссованных по ранению военнослужащих, лиц пенсионного возраста. В этот период на службу попадали сотрудники, по своим личным качествам не соответствовавшие критериям, которые были установлены для милиционеров.

На протяжении рассматриваемого периода одной из наиболее острых проблем оставался крайне низкий уровень материально-технического обеспечения деятельности милицейских служб и подразделений, а также низкие

оклады жалования сотрудников милиции. Это отрицательно сказывалось на авторитете милицейской службы в глазах населения и отталкивало потенциальные кадры от поступления на службу в милицию. Проблему частично решали путем партийно-комсомольских мобилизаций, направления на службу из трудовых коллективов, привлечения демобилизованных военнослужащих Красной армии.

Материально-техническое обеспечение милицейских подразделений, особенно на этапе их формирования и становления, было крайне недостаточным. Так, например, начальник управления Бийской горюездной советской милиции докладывал в августе 1920 г., что он после своего назначения на должность обнаружил следующую картину: «Не хватает опытных технических работников и ощущается громадная нужда в канцелярских принадлежностях: копировальной бумаге для пишущей машины и пр., благодаря чему копии приказов и многие распоряжения советской власти не рассылаются по участкам уже около месяца. Остро обстоит вопрос с оружием и обмундированием. Имеющегося вооружения далеко не достаточно, и, кроме того, оружие ветхое и в большинстве плохо пригодное, так что при таком вооружении милиция, как боевая единица, в случае надобности едва ли оправдает свое назначение; казенного обмундирования совсем нет, люди носят свою одежду, у кого какая имеется, сильно пообносились и по наружному виду производят плохое впечатление» [14, л. 19–19 об].

В качестве иллюстрации уровня заработной платы сотрудников милиции Западной Сибири можно привести данные за 1928 г. по городу Барнаулу, бывшему тогда административным центром Барнаульского округа Сибирского края. Так, например, заработная плата начальника отделения милиции составляла 63 руб., помощника начальника — 56 руб., участкового надзирателя — 40 руб., младшего милиционера — 30 руб. В то же время кочегар парохода получал ежемесячно 43 руб., рабочий железнодорожных мастерских — 66 руб.; чернорабочий — 40 руб., юрисконсульт — 70 руб., секретарь правления жилищкооперации «Водосвет» — 45 руб. Как видно из приведенных данных, заработная плата рядового милиционера была ниже, чем оплата труда квалифицированного рабочего, и сопоставима с ежемесячным доходом рабочего низкой квалификации и чернорабочего [15, с. 28].

В начале 1930-х гг. милиция была переведена на финансирование из общегосударственного бюджета, что должно было создавать предпосылки для улучшения ситуации с денежным до-

вольствием и материально-техническим снабжением органов внутренних дел. Однако проблемы оставались. Руководители милицеских органов отмечали, что недостаточное финансирование являлось самым существенным препятствием в работе милиции.

Так, в 1932 г. начальник управления рабоче-крестьянской милиции Западно-Сибирского края докладывал краевому исполкому, что личный состав милиции в недостаточной степени обеспечен жильем. Милиционерам приходилось жить в совершенно неприемлемых жилищных условиях: в землянках, подвалах. Существовавшая директива правительства и Западно-Сибирского крайисполкома о выделении 5 % жилфонда в новых домах не выполнялась. Отмечалось неудовлетворительное положение с лечебно-санитарным и курортным обслуживанием милиционеров, продовольственным снабжением. Деятельность милицеских подразделений существенно затрудняла недостаточность автомобильного транспорта. Сотрудники милиции, выезжая куда-либо по служебной необходимости, могли рассчитывать почти исключительно на гужевой транспорт либо свои собственные силы. Руководитель краевой милиции предлагал обеспечить все городские управления двумя автомобилями, а в распоряжение Западно-Сибирского краевого управления передать три легковых автомобиля [16].

Одной из остерейших проблем в деятельности милиции являлось нарушение социалистической законности личным составом, а именно большое количество совершаемых сотрудниками дисциплинарных проступков и иных правонарушений. Особенно это было актуально до проведения масштабной реорганизации системы органов внутренних дел в начале 1930-х гг.

В военный период уголовной ответственности подлежали милиционеры, распространявшие панические слухи, критиковавшие властные структуры. Было ужесточено наказание за прогулы, утерю оружия, пьянство на рабочем месте и т. п. Так, например, военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа 7 октября 1941 г. рассмотрел дело бывшего оперуполномоченного ОБХСС Управления милиции по Новосибирской области Ф. В. Бутнова, который 14 сентября 1941 г., находясь в нетрезвом состоянии, утерял табельное оружие (пистолет ТТ) с 16 боевыми патронами. По приговору суда он был лишен свободы на 8 лет без поражения в правах. Милиционер 4-го отделения милиции города Новосибирска С. И. Ашилин систематически пьянствовал, 27 августа и 1 сентября 1941 г. совершил прогулы, был осужден на 5 лет

лишения свободы без поражения в правах [17, л. 118].

Таким образом, рассмотрев некоторые проблемы кадрового обеспечения подразделений милиции Западной Сибири, мы выделили внутри указанного хронологического отрезка несколько этапов, каждый из которых имел свои отличительные особенности.

Первый этап (1919–1929 гг.) начинается после окончательного установления советской власти в Западной Сибири. На протяжении этого этапа происходит принятие правовых основ организации советской милиции, формирование ее подразделений, становление системы управления и подготовки кадров. Поскольку комплектование милицеских органов осуществлялось по классовому принципу, кадровую основу милицеских подразделений, особенно в начале 1920-х гг., составляли бывшие красные партизаны, которые в период Гражданской войны являлись ведущей вооруженной силой в борьбе с противниками советской власти в Сибири. На протяжении этого этапа был осуществлен перевод подразделений милиции на финансирование за счет средств местной власти. Одной из характерных черт первого периода являлись кадровые чистки. В это же время начинается работа по формированию в регионе элементов системы ведомственного образования.

На втором этапе (1929–1941 гг.) происходит усиление государственной карательной политики. После проведения ряда реформ в начале 1930-х гг. увеличивается штатная численность органов внутренних дел, а деятельность по повышению уровня профессиональной подготовленности милиционеров приобретает более системный характер. Вместе с тем проблемы недостаточного материально-технического обеспечения хотя и перестали быть настолько острыми, как на протяжении первого этапа, но продолжали оказывать негативное воздействие на деятельность органов внутренних дел.

Третий этап (1941–1945 гг.) приходится на Великую Отечественную войну и сопровождается ослаблением кадрового потенциала милиции в результате массовой мобилизации сотрудников в действующую армию. Восполнение оттока милиционеров осуществлялось за счет привлечения на службу женщин, комиссованных по здоровью военнослужащих, лиц пенсионного возраста.

Основной проблемой кадрового обеспечения подразделений милиции в Западной Сибири на каждом из названных этапов являлся низкий уровень общей и специальной подготовки действующих сотрудников милиции и кандидатов, принимаемых на службу.

Недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение делало службу в милиции непривлекательной в глазах населения, существенно сокращало круг потенциальных кандидатов, а также способствовало совершению милиционерами проступков и преступлений.

Серьезные физические и психические нагрузки, внутрисполитическая нестабильность, провоцировавшая почти непрекращающиеся чистки, неумелое руководство людьми, равнодушие к их многочисленным проблемам (в частности, жилищно-бытовым), стремление к быстрому очищению системы от неугодных людей увеличивали текучесть среди личного состава.

Отсутствие отлаженной системы при отборе кандидатов на службу приводило к тому, что в милицию попадали случайные люди, склонные к нарушению служебной дисциплины и социалистической законности.

На общегосударственном, региональном и местном уровне велась постоянная работа по преодолению этих и других проблем. В целях улучшения ситуации с кадровым обеспечением органов милиции проводились реорганизации, система находилась в поиске оптимальной модели функционирования. Огромную позитивную роль сыграло развитие сети ведомственных образовательных учреждений, появление различных курсов по повышению грамотности и профессиональной подготовленности.

С течением времени наблюдалось смягчение позиции руководства рабоче-крестьянской милиции по набору, основанной на классовых принципах, закрепленных в Конституции РСФСР 1918 г. и Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г.

Необходимо обратить внимание на то, что становление системы обеспечения кадрами советской милиции хоть и имело отчасти спонтанный характер, тем не менее проходило на правовой основе. Первым правовым актом, заложившим базу формирования милицейских кадров, стало постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 г., в котором обозначался главный принцип создания и деятельности правоохранительных органов нового государства: «Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Данное постановление не имело четких правовых контуров, в рамках которых должна была функционировать рабочая милиция, тем не менее это был правовой акт, легитимно определивший существование правоохранительных органов советского государства.

В условиях дефицита кадров для комплектования милиции отдел управления Сибирского революционного комитета в декабре 1919 г. издал распоряжение, в соответствии с которым предписывалось принимать на службу в милицию представителей крестьян и рабочих, «твердо стоящих на идеологической позиции советской власти». При этом требовались рекомендации от соответствующих общественных и партийных структур и надлежащее классовое происхождение.

Один из вариантов решения проблемы комплектования кадрами милиции местные власти видели в привлечении партизан и красноармейцев. Попытка решить эту проблему нашла отражение в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г., который устанавливал обязательное воинское обучение, воинскую дисциплину и строгое подчинение в соответствии с уставами и постановлениями, принятыми в Красной армии. Далее, 5 марта 1920 г., в создавшихся условиях Сибревком был вынужден принять решение об организации в городе Омске общесибирских курсов милиции. В апреле 1921 г. Главным управлением милиции РСФСР был издан приказ № 69, в соответствии с которым при всех губернских и областных управлениях милиции должны были открываться курсы командного состава милиции. В октябре 1922 г. приказом начальника Главного управления милиции РСФСР были введены в действие новое положение, учебный план и штаты губернских (областных) милицейских школ. В соответствии с приказом основной задачей губернских милицейских школ являлась подготовка младших работников милиции.

В декабре 1924 г. был издан приказ начальника милиции Алтайской губернии о начале проведения в Барнауле занятий с милиционерами, которые включали в себя изучение базовых предметов, основы юриспруденции, уголовного права, судопроизводства и военного дела. Успешное прохождение курсов и последующей аттестации являлось условием для получения возможности дальнейшего прохождения службы, не прошедшие испытания подлежали увольнению.

Кроме того, важными нормативными актами, определявшими кадровое строительство советской милиции, стали положения, содержащиеся в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР», систематизированном сборнике НКВД РСФСР 1928 г. «Действующие распоряжения по милиции: постановления, циркуляры, приказы, инструкции». Обозначенные и иные акты опреде-

ляли политику государства в отношении милиции и предписывали неукоснительное их выполнение и обеспечение надлежащего контроля как на региональном уровне, так и на местах.

Таким образом, новой властью, несмотря на сложности, имевшие место в период становления

новых государственно-правовых институтов, в предвоенный период создавалась правовая основа для функционирования правоохранительных органов.

Список источников

1. МВД не хватает 152 тысяч человек личного состава. URL: <https://ria.ru/20240514/mvd-1945891289.html> (дата обращения: 01.12.2024).
2. Деятельность участковых уполномоченных милиции на Алтае (1917–1941 гг.) [Электронный ресурс]: сб. док. / сост.: С. В. Моисеев, М. О. Тяпкин. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2019. Ч. 1. 1 CD-ROM.
3. Суверов Е. В., Кузнецов Д. Е. Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Сибири (20–30-е годы XX века): монография. М.: Проспект, 2019. 126 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 44. Д. 20.
5. Омская академия МВД России. Исторический очерк. URL: https://xn--80axf.xn--b1aew.xn--p1ai/academy/oma_info/ (дата обращения: 20.12.2024).
6. Архивный отдел администрации города Бийска (АОАГБ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 201 (7).
7. Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 287.
8. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 19.
9. 90-летию уголовного розыска Алтайского края посвящается. Барнаул: ГУВД по Алтайскому краю, 2008. 134 с.
10. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 107. Д. 297.
11. ГAAK. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 16.
12. Суверов Е. В., Семенов В. В. Грубые нарушения сотрудниками НКВД СССР при обращении с огнестрельным оружием (на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века) // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 280–286.
13. Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период: 1941–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 27 с.
14. Архивный отдел администрации г. Бийска. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2.
15. Моисеев С. В. К вопросу о положении дел в барнаульской городской милиции в 1928 г. (по материалам Центра хранения архивного фонда Алтайского края) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2008. № 2 (15). С. 28–30.
16. Деятельность участковых уполномоченных милиции на Алтае (1917–1941 гг.) [Электронный ресурс]: сб. док. / сост.: С. В. Моисеев, М. О. Тяпкин. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2022. Ч. 2. 1 CD-ROM.
17. Архив ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 76.

References

1. MVD ne khvataet 152 tysyach chelovek lichnogo sostava. URL: <https://ria.ru/20240514/mvd-1945891289.html> (data obrashcheniya: 01.12.2024).
2. Deyatel'nost' uchastkovykh upolnomochennykh militsii na Altae (1917–1941 gg.) [Elektronnyy resurs]: sb. dok. / sost.: S. V. Moiseev, M. O. Tyapkin. Barnaul: Barnaul'skiy yurid. in-t MVD Rossii, 2019. Ch. 1. 1 CD-ROM.
3. Suverov E. V., Kuznetsov D. E. Deyatel'nost' militsii po bor'be s prestupnost'yu v Sibiri (20–30-e gody XX veka): monografiya. M.: Prospekt, 2019. 126 s.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 393. Op. 44. D. 20.
5. Omskaya akademiya MVD Rossii. Istoricheskiy ocherk. URL: https://xn--80axf.xn--b1aew.xn--p1ai/academy/oma_info/ (data obrashcheniya: 20.12.2024).
6. Arkhivnyy otel administratsii goroda Biyska (AOAGB). F. 92. Op. 1. D. 201 (7).
7. Arkhiv GU MVD Rossii po Novosibirskoy oblasti. F. 4. Op. 1. D. 287.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya (GAAK). F. R-23. Op. 1. D. 19.
9. 90-letiyu ugolovnoy rozyska Altayskogo kraya posvyashchaetsya. Barnaul: GUVd po Altayskomu krayu, 2008. 134 s.

10. GARF. F. 1235. Op. 107. D. 297.
11. GAAK. F. R-531. Op. 1. D. 16.
12. Suverov E. V., Semenov V. V. Grubye narusheniya sotrudnikami NKVD SSSR pri obrashchenii s ognestrel'nym oruzhiem (na Dal'nem Vostoke v 30-e gody XX veka) // Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 280–286.
13. German R. B. Organizatsionno-pravovye osnovy deyatelnosti rossiyskoy militsii po okhrane obshchestvennogo poriyadka i bor'be s prestupnost'yu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoennyy period: 1941–1960 gg.: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 1999. 27 s.
14. Arkhivnyy otdel administratsii g. Biyska. F. 92. Op. 1. D. 2.
15. Moiseev S. V. K voprosu o polozhenii del v barnaul'skoy gorodskoy militsii v 1928 g. (po materialam Tsentra khraneniya arkhivnogo fonda Altayskogo kraya) // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2008. № 2 (15). S. 28–30.
16. Deyatel'nost' uchastkovykh upolnomochennykh militsii na Altae (1917–1941 gg.) [Elektronnyy resurs]: sb. dok. / sost.: S. V. Moiseev, M. O. Tyapkin. Barnaul: Barnaul'skiy yurid. in-t MVD Rossii, 2022. Ch. 2. 1 CD-ROM.
17. Arkhiv ITs GU MVD Rossii po Novosibirskoy oblasti. F. 22. Op. 1. D. 76.

Информация об авторах

С. В. Моисеев — кандидат юридических наук, доцент;
Е. В. Суверов — доктор исторических наук, профессор;
П. Д. Фризен — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Moiseev — Candidate of Science (History), Associate Professor;
E. V. Suverov — Doctor of Science (History), Professor;
P. D. Friesen — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 20–27.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 20–27.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.73

Сергей Евгеньевич Савотченко¹, Виктор Львович Акапьев²

¹ Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия, savotchenkose@mgri.ru

² Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия, akapevvl@yandex.ru

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КРИПТОВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема регулирования отношений, возникающих при использовании криптовалюты. Проведен анализ понятия и сущности криптовалюты с правовой точки зрения. Рассмотрен опыт правового регулирования обращения криптовалюты в зарубежных странах. Выявлены проблемы, которые препятствуют совершенствованию и созданию государственной платформы регулирования криптовалютного обращения.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, правовое регулирование, блокчейн, цифровые финансовые активы

Для цитирования: Савотченко С. Е., Акапьев В. Л. Историко-теоретические и правовые аспекты криптовалютного регулирования // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 20–27.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

Sergey E. Savotchenko¹, Viktor L. Akapev²

¹ Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting, Moscow, Russia, savotchenkose@mgri.ru

² Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia, akapevvl@yandex.ru

HISTORICAL, THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF CRYPTOCURRENCY REGULATION

Abstract. The article deals with the problem of regulating relations that arise when using cryptocurrency. The concept and essence of cryptocurrency is analyzed from a legal point of view. The experience of legal regulation of cryptocurrency circulation in foreign countries is considered. Problems have been identified that hinder the improvement and creation of a state platform for regulating cryptocurrency circulation.

Key words: cryptocurrency, digital currency, legal regulation, blockchain, digital financial assets

For citation: Savotchenko S. E., Akapev V. L. Historical, theoretical and legal aspects of cryptocurrency regulation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:20–27 (In Russ.).

© Савотченко С. Е., Акапьев В. Л., 2025

Рост популярности криптовалют показывает, что традиционная система финансовых расчетов требует модернизации, а введение международных санкций против Российской Федерации в 2022 г. значительно усложнило проведение расчетов с зарубежными партнерами. Использование криптовалюты может стать дешевой и безопасной альтернативой обычным транзакциям. Рост популярности криптовалют приводит к необходимости развития криптовалютного регулирования в Российской Федерации. Отсутствие в России собственного решения по данной проблеме делает ее неконкурентоспособной.

Мировые центральные банки видят угрозу традиционной банковской системе со стороны криптовалют. Поэтому они стремятся запускать собственные активы на блокчейне, контролируемые государством. По некоторым прогнозам, в ближайшие десять лет большинство стран мира перейдут на цифровые валюты, и уже сейчас правительства готовят нормативную базу для тестирования и запуска пилотных проектов [1].

Прогнозные оценки только тогда будут иметь существенную ценность, когда они опираются на исторические корни того или иного явления. Рассматривая исторический аспект формирования криптовалюты, необходимо отметить, что истоки создания Bitcoin принято относить к 1872 г., когда компания Western Union осуществила первый в истории перевод денег посредством телеграфа. До этого момента оплата принималась либо из рук в руки путем передачи необходимой суммы, либо при помощи банковских чеков. В период с 1982 по 1998 г. криптографам, занимающимся проблемой создания глобальной информационной сети, удалось продвинуться в решении задачи по созданию системы, обеспечивающей реализацию быстрых анонимных бесконтактных платежей. Именно в конце XX в. появилась идея электронных денег, но радикально слово «крипто» пришло в обиход только десять лет спустя. 31 октября 2008 г. Сатоши Накамото выложил свою статью «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System», а год спустя было опубликовано первое программное обеспечение Bitcoin — с этого момента весь мир получил возможность использовать первую электронную децентрализованную денежную систему [1].

Безусловно, что появление криптовалюты в 2009 г. непосредственно связано с крахом мировой экономики и подрывом доверия к существующей банковской системе. Именно тогда появилась идея создания децентрализованной и полностью анонимной валюты. В настоящее время платежная система, охватывающая весь

мир, находится на определенном этапе своей качественной трансформации благодаря появлению такого нового вида денег, как криптовалюта.

Проблемам правового определения криптовалюты и анализу правовых аспектов криптовалютных отношений уделяется пристальное внимание в научной литературе. Однако ввиду быстрого изменения ситуации на рынке криптовалют, трансформации их видов и форм владения, способов приобретения и сбыта возникает острая необходимость постоянного мониторинга правовых аспектов регулирования общественных отношений, возникающих при использовании криптовалюты. Данное обстоятельство предопределило цель данной работы — исследование теоретико-исторических и правовых аспектов криптовалютного регулирования.

Современные реалии диктуют необходимость принятия быстрых и эффективных решений со стороны Центрального банка (ЦБ) Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации в направлении стабилизации экономической ситуации в стране, в которых особое внимание требуется уделить распространению криптовалюты по причине санкционной политики западных стран как реакции на проведение Россией специальной военной операции на Украине, включающей заморозку золотовалютных резервов и побуждающих граждан в поиске надежного способа вложения денежных средств рассматривать криптовалюту.

Для того чтобы в полной мере разобраться в рассматриваемой проблематике, необходимо дать определение, что представляет из себя криптовалюта, какие виды ее существуют и какими общими характеристиками они обладают. Отдельные источники определяют криптовалюту как имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств и учитываемое в распределенном реестре цифровых транзакций в соответствии с установленными правилами его ведения, представляя ее с правовой точки зрения как разновидность цифровых активов с высокой степенью защиты [2].

Цифровая валюта не может отождествляться с криптовалютой в силу целого ряда причин. Основной отличительной чертой криптовалюты следует считать возможность ее «добычи», зарабатывания исключительно виртуальным способом, в т. ч. с помощью так называемого майнинга. Понятие же цифровой валюты определяет только форму и способ обращения. Кроме того, максимально допустимый объем криптовалюты определенного вида фиксирован и никаким образом не может быть увеличен в силу цифровой (программной) природы ее происхождения.

Другие исследователи акцентируют внимание на рассмотрении технических аспектов обращения криптовалют, что способствует не в полной мере раскрытию криптовалюты как сущности экономической сферы. Стоит подчеркнуть, что данное обстоятельство становится препятствием для принятия отдельных нормативно-правовых актов и создания системы законодательства, которое регламентировало процедуру обращения криптовалюты и ее свободную эмиссию [3].

Криптовалюта представляет собой виртуальную или цифровую разновидность валюты, которая выступает средством без физического выражения формы. Единицей измерения криптовалюты является coin, или «монета». Основное предназначение криптовалют заключается в легком совершении расчетов при обеспечении высокого уровня защиты от подделок или иных противоправных операций. Стоит отметить, что современные криптовалюты устроены так, что никакие частные или государственные органы не могут повлиять или воздействовать на операцию или транзакцию каких-либо участников платежной системы [4].

По распространенному мнению [5], сущность криптовалюты на сегодняшний день остается полностью не конкретизированной:

- во-первых, ни одна теория не отражает распределительный характер эмиссии криптовалют. Следовательно, в образовании новых платежей участвует не конкретный человек или группа, а миллионы участников, посредством которых осуществляется учет и хранение истории транзакций [6];

- во-вторых, криптовалюта — это вид электронных денег, представляющих собой зашифрованный специальный код, хранящийся на электронном носителе и используемый в качестве платежного средства между различными пользователями;

- в-третьих, криптовалюта обеспечивает собой полную конфиденциальность данных владельца, которую невозможно нарушить несанкционированными действиями или попытками обойти систему безопасности [7].

Несмотря на это, можно четко сформулировать основные положительные пользовательские особенности криптовалюты:

- такую валюту невозможно подделать;
- у криптовалютных транзакций нет посредников;
- анонимность владельца криптовалюты дает ему возможность минимизировать накладные расходы;
- невозможно наложить арест на электронный кошелек.

Указанные характеристики привели к тому, что сейчас насчитывается около сотни различных видов криптовалюты. Остановимся на самых известных из них подробнее.

Bitcoin. Как показывает практика, биткоин остается не только самым первым, но и востребованным видом криптовалюты, который является самой ликвидной и распространенной монетой. Преимущество заключается в том, что биткоин не управляем, т. е. не позволяет правительствам многих стран дать возможность дезорганизовать систему. К текущим проблемам можно отнести: неполную анонимность, медленную скорость работы, большие комиссионные сборы и высокий (51 %) риск атаки. Биткоин, как первая криптовалюта, активно развивается в таких странах, как Сингапур, Люксембург, Япония и в странах Скандинавии. Стоит отметить, что уже мировые компании начали принимать биткоины к оплате, а именно: PayPal, Microsoft, Dell, Subway и ряд других.

Ethereum. Стоит отметить, что за 2018 г. показатели курса всех криптовалют значительно снизились, фактический кризис криптовалют привел к снижению и курса биткоина, который не справлялся со сложившейся ситуацией, что нельзя сказать про Ethereum. Эфириум оказал положительную динамику и стал одним из развитых видов криптовалюты. Он стал платформой для создания децентрализованных приложений, которые приобрели спрос среди пользователей. Помимо этого, компания «Эфириум» заключает соглашения о партнерстве с довольно крупными и масштабными компаниями через фонд Enterprise Ethereum Alliance. Несомненно, данный факт является одним из показателей роста стоимости эфира. Многие эксперты считают, что в будущем эфир во многих своих показателях и характеристиках обгонит биткоин и по объему, и в цене.

Ripple. Представлен как глобальная система взаиморасчетов, являющаяся уникальным видом криптовалюты, отличающим ее от других. Принцип деятельности данного вида криптовалюты базируется на основе консенсуса или договоренности. Аналитики считают, что данный вид является самым перспективным, потому что китайская компания заключает огромное количество сделок и соглашений, которые позволяют в полной мере реализоваться на международной арене.

IoTeX (IOTX). Это блокчейн-платформа, разработанная для технологии Интернета вещей (IoT). Она стремится обеспечить безопасность, приватность и масштабируемость. Площадка предлагает инструменты и протоколы для созда-

ния децентрализованных приложений, которые могут быть использованы в различных сферах, включая умные дома, автономные автомобили и пр. По данным на конец декабря 2023 г., IoTeX (IOTX) возглавляет список лучших криптовалют с точки зрения прибыльности за сутки.

Solana (SOL). Это высокопроизводительная блокчейн-платформа, созданная для обеспечения масштабируемости и быстродействия. Она использует алгоритм консенсуса PoH. Он позволяет достигнуть высокой пропускной способности и низкой задержки транзакций.

Необходимо отметить, что точного прогноза по изменениям в сфере мирового рынка криптовалюты нет [8]. Поэтому указанная информация возникновения и развития основана на статистических данных экспертов и различных финансовых аналитиков, не носящих официальный характер [9].

В августе 2022 г. состоялся переход блокчейна Ethereum на новый уровень алгоритма майнинга Proof-of-Stake (PoS). По нововведениям особое значение имел количественный рост токенов, которыми владеют пользователи. Ethereum использовал майнинг для определенной безопасности монет и их сети, но новшество создателей проекта заключалось в совершенствовании системы и переходе на более безопасный протокол, который обеспечил качественное и минимальное расходование электроэнергии, увеличение пропускной способности сетей. Преимущество заключается в том, что Proof-of-Stake (PoS) позволяет запустить больше узлов, а именно децентрализовать систему в большем количестве отдельных элементов. Переход Ethereum PoW к PoS был необходим для обеспечения инфраструктуры и создания web 3.0, а также увеличения скорости размещения различного децентрализованного приложения (dApp). Переход блокчейна повлиял на безопасность и защиту монет от противоправных действий со стороны злоумышленников, которые попытались вывести денежные ресурсы незаконными способами. Но на сегодняшний день инвестиционный директор BitCluster Томас Галович заключил, что «на данный момент неизвестно, какие последствия этот переход будет иметь для пользователей блокчейна Ethereum в долгосрочной перспективе»¹.

Возможность использования криптовалюты в криминальных целях накладывает отпечаток на

характер валютного рынка, увеличивая его волатильность и определяя высокую степень риска финансовых операций. Очевидно, что рынок криптовалют требует адекватного правового регулирования на национальном и международном уровне. Правовой статус криптовалюты в разных странах различен, поэтому в каждой стране установлен свой механизм криптовалютного регулирования [10].

В различных странах отношение к цифровой валюте значительно отличается. Большинство государств выступают в роли наблюдателей, не предпринимая каких-либо активных действий. Они только предупреждают граждан о возможных негативных последствиях и рисках. А, например, в таких странах, как Исландия, Египет, Киргизия, обращение валюты в полной мере запрещено.

В силу особенностей федерального устройства США криптовалютный рынок законодательно регулируется на уровне штатов, причем правовое поле предлагает несколько вариантов:

- криптолиберализм — на территории штата законодательно разрешены любые операции с децентрализованными системами — от покупки/продажи монет до майнинга и запуска криптовалютных игровых проектов;

- криптоэтизм — регион позволяет работать с блокчейн-инструментами только тем компаниям, которые прошли соответствующую сертификацию;

- криптоэнтузиазм — штат делает ставку на массовое развитие децентрализованных технологий и предоставляет представителям коммерции ряд послаблений и льгот.

Помимо этого, приняты законы, которые направлены против использования криптовалюты в качестве финансирования терроризма, отмывания денег и др.

Канада является страной — сторонником криптовалют. Активная политика в этом направлении начала проводиться еще в 2014 г. Криптовалюта определяется в данной стране как товар и используется в качестве обмена на другие товары, т. е. на бартерной основе.

Китай самостоятельно осуществляет разработку собственной криптовалюты не только для коммерческих банков, но и для физических и юридических лиц. Политика Европейского союза основывается на консервативном подходе к цифровым активам². Первое место по количе-

¹ Эксперты увидели хорошие перспективы для промышленного майнинга в России. Среди плюсов: дешевая энергия и холодный климат. URL: <https://3dnews.ru/1066273/eksperti-pologitelno-otsenili-perspektivi-promishlennogo-mayninga-v-rossii?ysclid=lqb3ckrvfp669358051> (дата обращения: 20.12.2024).

² Пятая Директива ЕС расширяет сферу деятельности регулирующих органов Европейского Союза. URL: <https://internationalwealth.info/deofshorization/fifth-directive-widenes-area-of-activity-regulating-eu> (дата обращения: 12.12.2024).

ству владельцев криптовалюты занимает Германия, где биткоин признается в качестве денежного средства, во Франции криптовалютой можно расплачиваться в обычных магазинах.

Таким образом, опыт регулирования криптовалют за рубежом говорит о наличии определенных проблем, которые мешают созданию и усовершенствованию межгосударственной платформы для оборота криптовалюты, поэтому большинство стран с осторожностью относятся к данной сфере, а другие, в связи с неурегулированным законодательством, являются сторонниками нейтрального отношения к крипторегулированию. Но стоит отметить, что различные страны в той или иной степени сталкивались с криптовалютным обращением и вынуждены были реагировать с учетом особенностей национального законодательства. В условиях глобализации и развития экономической системы страны, не предпринимающие никаких действий, могут оказаться на периферии мирового финансового рынка.

С учетом этого в 2015 г. Центральным банком России была создана специальная рабочая группа, которая проводила анализ по криптовалюте и блокчейну. Завершающим этапом стало отрицание цифровой валюты, но принятие блокчейна.

Датой отсчета правового регулирования криптовалюты в России считается 1 января 2021 г., когда вступил в силу федеральный закон «О цифровых финансовых активах» (далее — Закон)¹. Первый проект этого закона появился еще в 2018 г., но из-за политических дебатов о целесообразности регулирования криптовалют, а затем и ведомственных разногласий на почве введения уголовной ответственности за хранение токенов работа над документом продлилась до 2021 г. После долгих споров было принято решение о регуляции, а не запрете электронных денег.

После публикации Закона эксперты сочли его неполным, т. к. в нем отсутствует определение майнинга, но при этом Россия на тот момент уже несколько лет находилась в тройке мировых лидеров по объемам добычи криптовалют. Документ также не устанавливал порядок налогообложения в отрасли, поэтому в 2022 г. акт доработали с учетом мнений всех участников рынка.

Министерством финансов Российской Федерации с целью формирования легального рынка цифровых валют с установлением их оборота и круга участников 18 февраля 2022 г. в Правительство Российской Федерации был направлен проект закона о регулировании криптовалют². Но стоит отметить, что на 2023 г. данный проект закона еще не был реализован, что подтверждает своевременность научного исследования института криптовалюты с точки зрения правового регулирования.

Начиная с 2023 г. с целью облегчения и ускорения процедуры регистрации криптовалютных компаний и ICO-проектов в России ведется построение нового механизма правового регулирования криптовалютных отношений. В весеннюю сессию 2023 г. комитет Государственной Думы по финансовому рынку рассмотрел новый проект закона о цифровой валюте в части установления правового регулирования деятельности по майнингу. Документ был внесен осенью 2022 г., но депутаты его отклонили. После доработки в августе 2024 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Федеральный закон Российской Федерации от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который позволит с ноября легализовать в России майнинг криптовалют.

Закон определяет понятие цифровых финансовых активов (далее — ЦФА), устанавливает порядок их выпуска и оборота на территории Российской Федерации. Для контроля над эмиссией и учета ЦФА учреждены новые субъекты рынка (операторы информационной системы). Они должны владеть уставным капиталом не менее 50 млн рублей и быть зарегистрированы в реестре Центрального банка Российской Федерации. Первый оператор информационной системы (далее — ОИС) был одобрен Центробанком России только в 2022 г. В конце 2024 г. число владельцев цифровых финансовых активов выросло до 108,2 тыс., а в начале 2025 г. объем ЦФА в обращении в России вырос до 242 млрд рублей³.

В настоящий момент отечественный законодатель не дает четкого определения криптовалю-

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс]: законопроект № 419059-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Цифровые финансовые активы в России. URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 03.03.2025).

там, но собственная законодательная трактовка разделяет понятия ЦФА и криптовалют и, по сути, вводит новые цифровые единицы, связанные с криптовалютами, технологией блокчейна и автоматизацией сделок с помощью смарт-контрактов, но обладающие следующими различиями:

- утерянный пароль от кошелька можно восстановить через оператора информационной системы. Фактически поставщик услуг должен разработать и поддерживать безопасность собственного блокчейна;

- строго ограниченная эмиссия с утвержденным планом;

- выпуск разрешен только для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на платформе ОИС, зарегистрированного в реестре Банка России.

Согласно ст. 14 федерального закона № 259-ФЗ в Российской Федерации запрещается распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Таким образом, установлен запрет на использование цифровой валюты на территории Российской Федерации в качестве средства платежа¹.

Для реализации криптовалюты в других странах необходимо при разработке и принятии нормативно-правовой базы следовать принципу ее соответствия на международной арене с учетом наработанного международного опыта. Но при этом важно также и учитывать политическое и экономическое состояние самой России, определяющее способность государства реализовать валютный рынок криптовалюты.

Особенность криптовалюты заключается в ее свободном перемещении по всему миру, что сказывается на ее притягательности с точки зрения реализации противоправных действий. В условиях политического и экономического противостояния Российской Федерации и западной цивилизации для решения указанной проблемы нельзя рассчитывать на сотрудничество в рамках существующих международных организаций, что актуализирует необходимость укрепления национальной правовой базы в области криптовалютного регулирования.

Первоначально реакция со стороны Правительства Российской Федерации на появление криптовалюты была крайне отрицательной, что выразилось в полном запрете ее использования, но со временем отношение к ней меняется. В современных реалиях криптовалюта является одним из перспективных направлений в национальной экономической системе, поэтому государство рассматривает ее как регуляторный инструмент финансовых процессов и как дополнительный источник пополнения бюджета в виде налогов и штрафов.

В условия интенсивной цифровизации общества электронные деньги, в т. ч. и криптовалюта, вошли в обиход граждан достаточно прочно. При этом остро встает вопрос правового регулирования отношений на таком быстро меняющемся поле, как информационное (виртуальное) пространство. Здесь первостепенной задачей законодателя является крайне рассудительно и прагматично ввести криптовалюту в отечественную правовую систему, чтобы, во-первых, не оказать сдерживающего воздействия на развитие технологий в Российской Федерации; во-вторых, защитить права и интересы общества от тех, кто использует криптовалюту в качестве инструмента реализации противоправных действий.

В заключение отметим, что, поскольку определение криптовалюты законодательно не закреплено в нормативно-правовой базе и нет четкой регламентации, в соответствии с которой криптовалюта может выступать объектом гражданских прав, необходимо дополнить существующее законодательство, где четко определить понятие криптовалюты, признать в перспективе ее обращение в форме безналичного денежного средства. Такое решение возможно при создании базового правового криптовалютного регулирования.

¹ Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 26.04.2024 № 05-06-11/39931 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Криптовалюта и блокчейн. URL: <https://crypto.ru> (дата обращения: 20.12.2023).
2. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Научный портал. 2017. № 8. С. 136–153.
3. Финансовая жизнь: научно-практическое издание / гл. ред. Н. А. Адамов. М.: Академия МБА, 2017. № 4. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/36257/1/Kelioglu_Kriptovalyuta_18.pdf.
4. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.
5. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 101–108.
6. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. № 5 (1). С. 58–67.
7. Беликов Е. Г., Юдина Е. В. Перспективы публично-правового регулирования обращения криптовалют в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2022. № 5 (171). С. 55–60.
8. Ситник А. А. Перспективы правового регулирования виртуальных (крипто-) валют: социально-правовое исследование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7 (59). С. 117–120.
9. Регулирование криптовалют в разных странах. URL: <https://vc.ru/32207-regulirovanie-kriptovalyut-v-raznyhstranah> (дата обращения: 20.12.2023).
10. Фадеев И. В. Правовой статус криптовалюты в РФ и зарубежных странах // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-3 (75). С. 135–138.

References

1. Kriptovalyuta i blokcheyn. URL: <https://crypto.ru> (data obrashcheniya: 20.12.2023).
2. Savel'ev A. I. Kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav // Nauchnyy portal. 2017. № 8. S. 136–153.
3. Finansovaya zhizn': nauchno-prakticheskoe izdanie / gl. red. N. A. Adamov. M.: Akademiya MBA, 2017. № 4. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/36257/1/Kelioglu_Kriptovalyuta_18.pdf.
4. Yankovskiy R. M. Kriptovalyuty v rossiyskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i tsifrovye den'gi // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2020. № 4. S. 43–77.
5. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. Ustanovlenie lichnosti vladel'tsev tsifrovoy valyuty: metodologicheskie osnovy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 4 (60). S. 101–108.
6. Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G. Tsifrovaya valyuta: osobennosti regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii // Pravoprimenenie. 2021. № 5 (1). S. 58–67.
7. Belikov E. G., Yudina E. V. Perspektivy publichno-pravovogo regulirovaniya obrashcheniya kriptovalyut v Rossiyskoy Federatsii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2022. № 5 (171). S. 55–60.
8. Sitnik A. A. Perspektivy pravovogo regulirovaniya virtual'nykh (kripto-) valyut: sotsial'no-pravovoe issledovanie // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 7 (59). S. 117–120.
9. Regulirovanie kriptovalyut v raznykh stranakh. URL: <https://vc.ru/32207-regulirovanie-kriptovalyut-v-raznyhstranah> (data obrashcheniya: 20.12.2023).
10. Fadeev I. V. Pravovoy status kriptovalyuty v RF i zarubezhnykh stranakh // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2021. № 5-3 (75). S. 135–138.

Информация об авторах

С. Е. Савотченко — доктор физико-математических наук, доцент;
В. Л. Акапьев — кандидат педагогических наук.

Information about the authors

S. E. Savotchenko — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Associate Professor;
V. L. Akapev — Candidate of Science (Pedagogy).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 05.12.2023; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 28–32.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 28–32.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПРОТИВОСТОЯНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Елена Геннадьевна Телегина

Новороссийский филиал Кубанского государственного университета, Новороссийск, Россия,
lady.lena-telegina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено развитие концепции взаимодействия культуры и права как модели противодействия криминальной субкультуре. Идеализация верховенства права показывает свою несостоятельность. Высокие показатели преступности, проявления экстремизма, терроризма, коррупции свидетельствуют о негативном влиянии криминальной субкультуры. Описывается взаимосвязь культуры и права как основание формирования правовой культуры. Предлагается конструктив модели взаимодействия, где культура, выступая форпостом правовой культуры, способна оказать эффективное противодействие криминальной субкультуре. Правовая культура общества выступает в качестве посредника между культурой и правом, который способен минимизировать влияние криминальной субкультуры и сформировать законопослушное общество. Исследование основывается на применении общенаучных методов: анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии; используется качественный социологический и криминологический анализ содержания академических текстов, а также применяется сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: правовой нигилизм, криминальная субкультура, культура, правовая культура, государственность

Для цитирования: Телегина Е. Г. Правовая культура как фактор противостояния криминальной субкультуре // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 28–32.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

LEGAL CULTURE AS A FACTOR OF CONFRONTING CRIMINAL SUBCULTURE

Elena G. Telegina

Novorossiysk branch of Kuban State University, Novorossiysk, Russia, lady.lena-telegina@yandex.ru

Abstract. The article considers the development of the concept of interaction between culture and law as a model of countering criminal subculture. The idealization of the rule of law shows its inconsistency. Negative indicators of crime, manifestations of extremism, terrorism, and corruption indicate the negative impact of the criminal subculture. The interrelation of culture and law is described as the basis for the formation of legal culture. A constructive model of interaction is proposed, where culture, acting as an outpost of legal culture, is able to effectively counteract the criminal subculture. The legal culture of society acts as an intermediary between culture and law, which is able to minimize the influence of the criminal subculture and form a law-abiding society. The research is based on the application of general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy; qualitative sociological and criminological analysis of the content of academic texts is used, as well as comparative legal analysis of normative legal acts.

Key words: legal nihilism, criminal subculture, culture, legal culture, statehood

For citation: Telegina E. G. Legal culture as a factor of confronting criminal subculture. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:28–32 (In Russ.).

© Телегина Е. Г., 2025

В условиях глобальных вызовов имеющиеся негативные тенденции, формирующие проявление крайней формы правового нигилизма — криминальной субкультуры, свидетельствуют о том, что одного лишь правового регулирования недостаточно. Очевиден тот факт, что в изменяющихся социально-экономических и политических отношениях, противодействовать криминальной субкультуре в многонациональной России становится все сложнее.

На сегодняшний день наблюдается уменьшение разногласий в высших криминальных кругах, также происходят изменения в правилах и традициях, например, современные авторитеты преступного мира маскируют свой криминальный образ жизни, занимаясь легальным бизнесом, и имеют жену и детей, однако утверждать об уменьшении влияния криминального сообщества на социально-экономические и культурно-нравственные институты современного общества преждевременно.

Несмотря на то что Верховный Суд Российской Федерации признал общественное движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) экстремистской организацией и запретил ее деятельность, оставаясь таинственной и романтичной, она привлекает подростков и молодежь. Проблема реальная, с которой приходится сталкиваться даже в школах¹.

Например, двенадцатилетнего школьника из Екатеринбурга «поставили на счетчик». Сначала попросили в «общак» 10 тысяч рублей, через несколько дней требовали 12 тыс. руб., а еще через несколько дней — уже 30 тыс. руб. Отдавать деньги школьник не стал, тогда его начали унижать, портить вещи, откровенно измываться. Старшеклассники, создав преступную группировку, вымогали деньги на «подогрев» лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, даже у восьмилетних [1].

Гипотезой данного исследования выступает идея о том, что фактором формирования противопослушного поведения как противодействия криминальной субкультуре выступает правовая культура, основанная на культуре как таковой, играющей немаловажную роль в формировании сознательного общества. Именно культура, являясь форпостом правовой культуры, выступающая в качестве предтеории организации права, имеет механизмы воздействия на общество как превенция, обладающая потенциалом противодействия

криминальной субкультуре в условиях глобализации и эпохи геополитических перемен.

Исходя из отсутствия среди ученых и социума единого понимания сущности понятий «правовой нигилизм», «правовая культура», «криминальная субкультура», не претендуя на единственно верное толкование, исходим из следующих определений.

Правовой нигилизм — неуважение, пренебрежение, отрицание права как такового, отрицательное отношение и нарушение норм права. Приобретая различные формы, правовой нигилизм выражается в массовом несоблюдении норм права, установленных государством, нанося вред различным общественным отношениям и конституционным основам Российского государства.

Правовая культура — часть культуры, опирающаяся на правовые знания, ценности, мировоззрение, характерное для человека/общества, выражающиеся в позитивном отношении к праву, основанном на принципах гуманизма. Рассматривается как позитивное отношение человека к праву и умение обеспечивать свою жизнедеятельность в рамках действия правовых институтов.

Криминальная субкультура — это система ценностей, норм и форм поведения, которые признает определенная группа преступных элементов и строит на ней свои отношения друг с другом. Существует прямая связь с личностью преступника и преступным образом жизни, ибо данная криминальная субкультура ведет внутри своего сообщества сравнительно отчужденное существование, что порождает ее конфликты с обществом в целом и столкновение с ним и его членами. Нельзя обойти вниманием мнение А. Кочеткова, который считает, что криминальная субкультура является частью общей культуры, а не обособленной «контркультурой», т. к. в одном произведении культуры могут одновременно присутствовать как криминальные, так и антикриминальные проявления [2, с. 30].

Одним из аспектов изучаемого проблемного вопроса является правовой нигилизм. Подпитываясь циничным популизмом среди государственных деятелей и служащих органов местного самоуправления, коррупционными проявлениями, нарушениями прав и свобод человека, правовой нигилизм является неоднозначным явлением и выражается в специфическом проявлении — криминальной субкультуре.

Оценивая криминальную субкультуру, надлежит указать, что ее традиции и обычаи способствуют устойчивости закономерностей рецидивной преступности. Повторность преступлений является основным признаком рецидива, т. е. первое преступление формирует так называемый

¹ Решениями Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 и 02.10.2020 общественные движения «Арестантское уголовное единство», «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е. признаны экстремистскими.

генетический «код преступной карьеры», а совершение однородных противоправных деяний (специальный рецидив) свидетельствует, что личность обладает устойчивой антиобщественной направленностью. Происходит своеобразная криминальная специализация, в данном случае речь идет о накоплении и использовании, а затем и передаче преступного опыта. Рецидивная преступность, культивируя криминальную субкультуру со всеми своими антисоциальными нормами, традициями и правилами, генерирует первичную преступность [3, с. 16–17].

Концепция идеализации правовой модели противодействия правовому нигилизму в целом и криминальной субкультуре в частности показывает свою несостоятельность, выражающуюся в высоких показателях преступности, проявлениях экстремизма, терроризма, коррупции, алкоголизации, наркотизации, омоложении преступности¹. Вводимые законодательные нормы, плохо согласованные друг с другом, создают значительные общественные отношения, которые не регулируются законами, а использование и применение на практике противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих актов делают правовую систему малоэффективной.

Безусловно, право в современной России выступает как доминирующая соционормативная система, однако процесс отделения права от культуры как источника традиционных духовно-нравственных ценностей усугубляет проявление правового нигилизма, что свидетельствует о назревшей необходимости государственной перенастройки системы координат права как такового.

Сущность криминальной субкультуры представляют собой социально опасные проявления, которые свидетельствуют о том, что для субъекта право не имеет статуса средства освоения окружающего мира либо еще не стало таковым. Будучи причиной нарушения законодательства и нарушения иных социальных норм, криминальная субкультура вызывает серьезные проблемы в разных сферах жизнедеятельности общества.

В концепции формирования криминальной субкультуры выделяется два вида: теоретический (или идеологический) и практический. В первом аспекте присутствует теоретическое и концептуальное ее обоснование, при котором полагается, что существуют более важные идеи: ценности, тюремные ценности, ценности «А.У.Е. —

арестантско-уркаганского единства»². Насаждение в обществе криминальной субкультуры подрывает авторитет правоохранительных органов, судебной системы и иных государственных институтов, утверждая тем самым позицию, что право как таковое и права конкретного индивида не имеют первостепенного значения. Во втором аспекте теоретические позиции несостоятельности права, выражающиеся в несовершенстве и замедленном развитии законодательства в условиях быстрого внедрения информационных технологий, за которыми не поспевает право, реализуются на практике в виде нарушений прав и свобод человека и гражданина.

Содержательная специфика криминальной субкультуры, позволяющая его классифицировать в зависимости от формы проявления на активную (приобщение к криминальным традициям и обычаям, выполнение особых ритуалов, использование криминального жаргона, вымогание денег для «подогрева» заключенных и т. д.) и пассивную (воздержание субъектов от совершения юридически определенных действий, предусмотренными нормами права, например неуплата налогов) форму, свидетельствует о многообразии причин ее существования и распространения. Безусловным остается одно — криминальная субкультура нарушает права и свободы личности, дестабилизирует безопасность общества и подрывает легитимность государственной власти.

Одним из способов противодействия криминальной субкультуре является развитие подхода к формированию правовой культуры, направленной на понимание и соблюдение законов, а также на развитие социальной ответственности общества. Культура, выполняя мировоззренческую, коммуникативную, регуляторную функцию, дает возможность толчок к развитию правовой культуры, которая, основываясь на духовных ценностях, является важным элементом правового государства.

Отводя большое место культуре, выступающей основой нравственно-духовного развития человека, развития правовой культуры, констатируем, что она способна объединить людей независимо от нации, расы, принадлежности к государству.

В данном случае культура выступает как форпост правовой культуры, т. к. многообразие социального бытия разных народов предопределяет диверсификацию культуры в целом относи-

¹ Негативные тенденции в показателях преступности можно найти на официальных сайтах МВД России, Генеральной прокуратуры РФ, статистику алкоголизации и наркомании населения и др. — на сайтах Минздрава России и Росстата.

² Решениями Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 и 02.10.2020 общественные движения «Арестантское уголовное единство», «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е. признаны экстремистскими.

тельно обособленных социумов. Правовая культура общества выступает в качестве своеобразного посредника между культурой и правом. Рассматривая правовую культуру в данном контексте, полагаем, что опосредованное влияние правовой культуры через духовные постулаты может привести к положительным изменениям в системе социальной регуляции государства.

Научное погружение в проблему позволяет определить, что недооценен ресурсный потенциал предлагаемой модели противостояния криминальной субкультуре, выраженный в конструктиве: культура — правовая культура — противодействие криминальной субкультуре. Полагаем, что дискурсивное преобразование культуры в правовую культуру способно формировать законопослушное поведение человека, основываясь не на страхе перед наказанием в виде юридической ответственности, а на более глубоких духовных материях. Необходимо достижение некоего компромисса между правом и культурой как социальными регуляторами общественных отношений.

Процесс дробления идентичностей права и культуры и расхождение между ними в настоящее время сопровождается обратным процессом — процессом поиска общих оснований для успешного развития и функционирования общества и государства. Данный факт находит свое отражение в ст. 4 Указа Президента Российской Федерации от 19.11.2022 № 809, которым утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ (далее — Указ): *«Нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»*.

Отводя большое место культуре в жизни российского общества, отметим, что соотношение права и культуры строится на принципе выстроенной иерархии, когда нормы права имеют приоритет. Однако, как видно из Указа, несмотря на высокие темпы развития права в современной России, когда нормы права пронизывают все имеющиеся общественные отношения, несмотря на некое условное превосходство, сущность

культуры и основанная на ней правовая культура выражаются в добровольном понимании интеллектуально-волевого элемента, который связан с гуманизмом, терпимостью, справедливостью.

Упоминание о важной роли культуры свидетельствует о том, что правовая модель противодействия криминальной субкультуре базируется на модели формирования правопослушного поведения посредством правовой культуры, предназначение которой проявляется в том, что она позволяет отграничить добро от зла, истину от обмана, тем самым «подсвечивая» право. Такие нравственно-духовные ценности в системе общественных отношений должны быть традиционным, устойчивым элементом российского общества, имея которые, общество способно и должно гармонично развиваться в рамках существующей правовой системы, не принимая и отвергая концепции криминальной субкультуры.

Переосмысляя дискурс о взаимодействии права и культуры, полагаем, что их тандем способен внести наиболее весомый вклад в формирование правовой культуры как системообразующего фактора безопасности общества и государства, являющегося противовесом криминальной субкультуре. Развивая концепцию взаимодействия, подчеркнем, что не просто существование, а именно взаимодействие права и культуры способно сформировать законопослушное общество.

Индикатором развития социального, правового государства являются общечеловеческие ценности, основы морали, гуманизм, честь, достоинство, справедливость, истина, выступающие в виде культурного кода. Как справедливо отмечает Н. А. Славова, культура является фундаментом для формирования мировоззрения человека и определяет стратегическое развитие самого общества, государства, и права [4, с. 53].

Проблема криминальной субкультуры, т. е. отрицание законов и права как социального института, является одной из наиважнейших, т. к. отрицание законов несет с собой разрушительное воздействие на все общественные институты, экономику и политику государства. Право является фундаментом развитого государства, а его неприятие, пренебрежение, нарушение могут привести к хаосу и массовому нарушению прав и свобод человека. Полагаем, что обеспечение равных возможностей культуры и права в формировании правовой культуры выступает противовесом криминальной субкультуры, выполняя важную функцию развития личности. При такой концепции культура выступает не просто как духовная доминанта, но и как институция, представляющая собой регулятивно-охранительный инструмент государственного контроля.

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Список источников

1. Куликов В., Мационг Е. Верховный суд приравнял уголовные «понятия» к экстремизму. URL: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Кочетков А. Криминальные проявления в культуре современной России // Законность. 2001. № 5. С. 26–30.
3. Телегина Е. Г. Криминальная субкультура и ее влияние на противоправное поведение лиц женского пола: учебно-метод. пособие. Саратов, 2009. 104 с.
4. Славова Н. А. Роль религии в развитии современного права и общества // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 2. С. 51–57.

References

1. Kulikov V., Matsiong E. Verkhovnyy sud priravnial ugolovnye «ponyatiya» k ekstremizmu. URL: <https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html> (data obrashcheniya: 25.10.2024).
2. Kochetkov A. Kriminal'nye proyavleniya v kul'ture sovremennoy Rossii // Zakonnost'. 2001. № 5. S. 26–30.
3. Telegina E. G. Kriminal'naya subkul'tura i ee vliyanie na protivopravnoe povedenie lits zhenskogo pola: uchebno-metod. posobie. Saratov, 2009. 104 s.
4. Slavova N. A. Rol' religii v razvitii sovremennogo prava i obshchestva // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. 2021. T. 1, № 2. S. 51–57.

Информация об авторе

Е. Г. Телегина — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. G. Telegina — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 29.11.2024; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 33–38.
Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 33–38.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.15

**ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Оксана Николаевна Хужина

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
oksana_17.92@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются исторические предпосылки исследования традиционных ценностей в российском праве в период становления и развития правовой системы Российской империи. Автор приходит к выводу, что в период Российской империи зародились такие традиционные ценности, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, особо укрепилась ценность жизни, крепкой семьи, единства народов России.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, эволюция российского права, право, мораль, источники российского права

Для цитирования: Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте правового наследия Российской империи // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 33–38.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

**TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CONTEXT
OF THE LEGAL HERITAGE OF THE RUSSIAN EMPIRE**

Oksana N. Khuzhina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
oksana_17.92@mail.ru

Abstract. The article highlights the historical background of the study of traditional values in the Russian law during the formation and development of the legal system of the Russian Empire. The author concludes that during the period of the Russian Empire, such traditional values as patriotism, citizenship, service to the Fatherland and responsibility for its fate, historical memory and the continuity of generations were born, the value of life, a strong family, and the unity of the peoples of Russia were especially strengthened.

Key words: traditional values, spiritual and moral values, evolution of the Russian law, law, morality, sources of the Russian law

For citation: Khuzhina O. N. Traditional spiritual and moral values in the context of the legal heritage of the Russian Empire. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:33–38 (In Russ.).

© Хужина О. Н., 2025

Традиционные российские духовно-нравственные ценности (далее — традиционные ценности) все активнее исследуются представителями различных областей гуманитарного знания. Подъем научного интереса к традиционным ценностям в отечественной доктрине обусловлен в немалой степени оформившимся самостоятельным направлением государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Необходимость познания традиционных ценностей в аспекте предмета именно правового исследования вытекает из признания важности правового инструментария в реализации поставленных в этом направлении государством задач, а именно таких его составляющих, как «совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; разработка органами публичной власти документов стратегического планирования с учетом целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей»¹. Справедливо полагать, что совершенствование нормативно-правовой базы в духе соответствия традиционным ценностям, а также разработка и принятие документов стратегического планирования в названной сфере с тем, чтобы это действительно возымело положительный эффект, должны происходить в условиях четкого понимания содержательного наполнения традиционных ценностей.

Последнее сложно представить без погружения в историю вопроса. Автор последовательно формирует исторические предпосылки исследования традиционных ценностей в праве, в настоящей публикации акцент сделан на периоде становления и развития правовой системы Российской империи, охватывающем примерно XVIII — начало XX в. Источники права, относящиеся к этому временному отрезку, важно познать в аспекте отражения традиционных ценностей с тем, чтобы выявить содержательное наполнение последних, основываясь на изначальном смысловом подходе, имевшем место в момент их формирования. Думается, такое историческое погружение будет способствовать снижению вероятности искажения сути ценностей в современном понимании, а равно выявле-

нию опыта правовой охраны и укрепления традиционных ценностей.

Открывает взятый исторический период реформаторская деятельность Петра I, получившая обширное правовое сопровождение. Не будем погружаться в дискуссию по поводу неоднозначности оценки изменений, произошедших в государственном и общественном устройстве в ходе петровских преобразований. Акцентируем внимание на отечественных памятниках права, а также научных исследованиях, сделанных по его следам, относительно традиционных ценностей, их стабильности и изменчивости в эпоху петровских преобразований, объединив сферы жизни по двум направлениям: первое — с преобладанием влияния на частную сферу, интересы населения, второе — с преобладанием влияния на публичную область, связанную с государственным устройством.

Сфера частного жизнеустройства претерпела значительные преобразования прежде всего в быту, стал трансформироваться досуг. Например, появились ассамблеи, проведение которых предполагало определенные действия, вызывавшие отторжение у лиц, должных в них участвовать, как то: обязательное свободное присутствие женщин; помимо игр в шахматы и карты, танцев и бесед, мужчинам предписывалось курить и распивать спиртное. Несмотря на то что новые требования преимущественно сказывались на образе жизни слоев общества, приближенных к государственной власти, двору, а не простолюдинов, содержание подобных мероприятий оказывало негативное влияние на состояние нравственности общества: «Шутовские заседания и процессии несомненно способствовали огрублению, а не смягчению нравов» [1, с. 559]. Принудительная форма веселья не смогла прижиться на русской национальной почве, однако возымела влияние негативное: исследователи указывают на размытие моральных норм, переосмысление христианских ценностей, ослабление ответственности ранее существовавших моральных, религиозных социальных регуляторов, прежде всего в верхнем и среднем слоях российского общества [2].

Стремление Петра I к упорядочиванию не обошло стороной и законодательную сферу. К 1719 г. Петр I предпринял попытку поворота к европейскому опыту правового регулирования, выразившегося в указании приложить шведское Уложение к российским реалиям того времени. Однако перенятие европейского опыта правового регулирования не увенчалось успехом, названный документ не удалось приспособить к потребностям русского общества того времени [3,

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhdenii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/ (дата обращения: 22.12.2024).

с. 607]. История не раз показывает, что полное копирование зарубежного опыта правового регулирования неприемлемо для российской правовой системы, одна из причин такового видится в невозможности либо слабой адаптации иностранных ценностей в отечественной правовой материи, являющейся элементом единой российской социокультурной сферы.

Одновременно с попыткой систематизации права Петр I вел активную собственную правотворческую деятельность. Принятие в 1721 г. Духовного регламента ознаменовало закрепление двуединой природы нормативной регламентации духовной жизни общества, а именно со стороны церкви и со стороны государства: «А управления основание, то есть, закон Божий, в Священном Писании предложенный, тако ж каноны, или правила соборныя Святых Отец и уставы гражданские, слову Божию согласные, собственной себе книги требуют, а zde не вмещаются» [4]. Государство не просто закладывает основы для ограничения церковного управления в обществе, зарождавая светское начало, а провозглашает свой приоритет. В настоящее время можем наблюдать стремление российской власти в рамках парадигмы светского государства вернуть авторитет религиозных организаций в духовном воспитании граждан, признается весомое значение религий в становлении ценностной системы российского общества.

Судить о состоянии частной сферы в анализируемый период, думается, справедливо с позиции правовой регламентации брачно-семейных отношений. Общеизвестно, что формирование видения модели семьи, ее возникновения, взаимоотношения ее членов между собой и т. д. у представителей средневекового российского общества происходило под эгидой православия, его идей. Петр I внес некоторые коррективы в регламентацию семейных отношений, по большей степени касающиеся ослабления религиозного влияния, включения светскости [5, с. 491–492]. Вместе с тем нельзя сказать, что сущностное понимание семьи претерпело изменения.

С точки зрения формирования ценностного ядра имеют значение преступления против нравственности, перечисляемые в Артикуле воинском 1716 г. Исследование текста данного правового акта показывает, что государство берет под свою охрану ряд общественных отношений, ранее не входивших в круг правовых, а разрешавшихся на основании религиозных норм. Показательна двадцатая глава названного акта, посвященная деяниям, признаваемым преступными, в части содомского греха, насилия и блуда;

в частности, под государственный запрет под угрозой уголовного наказания подпадают мужеложство и скотоложство [6]. Обратим внимание, что базовая идея уголовного запрета названных в главе двадцатой деяний сохранилась до сегодняшнего дня в российском обществе, где некоторые проявления сексуальности, не связанные с возможностью зачатия новой жизни, не просто осуждаются, но и получают правовой запрет, равно как и их пропаганда. Одним из посылов к этому является противоречие таких деяний традиционным ценностям. Как видим, ценность традиционных половых отношений укрепились в рассматриваемый период.

Такая ценность, как «жизнь», продолжается трансформироваться. Круг деяний против жизни, признаваемых преступными, расширяется. В разряд преступлений против жизни включаются убийство дитяти-младенца, самоубийство и поединки [5, с. 430]. Конечно, еще рано говорить о возведении жизни человека в абсолют, если сопоставить с теми жестокими наказаниями, которые практиковались в тот период, но тем не менее нельзя не отметить стремление государства придавать человеческой жизни важность.

Оценивая влияние реформаторской деятельности на традиционный уклад социального устройства российского общества, полагаем справедливым заключить, что некоторые нововведения не прижились вовсе, но ряд таковых органично вписался в систему социального регулирования, модернизировав ее. Имело место закономерное влияние реформ на традиционные ценности в сфере частных отношений: с одной стороны, под влиянием прогрессивной мысли некоторые утрачивают свою актуальность, переходя в разряд архаичных правил, другие, напротив, доказывают свою важность для общества и продолжают сохраняться, опять же, до определенного времени, пока само общество не придет к тому, что имеющийся вариант поведения не нуждается в охране, в нем больше нет необходимости.

Традиционное государственное устройство претерпело колоссальные изменения под воздействием идеи правителя о мощном национальном государстве. Именно в этой сфере зародились новые институты, явления, прошедшие через многовековую историю и сохранившиеся до наших дней уже в статусе традиционных. С позиции современной системы традиционных ценностей, обозначенной отечественным законодателем, обращает на себя внимание петровская идея служения Отечеству, которую справедливо рассматривать прототипом таких современных

ценностей, находящихся в разряде традиционных духовно-нравственных, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений.

Названные ценности, будучи преимущественно релевантными коллективистским началам, являются близкими по целевому назначению и отражают общее направление духовно-нравственного ориентира личности — эмоциональная поддержка государства, преданность ему, твердая готовность действовать во благо общества и государства, в т. ч. защищать его, базирующиеся на чувстве любви к Отечеству, причастности к общему делу строительства будущего с опорой на прошлое. Провозглашение названных ценностей предполагает задание вектора для общего движения общества навстречу государству.

Именно в этот период «в массовом политическом сознании Россия начинает восприниматься не как только “отчина” правящей династии, а как общая для всего русского народа Родина — “Отечество”, т. е. духовно-политический феномен, который стал включать в себя многие иные составляющие (родная земля, “малое Отечество”, природа, территория, дальние и близкие родственники, народ, духовный мир народа и т. д.)» [7, с. 266]. Само слово «отечество» начинает активно использоваться в государственном дискурсе, прежде всего самим Петром I. Одним из известнейших и ярчайших примеров такового можно назвать сохранившийся до наших дней текст призыва Петра I к воинам русским накануне Полтавской битвы, где, в частности, говорится следующее: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который бы всего *отечества* (курсив наш. — О. Х.) состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России» [8]. Государь говорит о том, что все Отечество находится сейчас в руках воинов, от итога битвы зависит судьба его. Данный феномен пройдет через века и сохранится до наших дней, получив закрепление в статусе традиционной ценности.

Думается, верно заключить, что деятельность Петра I в сфере государственного управления явила мощный фундамент для таких традиционных духовно-нравственных ценностей, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений.

Не прекращается процесс расширения территории России, как следствие усиливается полиэтничность государства. Удивительная закономерность для имперского государства: в законо-

дательных актах того периода не удастся найти норм, которые прямо были бы направлены на эксплуатацию, угнетение нового населения со стороны русского народа. Исследователи констатируют, что в законах не только не найти норм, возвышающих русский народ над иными, а, напротив, есть положения о приравнивании таковых в правах: «В законах мы не найдем, однако, установления системы привилегий для русского народа или ограничений для других народностей ... в публикуемых законах читатель найдет некоторые нормы о приравнивании русских народов по правам и обязанностям к русскому населению, конечно, с учетом классовой принадлежности» [9, с. 24], — читаем в предисловии к четвертому тому российского законодательства X—XX вв., посвященному законодательству периода становления абсолютизма. Как видим, позиция Российского государства относительно равенства русских и иных народов имеет глубокие корни и по сей день остается неизменной. Современные исследователи также подчеркивают уникальность развития Российского государства в аспекте многонациональности, как «истории не государства-завоевателя, а страны, мирно включавшей в состав новые территории на равноправных началах» [10, с. 46]. Безусловно, единство народов России — ценность, прошедшая сквозь века.

В имперский период российского права выделяются отрасли законодательства, что наглядно иллюстрирует Свод законов Российской империи. Оформляется брачно-семейное право. С позиции ценности понятия «крепкая семья» правовая регламентация брачно-семейных отношений в Российской империи имеет особое значение. При внимательном изучении положений, касающихся прав и обязанностей семейственных, изложенных в Своде законов гражданских, можно проследить четкую направленность норм не просто создания и сохранения семьи, а именно крепкой семьи. Об этом, полагаем, свидетельствуют правила, определяющие порядок заключения и расторжения брака, а также сами семейственные права и обязанности супругов и детей, особенности быта.

Первое, что указывает на приоритет не просто создания семьи, а именно крепкой семьи, которая должна иметь потенциал длительного союза, — это условия и порядок вступления в брак, в числе которых, в частности, определение нижней и верхней возрастных границ для вступления в брак; необходимость согласия родителей, иных законных представителей на вступление в брак детей, а в отдельных случаях начальства, с одновременным запретом на принуждение к браку;

взаимное согласие брачующихся; запрет на вступление в брак при наличии нерасторгнутого брака, при этом число допустимых повторных браков ограничено — четвертый брак запрещен; неприветствие межрелигиозных браков. Названные штрихи к вступлению брак вполне становятся понятны, объяснимы и, как следствие, приемлемы, если посмотреть на брак как союз мужчины и женщины, который создается на земле по благословению божьему раз и на всю жизнь, а во главу угла поставить его прочность. То же самое — согласие родителей, по сути благословение, добро на брак, может быть рассмотрено как возможная оценка более взрослыми, умудренными жизненным опытом людьми перспектив союза своих чад, которые в силу возрастных особенностей психоэмоционального и рационального характера не способны оценить перспективы предполагаемого брачного союза. Что касается бытовой составляющей брака, указывающей также на важность крепкой семьи, следует обозначить обязательность совместного проживания супругов по общему правилу. Расторгнуть брак было не так просто, как это есть сейчас, одного желания на то супругов было недостаточно, необходимо наличие обстоятельств, прямо оговоренных в законе.

В целом, думается, что права и обязанности супругов, нашедшие законодательное закрепление, в отличие от современного семейного законодательства в большей степени ориентированы на регулирование межличностных отношений, например, можем увидеть закрепление обязанности мужа «любить свою жену, как собственное свое тело» [11]. Крепкая семья способствовала сохранению социальной стабильности, в этой связи и нормативное правовое регулирование ориентировало на

укрепление семьи как хранительницы духовно-нравственного опыта, определяющего социальное взаимодействие, о чем свидетельствует, в частности, возложение на родителей обязанности по нравственному воспитанию детей.

Важно обратить внимание, что общие законодательные положения относительно брачно-семейной сферы ориентированы на представителей православной веры, русское население. Однако в законе сделана попытка «вписать» правила о брачно-семейных отношениях представителей иных народов, представителей иных религиозных учений, язычников: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства» [11], — читаем в п. 90 Законов гражданских. Данное положение продолжает общую идею политики Российской империи о единстве народов, ее населяющих.

Исследование отечественного правового наследия позволяет сделать вывод, что система традиционных ценностей закономерно трансформируется в контексте исторических периодов. В этом есть уникальность традиционных российских духовно-нравственных ценностей: древо ценностей, имея единую корневую систему, наращивает новые ветви — новые ценности, испытание которых временем вписывает их либо нет в традицию российского общества. В период Российской империи зародились такие традиционные ценности, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, особо укрепились ценность жизни, крепкой семьи, единства народов России.

Список источников

1. Гольцев В. А. Законодательство и нравы в России XVIII века // В кн.: Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2003. 1023 с.
2. Миненко Г. Н., Жилянина Н. А. Реформы Петра I и их влияние на брак и семейную жизнь в дворянской и крестьянской среде (опыт сравнительного анализа) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49. С. 150–156.
3. Беляев И. Д. История русского законодательства. Серия «Мир культуры, истории и философии». СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 640 с.
4. Регламент, или Устав Духовной коллегии (Духовный регламент). 25 января 1721 г. // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. М., 2014. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335371> (дата обращения: 05.01.2025).
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. 800 с.
6. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=lwyna9kuyj655003920> (дата обращения: 05.01.2025).
7. Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Альманах. Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283.

8. Приказ перед Полтавской битвой. 27 июня 1709 г. // В кн.: Петр Великий. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Б. Каменский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 335. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/340628#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 05.01.2025).
9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. 511 с.
10. Зарубина К. А. К вопросу о характеристике традиционных духовно-нравственных ценностей Российского государства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. № 14 (6). С. 42–52.
11. Свод законов Российской империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Книга первая. О правах и обязанностях семейственных. Издание 1900 г. // Библиотека репринтных изданий справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html> (дата обращения: 05.01.2025).

References

1. Gol'tsev V. A. Zakonodatel'stvo i nrayy v Rossii XVIII veka // V kn.: Petr Velikiy: pro et contra: Lichnost' i deyaniya Petra I v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya. SPb., 2003. 1023 s.
2. Minenko G. N., Zhilyanina N. A. Reformy Petra I i ikh vliyaniye na brak i semeynuyu zhizn' v dvoryanskoy i krest'yanskoy srede (opyt sravnitel'nogo analiza) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. № 49. S. 150–156.
3. Belyaev I. D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva. Seriya «Mir kul'tury, istorii i filosofii». SPb.: Izd-vo «Lan», 1999. 640 s.
4. Reglament, ili Ustav Dukhovnoy kollegii (Dukhovnyy reglament). 25 yanvarya 1721 g. // Zakonodatel'stvo Petra I. 1696–1725 gody. M., 2014. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335371> (дата обращения: 05.01.2025).
5. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. M., 2005. 800 s.
6. Artikel voinskiy ot 26 aprelya 1715 g. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=lwyna9kyij655003920> (дата обращения: 05.01.2025).
7. Perevezentsev S. V., Sorokopudova O. E., Strakhov A. B., Shakirova A. A. «Otechestvo nakhoditsya ne v geografii...»: K voprosu ob evolyutsii traditsionnykh dukhovno-politicheskikh tsennostey rossiyskoy tsivilizatsii // Al'manakh. Tetradi po konservatizmu. 2021. № 3. S. 263–283.
8. Prikaz pered Poltavskoy bitvoy. 27 iyunya 1709 g. // V kn.: Petr Velikiy. Izbrannoe / sost., avt. vstup. st. i komment. A. B. Kamenskiy. M.: ROSSPEN, 2010. S. 335. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/340628#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 05.01.2025).
9. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshch. red. O. I. Chistyakova. M., 1984. T. 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absol'yutizma / отв. ред. А. Г. Ман'ков. М., 1986. 511 с.
10. Zarubina K. A. K voprosu o kharakteristike traditsionnykh dukhovno-nravstvennykh tsennostey Rossiyskogo gosudarstva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2024. № 14 (6). S. 42–52.
11. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Tom X. Chast' pervaya. Svod zakonov grazhdanskikh. Kniga pervaya. O pravakh i obyazannostyakh semeystvennykh. Izdanie 1900 g. // Biblioteka reprintnykh izdaniy sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html> (дата обращения: 05.01.2025).

Информация об авторе

О. Н. Хужина — кандидат юридических наук.

Information about the author

O. N. Khuzhina — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 39–44.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 39–44.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74:796.062

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНТРОЛЕРОВ-РАСПОРЯДИТЕЛЕЙ

Александр Геннадьевич Бачурин¹, Иван Иванович Самсонов²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vooky22@yandex.ru

² Центр спортивной подготовки сборных команд Алтайского края, Барнаул, Россия, sii2009@yandex.ru

Аннотация. Авторами проанализированы действующие нормативные правовые акты, регламентирующие меры охраны общественного порядка и общественной безопасности на официальных спортивных мероприятиях. Дается понятие основного субъекта безопасности на спортивных мероприятиях — контролера-распорядителя, перечисляются основные элементы его административно-правового статуса. Исследуются нормы, касающиеся специальной подготовки контролеров-распорядителей, в т. ч. с применением метода аналогии права, и указывается на их пробельность. Дается авторское определение понятия «специальная подготовка контролеров-распорядителей», обосновывается предложение его легализации в ведомственном приказе Министерства спорта Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, контролер-распорядитель, официальные спортивные мероприятия, собственник (пользователь) объекта спорта, специальная подготовка, спортивные федерации

Для цитирования: Бачурин А. Г., Самсонов И. И. Отдельные аспекты административно-правового статуса контролеров-распорядителей // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 39–44.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CERTAIN ASPECTS OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF MANAGING SUPERVISORS

Alexander G. Bachurin¹, Ivan I. Samsonov²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vooky22@yandex.ru

² Sports training center for national teams of the Altai Territory, Barnaul, Russia, sii2009@yandex.ru

Abstract. The authors analyzed the current regulatory legal acts regulating measures to protect public order and public safety at official sporting events. The concepts of the main subject of security at sports events — the controller-manager are given. The main elements of its administrative and legal status are listed. Their special training is highlighted as one of the elements of this status. The norms concerning the special training of supervisors are being investigated, including using the method of analogy of law, and their gaps are indicated. The author's definition of "special training of supervisors" is given, with a proposal to legalize it in a departmental order of the Ministry of Sports of the Russian Federation.

Key words: administrative and legal regulation, controller-manager, organizer of competitions, official sports events, owner (user) of a sports facility, special training, sports federations

For citation: Bachurin A. G., Samsonov I. I. Certain aspects of the administrative and legal status of managing supervisors. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:39–44 (In Russ.).

© Бачурин А. Г., Самсонов И. И., 2025

В 2013–2014 гг. в Российской Федерации в связи с подготовкой к проведению Олимпиады и чемпионата мира по футболу стремительно формировалось законодательство, регулирующее отношения по обеспечению общественного порядка и безопасности в сфере спорта. Именно обеспечение действия мер охраны общественно-го порядка и общественной безопасности является одним из условий проведения физкультурных и спортивных мероприятий (ст. 20 Федерального закона Российской Федерации от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — ФЗ «О физической культуре и спорте»)). В Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации задача обеспечения безопасности также отнесена к числу основных¹. Это подтверждают и специалисты административного права, обоснованно утверждая, что деятельность по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в Российской Федерации, в т. ч. и при спортивных мероприятиях, — это сложная конструкция, требующая комплексного теоретического осмысления и практического подхода [1, с. 50].

Нормативными правилами, установленными российским законодателем, определено, что ответственными лицами, отвечающими за вопросы обеспечения безопасности, являются организаторы спортивных мероприятий, собственники (пользователи) объектов спорта. Спортивные объекты являются местами массового пребывания людей и подлежат категорированию в целях установления дифференцированных требований к обеспечению безопасности с учетом степени потенциальной опасности и угрозы совершения террористических актов и их возможных последствий². Обеспечение высокого уровня безопасности невозможно без надлежащей охраны, осуществляемой высококвалифицированными профессионалами.

¹ Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий) [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 25.03.2015 № 272. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Согласно подп. «а» п. 16, подп. «з» п. 17, подп. «а» п. 18, подп. «и» п. 19 Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований³ собственник (пользователь) объекта спорта или организатор соревнований вправе привлекать контролеров-распорядителей для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, обеспечивая их деятельность.

Согласимся с мнением Ю. Э. Стрекаловой, которая обоснованно утверждает, что именно контролеры-распорядители играют огромную роль в соблюдении всех условий и принципов проведения спортивных мероприятий и требований по безопасности среди зрителей [2, с. 66].

Понятие «контролер-распорядитель» закреплено в п. 3.4 ст. 2 ФЗ «О физической культуре и спорте». Данный субъект обеспечения безопасности обладает определенным правовым статусом, урегулированным прежде всего нормами административного права. Рассмотрим составляющие правового статуса контролера-распорядителя.

Во-первых, это физическое лицо, гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет. Контролерами-распорядителями не могут быть недееспособные, ограниченно дееспособные; имеющие неснятую и непогашенную судимость, а также лица, привлекавшиеся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ); лица, состоящие на учете по поводу психического заболевания, алкоголизма, наркомании или токсикомании.

Во-вторых, контролер-распорядитель должен пройти специальную подготовку и иметь соответствующее удостоверение.

В-третьих, контролер-распорядитель привлекается на договорной основе организатором и (или) собственником, пользователем объекта спорта при проведении официального спортивного соревнования, выполняет обязанности и реализует права, установленные в ст. 20.2 ФЗ «О физической культуре и спорте».

В-четвертых, контролерам-распорядителям предусматриваются компенсационные выплаты и материально-техническое обеспечение со сто-

³ Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2014 № 353. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

роны организаторов физкультурных мероприятий или спортивных мероприятий.

Статус контролера-распорядителя подтверждается удостоверением, выданным общероссийской или региональной спортивной федерацией или профессиональной спортивной лигой, организацией, действующей на основании договора с общероссийской спортивной федерацией, после прохождения гражданами документально подтвержденной специальной подготовки.

Отметим, что анализ действующего нормативно-правового регулирования не позволяет четко, однозначно и доступно трактовать установленные требования к образованию и обучению контролеров-распорядителей, их квалификации и определению организаций, уполномоченных на их подготовку. Нет ответа и на вопрос, что подразумевается под «специальной подготовкой» контролеров-распорядителей.

Анализ Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ «Об образовании») показал, что в ст. 81 при определении особенностей реализации профессиональных образовательных программ и деятельности образовательных организаций федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, содержатся термины «профессиональная подготовка», «специальная профессиональная подготовка». Легальная их трактовка в законе не дается, термина «специальная подготовка» нет вообще. Специальная подготовка упоминается в иных нормативных правовых актах, в т. ч. ведомственного уровня (таблица 1).

Таблица 1

**Перечень профессий,
где необходимо прохождение физическими лицами специальной подготовки**

№ п/п	Наименование профессии	Нормативный правовой акт
1.	Контролер-распорядитель	Федеральный закон Российской Федерации от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»
2.	Спортивный судья	
3.	Судебный пристав	Приказ Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации от 05.07.2021 № 360 «Об утверждении Положения о специальной подготовке в Федеральной службе судебных приставов»
4.	Профессии, по которым при поступлении на работу, требующую специальных знаний или специальной подготовки, возможно заключение трудового договора без предъявления документов об образовании и (или) о квалификации на основе свидетельства о квалификации (более 300 наименований)	Приказ Минтруда России от 21.12.2022 № 804н «Об утверждении перечня профессий, должностей, специальностей и наименований квалификаций, по которым при поступлении на работу, требующую специальных знаний или специальной подготовки, возможно заключение трудового договора без предъявления документов об образовании и (или) о квалификации на основе свидетельства о квалификации, выданного в соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 238-ФЗ “О независимой оценке квалификации”, и перечня профессий, должностей, специальностей, по которым при поступлении на работу, требующую специальных знаний или специальной подготовки, возможно заключение трудового договора без предъявления документов об образовании и (или) о квалификации с последующим подтверждением квалификации в соответствии с правилами, установленными работодателем с учетом мнения представительного органа работников»

№ п/п	Наименование профессии	Нормативный правовой акт
5.	Помощник командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими	Постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2012 № 1004 «Об утверждении Правил предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правил прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими»
6.	Военный персонал, направляемый для участия в миротворческой деятельности	Федеральный закон Российской Федерации от 23.06.1995 № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»
7.	Граждане Российской Федерации в период пребывания в мобилизационном людском резерве	Постановление Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 № 850 «Об утверждении Правил исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку граждан Российской Федерации в период пребывания в мобилизационном людском резерве, а также полученных гражданами Российской Федерации при заключении контракта о пребывании в мобилизационном людском резерве, в случае их досрочного исключения из мобилизационного людского резерва»
8.	Диспетчерский, оперативный и оперативно-ремонтный персонал	Приказ Минэнерго России от 22.09.2020 № 796 «Об утверждении Правил работы с персоналом в организациях электроэнергетики Российской Федерации»

Во всех приведенных нормативных правовых актах дефиниция «специальная подготовка» не раскрывается.

Применяя метод аналогии права, обратимся к Правилам работы с персоналом в организациях электроэнергетики Российской Федерации, утвержденным приказом Минэнерго России, в котором сказано, что специальная подготовка — это «форма профессионального обучения работника путем формирования его знаний, умений и навыков, проработки организационно-распорядительных документов и разборки случаев аварий, пожаров и случаев производственного травматизма, его систематической тренировки в управлении производственными процессами, в том числе с использованием учебно-тренировочных средств (программно-технических средств подготовки персонала, включая автоматизированные обучающие системы, тренажеры, полигоны)»¹.

¹ Об утверждении Правил работы с персоналом в организациях электроэнергетики Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минэнерго России от 22.09.2020 № 796. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вполне очевидно, что приведенный выше термин сконструирован, отталкиваясь от дефиниции «профессиональное обучение», т. е. вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (п. 13 ст. 2 ФЗ «Об образовании»).

Соответственно, можно сформулировать понятие «специальная подготовка» контролеров-распорядителей — форма профессионального обучения, направленная на приобретение знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения ими возложенных на них обязанностей и реализации прав при проведении официального спортивного соревнования в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Данный термин, по нашему мнению, следует легализовать в соответствующем приказе² Министерства спорта Российской Федерации.

² Об утверждении порядка прохождения специальной подготовки физическими лицами, желающими осуществлять деятельность в качестве контролеров-распорядителей [Электронный ресурс]: приказ Минспорта России от 13.04.2017 № 346. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не вполне оправданными нам представляются содержание и объем программ специальной подготовки контролеров-распорядителей, которые предусмотрены приказом Минспорта России от 30.10.2015 № 998 «Об утверждении требований к содержанию программы специальной подготовки контролеров-распорядителей». Программа рассчитана на 24 часа и включает в себя 5 разделов:

1. Нормативно-правовое регулирование обеспечения безопасности и охраны общественного порядка.
2. Психологическая подготовка.
3. Основы взаимодействия со специальными службами.
4. Специализированная подготовка.
5. Итоговая аттестация.

Отметим, что к обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при проведении официального спортивного соревнования могут привлекаться и иные лица (не относящиеся к сотрудникам правоохранительных органов)¹. Это сотрудники частных охранных организаций и граждане, участвующие в охране общественного порядка². Типовые программы профессионального обучения частных охранников предусмотрены приказом³ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

В зависимости от квалификационного разряда программы подготовки частных охранников рассчитаны на объем от 40 до 80 часов с изучением следующих дисциплин:

- правовая подготовка;
- тактико-специальная подготовка;
- техническая подготовка;
- психологическая подготовка;
- огневая подготовка;
- использование специальных средств;
- оказание первой помощи;
- специальная физическая подготовка;
- противодействие терроризму. Обеспечение антитеррористической защищенности объектов.

¹ Подпункт «ж» п. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 16.12.2013 № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований».

² Пункт 3 ч. 1 ст. 8 Федерального закона Российской Федерации от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

³ Об утверждении типовых программ профессионального обучения для работы в качестве частных охранников [Электронный ресурс]: приказ Росгвардии от 30.11.2019 № 396. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Даже беглый анализ содержания программ подготовки контролеров-распорядителей и частных охранников показывает на различия в их уровнях и то, что контролеры-распорядители к взаимодействию с потенциальными правонарушителями не готовы даже теоретически.

Вполне логично, что содержание программы специальной подготовки контролеров-распорядителей должно быть пересмотрено, добавлен раздел «Специальная физическая подготовка» с увеличением количества учебных часов. Это оправдано тем, что контролеры-распорядители наделены правом применения мер по пресечению правонарушений зрителей, а к числу выполняемых ими трудовых функций отнесено содействие выявлению, предупреждению и устранению угроз общественной безопасности и обеспечение соблюдения правил поведения зрителями на объекте спорта или в месте проведения официального спортивного соревнования во время его осуществления⁴.

По нашему мнению, не добавляет эффективности подготовки контролеров-распорядителей и то, что она законодательно поручена спортивным федерациям или уполномоченным спортивными федерациями организациям, т. е. структурам, не специализирующимся на вопросах охраны общественного порядка и общественной безопасности. Считаем, что такая подготовка должна проводиться в образовательных организациях, специализирующихся в области безопасности, определенных в установленном порядке Министерством спорта Российской Федерации, региональными органами исполнительной власти в области физической культуры и спорта. В качестве таковых могут быть определены образовательные учреждения дополнительного профессионального образования, специализирующиеся на подготовке частных охранников.

Таким образом, подытожим, что именно контролеры-распорядители являются субъектами обеспечения безопасности на официальных спортивных мероприятиях. Одним из элементов их правового статуса является наличие специальной подготовки, нормативное регулирование которой нуждается в оптимизации посредством преобразования в профессиональное обучение, на что и направлены предлагаемые нами новеллы.

⁴ Об утверждении профессионального стандарта «Контролер-распорядитель» [Электронный ресурс]: приказ Минтруда России от 13.04.2017 № 357н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Ефимов А. А. Актуальные проблемы деятельности полиции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (на примере Ставропольского края) // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 50–53.
2. Стрекалова Ю. Э. Нормативно-правовое обеспечение деятельности контролеров-распорядителей при проведении спортивных мероприятий // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2023. № 30. С. 65–72.

References

1. Efimov A. A. Aktual'nye problemy deyatel'nosti politsii v sfere okhrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti (na primere Stavropol'skogo kraja) // Administrativnoe pravo i protsess. 2023. № 2. S. 50–53.
2. Strekalova Yu. E. Normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti kontrolerov-rasporyaditeley pri provedenii sportivnykh meropriyatiy // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2023. № 30. S. 65–72.

Информация об авторах

А. Г. Бачурин — кандидат юридических наук, доцент;
И. И. Самсонов — кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

A. G. Bachurin — Candidate of Science (Law), Associate Professor;
I. I. Samsonov — Candidate of Science (Pedagogic), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 45–54.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 45–54.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.92:343.131.7

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ: ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александр Анатольевич Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Аннотация. Одним из приоритетных направлений завершения административной реформы в России выступает внедрение качественно нового типа отношений между гражданами и органами исполнительной власти, которые основываются на понимании того, что деятельность исполнительной власти должна быть направлена на выполнение державой определенных функций по обеспечению прав и свобод людей. Автором рассмотрены административно-правовые презумпции; сформулирован вывод о целесообразности дополнить ст. 49 Конституции Российской Федерации диспозицией о том, что положения презумпции невиновности должны распространяться и на случаи привлечения к административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности с учетом особенностей каждой из них, что будет в существенной степени содействовать преодолению проявлений правового нигилизма, воспитанию граждан в духе уважения законов, убежденности в необходимости их соблюдения.

Ключевые слова: административное право, административный процесс, права граждан, свободы граждан, обеспечение прав и свобод граждан, правовая презумпция

Для цитирования: Беженцев А. А. Правовые презумпции: гарантии обеспечения прав и свобод граждан в административном процессе // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 45–54.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGAL PRESUMPTIONS: GUARANTEES OF ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS

Alexander A. Bezhentsev

Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Abstract. One of the priority directions for completing administrative reform in Russia is the introduction of a qualitatively new type of relationship between citizens and executive authorities, which is based on the understanding that the activities of the executive branch should be aimed not so much at organizing the management of public affairs by the state, but at carrying out certain functions to ensure the rights and freedoms of people. In the scientific article, the author examined legal presumptions. A conclusion has been formulated about the advisability of supplementing Art. 49 of the Constitution of the Russian Federation with the disposition that the provisions of the presumption of innocence should extend to cases of bringing to administrative, civil and disciplinary liability, taking into account the characteristics of each of them, which will significantly contribute to overcoming manifestations of legal nihilism, educating citizens in the spirit of respect laws, their conviction in the need to comply with them.

Key words: administrative law, administrative process, rights of citizens, freedoms of citizens, ensuring the rights and freedoms of citizens, legal presumption

For citation: Bezhentsev A. A. Legal presumptions: guarantees of ensuring the rights and freedoms of citizens in the administrative process. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:45–54 (In Russ.).

На сегодняшний день основными критериями оценки деятельности органов государства выступают степень защиты прав и законных интересов граждан, помощь и содействие в реализации широкого спектра прав и свобод лиц, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Не вызывает сомнений, что реализация практически всех предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина осуществляется с помощью соответствующих правовых механизмов, одно из основных мест среди которых занимают административно-процессуальные нормы [1, с. 1175; 2, с. 39–44; 3, с. 155–162; 4, с. 11–22; 5, с. 287–293; 6, с. 144–152; 7, с. 359–378; 8, с. 149–151; 9, с. 25–30; 10, с. 328–338; 11, с. 43–50]. Вообще сфера административного процесса представляет собой один из важнейших сегментов правового регулирования, поскольку она отражает степень урегулированности и эффективности взаимоотношений государства и гражданина, позволяет в наибольшей степени сбалансировать интересы конкретного человека и государства. Вот почему отработка надежных и действенных механизмов взаимодействия государства и его органов с гражданами представляется одной из важнейших задач современной правовой науки. Практика свидетельствует, что сегодня правовая защищенность граждан в их взаимоотношениях с органами государства остается не до конца регламентированной. В таких условиях возникает потребность в существенной модернизации деятельности органов государства в их отношениях с гражданами. Для этого наряду с четким определением полномочий и функций государственных органов и их должностных лиц необходимо создать такой режим их взаимодействия с гражданами, при котором реализация прав и свобод граждан была бы освобождена от бюрократических барьеров, а нарушенные права и свободы оперативно и эффективно возобновлялись. В значительной степени это обусловливается необходимостью обеспечения реализации и защиты закрепленных на законодательном уровне прав и свобод. Достижение этой цели связано прежде всего со стремлением усовершенствовать систему юридических гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина в их отношениях с органами государства.

Конкретно гарантии во многом обеспечивают эффективность правового регулирования, служат действующим рычагом охраны прав людей. Все вышеизложенное приводит к актуальности вопросов, связанных с определением системы юридических гарантий прав и свобод граждан

дан в сфере административного процесса и их дальнейшей модернизацией.

Понятие *правовой презумпции*, несомненно, следует отнести к наиболее важным категориям, которые используются в законодательстве различных государств на протяжении сотен лет и играют довольно значительную роль в регулировании отношений между человеком и государством.

В переводе с латинского понятие *презумпция* (*praesumptio*) означает (предчувствие, ожидание, надежда) предположение, которое считается правильным до тех пор, пока его ложность не будет бесспорно доказана.

Одной из важнейших в правовой науке, безусловно, выступает *презумпция невиновности*. Не вызывает сомнений справедливость утверждений о том, что для правоохранительной науки и всеобъемлющей практики борьбы с правонарушениями нет более правильного компаса, чем безоговорочное признание и правильное понимание презумпции невиновности, поскольку именно от нее полностью зависит характер деятельности государственных органов правоохраны. От соблюдения этой презумпции зависит положение человека в обществе и государстве: либо он является «винтиком», покорным объектом властного влияния, либо полноценным гражданином, самостоятельной личностью, чьи права и свободы составляют высшую ценность.

Генезис и эволюция института правовых презумпций происходили в течение довольно продолжительного времени в рамках таких основных отраслей права, как административное право, уголовное право, гражданское право. Как справедливо отмечается в литературе, формирование самого понятия правовой презумпции, а именно презумпции невиновности, прежде всего, связывается с такой ее важной составляющей, как возложение обязанности доказывать вину обвиняемого, причем последнее характерно для законодательства Древнего Вавилона, Древней Индии и Древней Греции [12, с. 14–25].

Необходимо сказать, что важнейшие черты одной из основных правовых презумпций — презумпции невиновности — получили свое закрепление в законодательстве Древнего Рима. Все элементы презумпции невиновности в эпоху республики в Древнем Риме прочно укоренились в правосознании римлян, находили нормативное закрепление и успешно применялись на практике. В частности, целью доказывания признавалась: а) истина; б) само бремя доказывания, которое возлагалось на обвинителя; в) все сомнения толковались в пользу обвиняемого, который имел возможность широко пользоваться правом на за-

щиту и услугами защитников. При таком положении римляне не нуждались в нормативном закреплении общей правовой конструкции в виде презумпции невиновности обвиняемого, а обходились общеправовым принципом *praesumptio Boni Viri*, означавшим, что участник судебного иска считается действующим добросовестно, пока другое не доказано.

Со временем презумпция невиновности стала приобретать свое более четкое правовое оформление. В значительной степени этому способствовало развитие правового мнения в странах Европы. В частности, в работе Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», вышедшей в 1764 г., было сформулировано мнение, которое легло в основу современного положения о презумпции невиновности. В работе отмечалось, что никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор, и общество не может лишить обвиняемого своего покровительства до того, как будет решено, что он нарушил условия, при соблюдении которых ему и обеспечивалось это покровительство [13, с. 260].

Свое формальное закрепление принцип презумпции невиновности получил в Декларации прав человека и гражданина (*Declaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*), принятой в 1789 г. во Франции, важнейшем документе, фиксирующем индивидуальные права человека и гражданина. Согласно ст. 7 Декларации, ни один человек не мог быть осужден, задержан или заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе и с соблюдением форм, установленных законом. Статья 8 определила, что никто не мог быть наказан иначе, как по закону, изданному, обнародованному до совершения преступления и законным образом примененному. Особое звучание приобрела и ст. 9, где говорилось, что человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не установлена. Это было первым в истории законодательства выражением и установлением современной трактовки презумпции невиновности [14, с. 65].

В ходе осуществления комплексной реформы судоустройства и судопроизводства (судебной реформы) российского императора Александра II 1864 г. в России отдельные положения, характеризующие презумпцию невиновности, нашли свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Несмотря на то что в нем отсутствует четкая и недвусмысленная формулировка указанной презумпции, отдельные положения и идеи о презумпции невиновности привлекаемого к ответственности лица воспринимались тогдашним законодателем. Так, в Уста-

ве содержались положения о том, что никто не может быть наказан за преступление, подлежащее рассмотрению судебным ведомством, иначе как по приговору надлежащего суда, вступившего в законную силу. При этом разоблачение обвиняемых перед судом возлагалось на прокуроров и их заместителей. Приобрело закрепление и положение о том, что никто не может быть заключен под стражу иначе как в случаях, предусмотренных законом [15, с. 120–121]. Однако, несмотря на отсутствие четкого законодательного закрепления презумпции невиновности в российском законодательстве конца XIX — начала XX в., проблема ее теоретического осмысления находила свое отражение в трудах многих ученых-правоведов того времени [16, 17, 18, 19].

С учетом репрессивного, карательного характера деятельности юрисдикционных органов государства в первые годы существования Советского государства вопросы презумпции невиновности гражданина практически выпали из теоретических и практических научных исследований ученых-правоведов и юристов-практиков. Более того, робкие попытки отдельных ученых обосновать возможность применения данной презумпции встретили серьезное противодействие. Так, С. А. Голунский писал, что любые презумпции являют собой попытку создать абстрактную истину, оторванную от конкретных обстоятельств дела [20, с. 59]. Применительно к законодательному закреплению принципа презумпции невиновности следует отметить, что в конституциях Советского государства 1922, 1936 и 1977 гг. этот принцип был изложен недостаточно конкретно, что допускало возможность его двусмысленного толкования.

Какова же природа правовых презумпций и их место в механизме правового регулирования?

Считается, что правовые презумпции выступают в качестве норм общего характера и могут быть определены как предложенные принципы, лежащие в базисе правового регулирования общественных отношений и определяющие векторы общественного поведения, служащие их общим социальным ориентиром. Высокая степень общности нормативных предписаний в процессуальном праве определяет большее количество в нем предписаний-принципов по сравнению с материальным правом. Выступая как первичные нормы, имея высокую степень общности, опосредуясь в других правилах, принципы синхронизируют всю систему процессуальных норм, обеспечивая соответствующую направленность процессуального регулирования, реализацию правового статуса участников процесса,

в конечном счете его законность и эффективность. В то же время принципы процессуальной деятельности выступают и как компонент структурной конструкции такого элемента процессуальной формы, как процессуальный режим, характеризующий соответствующую атмосферу функционирования всех участников процесса, всей процессуальной деятельности.

Целесообразно выделить ряд критериев, относящихся к принципам процессуальной деятельности, в т. ч. и к правовым презумпциям. В первую очередь они лежат в основе формирования всей системы процессуальной деятельности, действуют на всех стадиях процесса и оказывают охранное и регулятивное влияние в той или иной степени на все процессуальные нормы всей процессуальной деятельности.

Рассмотрим более подробно вопросы нормативного закрепления правовых презумпций, их действие и гарантирующее значение в сфере административного процесса.

Прежде всего, следует отметить, что вопросы реализации правовых презумпций получили свое закрепление в нашем государстве на конституционном уровне. В частности, это касается такой важнейшей презумпции, как презумпция невиновности. Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда. Никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении преступления. Обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем, а также на предположениях. Все сомнения в доказанности вины лица толкуются в его пользу.

Как видим, законодатель на конституционном уровне четко соотносит действие указанной презумпции с совершением уголовного преступления. Следует ли из этого, что презумпция невиновности не получает своего распространения на другие виды правонарушений, в т. ч. и административные проступки? Строго говоря, это действительно так. Однако следует согласиться с тем, что идея презумпции невиновности имеет значение не только в отношении преступлений, но и по отношению к любым другим правонарушениям, поскольку интересы охраны прав и свобод граждан требуют всяческого укрепления законности, а это, в свою очередь, презумпирования невиновности лиц, которые привлекаются не только к уголовной, но и другим видам юридической ответственности, в частности к административной и дисциплинарной [21, с. 89]. Очевидно,

что независимо от тяжести правонарушения лицо вправе рассчитывать на объективное, беспристрастное и справедливое рассмотрение его дела и принятие решения по нему.

Считаем необходимым подчеркнуть следующее:

- во-первых, презумпция невиновности представляет собой важнейший фактор обеспечения объективности и законности принятого по делу решения;

- во-вторых, законодательная формулировка указанной презумпции должна четко отражать все свойственные ей признаки. К последним, в частности, относятся: а) необходимость доказывания вины с исчерпывающей полнотой; б) возложение обязанности по доказыванию вины на орган или должностное лицо, рассматривающее дело по существу, с учетом предоставления лицу, привлекаемому к ответственности, реальной возможности активно участвовать в доказывании собственной невиновности; в) необходимость неукоснительного соблюдения порядка рассмотрения дела, т. е. соответствующей процессуальной формы; г) несомненность доказанной вины и толкование всех имеющихся сомнений в пользу привлекаемого к ответственности лица; д) принятие решения по делу только органом (должностным лицом), уполномоченным на это; е) признание виновным лица, которое привлекается к ответственности, должно быть зафиксировано в соответствующем процессуальном документе, отражающем результат рассмотрения дела и вступившем в законную силу;

- в-третьих, закрепление указанной презумпции возможно и необходимо на конституционном уровне не только в сфере уголовного права и процесса, но и административного. Внесение изменений в Конституцию Российской Федерации будет связано с определенными сложностями, а также с тем, что положения, относящиеся к презумпции невиновности, уже получили свое закрепление в Основном законе России, но отметим, что важность вынесения на конституционный уровень закрепления действия презумпции невиновности в сфере административного процесса обусловлена объективными реалиями сегодняшнего времени.

Ежегодно органы государственной власти рассматривают административные деликты, весьма значительное количество лиц вовлекается в связи с этим в сферу административного процесса, и от того, насколько эффективно действуют процессуальные гарантии обеспечения прав граждан и в первую очередь правовые презумпции, зависит степень доверия к государству и его органам, действенность воспитательной и преду-

предительной функции юридической ответственности. Кажется, что уверенность гражданина в реальности функционирования правовых презумпций, в т. ч. и презумпции невиновности, будет в значительной степени способствовать преодолению проявлений правового нигилизма, воспитанию граждан в духе уважения законов, убежденности в необходимости их соблюдения.

Вот почему так важна корректировка положений Конституции Российской Федерации о распространении действия презумпции невиновности не только на сферу уголовного процесса, но и на другие сферы правового регулирования, связанные с юридической ответственностью за правонарушения. С этих позиций кажется целесообразным дополнить ст. 49 Конституции Российской Федерации указанием на то, что положения данной статьи распространяются и на случаи привлечения к административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности с учетом особенностей каждой из них, что будет в значительной степени способствовать преодолению проявлений правового нигилизма, воспитанию граждан в духе уважения законов, их убежденности в необходимости их соблюдения.

Закрепление презумпции невиновности в законодательном акте, регламентирующем вопрос привлечения к административной ответственности, в значительной степени повлияло на атмосферу рассмотрения административных дел и способствует обоснованности и законности принятых решений, а также существенно активизирует позицию граждан, вовлеченных в сферу рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Однако следует учитывать и другое важное обстоятельство. Речь идет о том, что наряду с необходимостью охраны прав и свобод граждан, привлекаемых к административной ответственности, не менее нуждается в охране прав и свобод другой участник производства по делам об административных правонарушениях, а именно *потерпевший*. Согласно ст. 25.2 КоАП РФ потерпевшим признается физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред. Наличие такого рода вреда в значительной степени обуславливает и позицию потерпевшего в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении, которое, по сути, связано с доказыванием самого факта совершения административного правонарушения и наличием реального вреда, причиненного правонарушением. Однако на сегодняшний день соответствующие процессу-

альные возможности потерпевшего в этом плане в некоторой степени ограничены законодательством.

Это находит свое проявление прежде всего в том, что объем процессуальных полномочий потерпевшего значительно уже, чем у лица, привлекаемого к административной ответственности, что не позволяет потерпевшему в достаточной степени активизировать усилия по обоснованию и подтверждению своей правоты. С учетом этого кажется правильным в КоАП РФ *расширить процессуальные возможности потерпевшего*, закрепив его административно-процессуальный статус в объеме, равнозначном процессуальному статусу лица, привлекаемого к административной ответственности. Это позволит существенно укрепить правовое положение потерпевшего, послужит важным фактором реализации принципа состязательности при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях. Однако при этом не следует забывать, что процессуальная деятельность потерпевшего по доказательству определенных фактов и обстоятельств является его правом, а не обязанностью. И с этих позиций вполне приемлема, на наш взгляд, постановка вопроса о действии в рамках административного процесса такой правовой презумпции, как *презумпция правомерности позиции потерпевшего и приоритетности обеспечения его прав*. На наш взгляд, сущность данной презумпции должно составлять положение о том, что действия потерпевшего и его требования правомерны и свою правоту доказывать он не обязан, но может это делать, используя предоставленный ему арсенал административно-процессуальных средств.

Одновременно орган (должностное лицо), рассматривающий дело об административном правонарушении, должен исходить из необходимости максимального обеспечения прав потерпевшего по делу и возмещения ему вреда, причиненного административным правонарушением.

При этом отметим, что, на наш взгляд, указанная презумпция не противопоставляется презумпции невиновности, а позволяет на основе их взаимодействия добиваться максимальной полноты и всесторонности рассмотрения материалов дела, сможет способствовать вынесению законного и объективного решения по делу, усилению гарантирующего потенциала действия каждой из указанных презумпций.

С учетом вышеизложенного представляется необходимым закрепить в КоАП РФ положения, отражающие сущность презумпции невиновности с учетом презумпирования обеспечения прав

потерпевшего: «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим (КоАП РФ), и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Обязанность доказывания вины лежит на органе, рассматривающем дело, право доказывания вины лежит на потерпевшем и его представителях. Привлечение к ответственности может основываться только на доказательствах, полученных в строгом соответствии с законом, все сомнения в доказанности вины лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, должны толковаться в его пользу».

Рассмотренные выше презумпции не единственные, действие которых возможно и необходимо в сфере административного процесса. Презумпции всегда отражают развитие государства, социальные ценности и общепризнанные понятия.

Реальность законов, их действенность и эффективность напрямую связаны с наличием соответствующих актов управления, детализирующих, конкретизирующих и устанавливающих порядок применения законов. Не вызывает сомнений, что акты управления играют немаловажную роль в осуществлении регулятивной и охранной функций правовой системы. Нормативные и правоприменительные акты управления занимают важное место в механизме административно-правового регулирования, выступают как средства применения правовых норм. Обеспечение действенности актов управления во многом связано с существованием и действием *презумпции законности правовых актов органов управления*.

Суть указанной презумпции состоит в предположении, что каждый административно-правовой акт выдан с соблюдением требований, установленных как для содержания и формы актов, так и для процедуры их издания. В связи с этим правовой акт органа управления подлежит исполнению и применению его адресатами до тех пор, пока в установленном порядке он не будет признан утратившим силу в связи с тем, что потребность в нем прошла, либо в связи с установлением его несоответствия требованиям закона. Эта презумпция очень важна для нормального функционирования всех звеньев государственного аппарата, для надлежащего управления со стороны государства соответствующими сторонами жизни общества. Граждане должны исходить из того, что определенный акт управле-

ния отвечает за определенное требование, что его принятие и реализация обусловлены объективной необходимостью и целесообразны, а его исполнение есть обязанность каждого законопослушного члена общества. Представляется, что указанная презумпция действует в обстоятельствах отсутствия правового спора.

Подчеркивая необходимость всесторонней защиты прав и свобод граждан, отметим, что в ситуации обжалования гражданином действий и решений государственных органов, их должностных лиц, нарушающих его права, должна действовать *презумпция правомерности действий и требований гражданина*, суть которой сводится к следующему: а) действия и правовая позиция гражданина, подающего жалобу, должны считаться правомерными до тех пор, пока иное не будет установлено решением органа (должностного лица), компетентного рассматривать жалобу по существу; б) решение по жалобе не должно основываться на предположениях, а все сомнения в правомерности позиции гражданина должны толковаться в его пользу.

Считаем необходимым отметить, что ограничение сферы действия указанной презумпции только производствами по жалобам граждан в некоторой степени снижает ее гарантирующий потенциал, поскольку производство по другим видам обращений граждан, в первую очередь по их заявлениям, не в меньшей степени нуждается в презумпировании законности и обоснованности тех или иных требований гражданина. В то же время подчеркнем, что довольно часто именно бездействие гражданина служит основанием возникновения спорной ситуации в отношениях с представителями органов государства. В таком случае отказ от совершения действий, которые, по мнению гражданина, могут нарушить его права, правомерен.

Учитывая это, представляется целесообразным закрепить в КоАП РФ и КАС РФ формулировку данной презумпции следующим образом:

«Презумпция правомерности действий или бездействия и требований субъекта обращения.

Действия, бездействие и требования субъекта обращения считаются правомерными до тех пор, пока иное не будет установлено принятым по делу решением компетентного органа (должностного лица). Обязанность установления и фиксирования фактов и обстоятельств, необходимых для принятия решения по делу, возлагается на орган (должностное лицо), решающий дело по существу. Субъект обращения имеет право содействовать органу (должностному лицу) в установлении соответствующих фактов

и обстоятельств при рассмотрении и решении дела.

Решение по делу не должно основываться на предположениях, а все сомнения в правомерности действий, бездействия лица должны толковаться в его пользу».

Далее рассмотрим следующую презумпцию. Правовое регулирование предоставления управленческих услуг состоит из установления порядка обращения за услугой, информирования об услугах, определения сроков производства по делу, самого порядка их предоставления. При этом следует учитывать ряд обстоятельств. Прежде всего, предоставление управленческой услуги не должно увязываться с правом конкретного должностного лица на возможность его предоставления или непредоставления. Иными словами, если гражданин обратился за предоставлением управленческой услуги и ее предоставление входит в компетенцию соответствующего работника/сотрудника, он обязан предоставить необходимую услугу. Ограничения в предоставлении услуги должны быть закреплены на законодательном уровне и, как нам кажется, могут быть связаны только с определенными ограничениями в сфере информации и особенностями дееспособности обратившегося за услугой лица.

Однако на практике встречаются случаи, когда, например, выдача определенной справки соответствующим служащим связывается с целью ее получения гражданином и необходимостью такого рода услуги для него. Похоже, что подобное положение вряд ли способствует укреплению административно-правовых возможностей граждан в их отношениях с органами государства. С этих позиций представляется целесообразным выделение такой правовой презумпции, как *презумпция обязательности предоставления управленческих услуг для граждан*. Свою формулировку указанная презумпция может получить в таком

виде: «Предоставление управленческих услуг является обязанностью органа (должностного лица), компетентного их предоставлять. Орган (должностное лицо) при решении вопроса о предоставлении управленческой услуги должен исходить из того, что соответствующая услуга необходима субъекту ее получения, и последний не обязан доводить до сведения органа (должностного лица) цели получения данной услуги».

По нашему мнению, несмотря на то обстоятельство, что отдельные аспекты указанной презумпции охватываются действием презумпции правомерности действий (бездействия) и требований субъекта обращения, выделение презумпции обязательности предоставления управленческих услуг и их необходимости для субъектов их получения может послужить усилением действенности презумпции правомерности действий (бездействия) и требований субъекта обращения, которая выступает ведущей в области отношений граждан и органов государства, способствует акцентированию приоритетности обеспечения прав и интересов лиц, обратившихся за предоставлением управленческих услуг. Презумпции, связанные с предоставлением такого рода услуг, имеют, на наш взгляд, важное и теоретическое, и практическое значение обращения, выделение презумпции обязательности предоставления управленческих услуг и их необходимости для субъектов их получения может послужить усилением действенности презумпции правомерности действий (бездействия) и требований субъекта обращения, которая выступает ведущей в области отношений граждан и органов государства, способствует акцентированию приоритетности обеспечения прав и интересов лиц, обратившихся за предоставлением управленческих услуг. Презумпции, связанные с предоставлением такого рода услуг, имеют, на наш взгляд, важное и теоретическое, и практическое значение.

Список источников

1. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сб. ст. по мат-лам Междунар. научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г.) / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2023. 1175 с.
2. Кобзарь-Фролова М. Н. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2023»): обзор научного мероприятия // Журнал юридических исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 39–44.
3. Шергин А. П. Административное преследование как функция административно-юрисдикционного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 155–162.
4. Попов Л. Л. Эссе о доктрине административного процесса // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 6 (175). С. 11–22.
5. Стариков Ю. Н. Много административных процессов не бывает, или административное судопроизводство — единственный вид современного российского административного процесса (по следам научно-практической конференции на тему «Современные проблемы построения российской мо-

- дели административного процесса» (Сибирский юридический университет, г. Омск, 4 июня 2021 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2 (45). С. 287–293.
6. Стахов А. И. Взаимосвязь административного правосудия, судебного административного процесса, административного судопроизводства // Российское правосудие. 2023. № S1. С. 144–152.
 7. Соловей Ю. П. К завершению дискуссии о понимании административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 359–378.
 8. Маилян С. С. О доказательствах в административном процессе в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 149–151.
 9. Хатуаев В. У. Еще раз о сущности и соотношении понятий «административное судопроизводство» и «административный процесс» в контексте интегративного правопонимания // Современное право. 2021. № 3. С. 25–30.
 10. Кононов П. И. Несколько тезисов в поддержку интегративного понимания административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 3. С. 328–338.
 11. Демин А. А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства Российской Федерации // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 43–50.
 12. Васильев Л. М. Презумпция невиновности обвиняемого в истории российского права. Волгоград, 2003. 248 с.
 13. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юриздат, 1939. 464 с.
 14. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М.: Наука, 1984. 144 с.
 15. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 8. С. 120–121.
 16. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 606 с.
 17. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. 432 с.
 18. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Часть Общая и Особенная. СПб., 1910. 310 с.
 19. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. 446 с.
 20. Голунский С. А. О вероятности и достоверности в суде. Проблемы уголовной политики. М.: Юриздат, 1937. Кн. 4. 178 с.
 21. Тищенко Н. М. Презумпция правомерности действий и невиновности гражданина в сфере административно-процессуальной деятельности // Права человека в России и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Саратов, 1997. С. 88–91.

References

1. Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): sb. st. po mat-lam Mezhdunar. nauchno-prakt. konf-tsii (Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 g.) / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. 1175 s.
2. Kobzar'-Frolova M. N. Aktual'nye problemy nauki administrativnogo prava i administrativnogo protsessa ("Lazarevskie chteniya — 2023"): obzor nauchnogo meropriyatiya // Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy. 2023. T. 8, № 2. S. 39–44.
3. Shergin A. P. Administrativnoe presledovanie kak funktsiya administrativno-yurisdiktsionnogo protsessa // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2023. № 2. S. 155–162.
4. Popov L. L. Esse o doktrine administrativnogo protsessa // Lex Russica (Russkiy zakon). 2021. T. 74. № 6 (175). S. 11–22.
5. Starilov Yu. N. Mnogo administrativnykh protsessov ne byvaet, ili administrativnoe sudoproizvodstvo — edinstvennyy vid sovremennogo rossiyskogo administrativnogo protsessa (po sledam nauchno-prakticheskoy konferentsii na temu «Sovremennyye problemy postroeniya rossiyskoy modeli administrativnogo protsessa» (Sibirskiy yuridicheskiy universitet, g. Omsk, 4 iyunya 2021 g.) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 2 (45). S. 287–293.
6. Stakhov A. I. Vzaimosvyaz' administrativnogo pravosudiya, sudebnogo administrativnogo protsessa, administrativnogo sudoproizvodstva // Rossiyskoe pravosudie. 2023. № S1. S. 144–152.
7. Solovey Yu. P. K zaversheniyu diskussii o ponimaniy administrativnogo protsessa // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18, № 3. S. 359–378.

8. Mailyan S. S. O dokazatel'stvakh v administrativnom protsesse v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 5. S. 149–151.
9. Khatuaev V. U. Eshche raz o sushchnosti i sootnoshenii ponyatiy «administrativnoe sudoproizvodstvo» i «administrativnyy protsess» v kontekste integrativnogo pravoponimaniya // Sovremennoe pravo. 2021. № 3. S. 25–30.
10. Kononov P. I. Neskol'ko tezisov v podderzhku integrativnogo ponimaniya administrativnogo protsessa // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18, № 3. S. 328–338.
11. Demin A. A. Ponyatie administrativnogo protsessa i kodifikatsiya administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2021. № 4. S. 43–50.
12. Vasil'ev L. M. Prezumpsiya nevinovnosti obvinyaemogo v istorii rossiyskogo prava. Volgograd, 2003. 248 s.
13. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. M.: Yurizdat, 1939. 464 s.
14. Strogovich M. S. Pravo obvinyaemogo na zashchitu i prezumpsiya nevinovnosti. M.: Nauka, 1984. 144 s.
15. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. // Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. M.: Yurid. lit., 1991. T. 8. S. 120–121.
16. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. 1. 552 s.; T. 2. 606 s.
17. Fel'dshteyn G. S. Lektsii po ugolovnomu sudoproizvodstvu. M., 1915. 432 s.
18. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh. Chast' Obshchaya i Osobennaya. SPb., 1910. 310 s.
19. Dukhovskoy M. V. Russkiy ugolovnyy protsess. M., 1910. 446 s.
20. Golunskiy S. A. O veroyatnosti i dostovernosti v sude. Problemy ugolovnoy politiki. M.: Yurizdat, 1937. Kn. 4. 178 s.
21. Tishchenko N. M. Prezumpsiya pravomernosti deystviy i nevinovnosti grazhdanina v sfere administrativno-protsessual'noy deyatel'nosti // Prava cheloveka v Rossii i Evropeyskaya Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Saratov, 1997. S. 88–91. 1. Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): sb. st. po mat-lam Mezhdunar. nauchno-prakt. konf-tsii (Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 g.) / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. 1175 s.
2. Kobzar'-Frolova M. N. Aktual'nye problemy nauki administrativnogo prava i administrativnogo protsessa // Lazarevskie chteniya — 2023: obzor nauchnogo meropriyatiya. Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy. 2023. T. 8. № 2. S. 39–44.
3. Shergin A. P. Administrativnoe presledovanie kak funktsiya administrativno-yurisdiktsionnogo protsessa // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2023. № 2. S. 155–162.
4. Popov L. L. Esse o doktrine administrativnogo protsessa // Lex Russica (Russkiy zakon). 2021. T. 74. № 6 (175). S. 11–22.
5. Starilov Yu. N. Mnogo administrativnykh protsessov ne byvaet, ili administrativnoe sudoproizvodstvo — edinstvennyy vid sovremennogo rossiyskogo administrativnogo protsessa (po sledam nauchno-prakticheskoy konferentsii na temu «Sovremennye problemy postroeniya rossiyskoy modeli administrativnogo protsessa» (Sibirskiy yuridicheskoy universitet, g. Omsk, 4 iyunya 2021 g.) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 2 (45). S. 287–293.
6. Stakhov A. I. Vzaimosvyaz' administrativnogo pravosudiya, sudebnogo administrativnogo protsessa, administrativnogo sudoproizvodstva // Rossiyskoe pravosudie. 2023. № 1. S. 144–152.
7. Solovey Yu. P. K zaversheniyu diskussii o ponimanii administrativnogo protsessa // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18, № 3. S. 359–378.
8. Mailyan S. S. O dokazatel'stvakh v administrativnom protsesse v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 5. S. 149–151.
9. Khatuaev V. U. Eshche raz o sushchnosti i sootnoshenii ponyatiy «administrativnoe sudoproizvodstvo» i «administrativnyy protsess» v kontekste integrativnogo pravoponimaniya // Sovremennoe pravo. 2021. № 3. S. 25–30.
10. Kononov P. I. Neskol'ko tezisov v podderzhku integrativnogo ponimaniya administrativnogo protsessa // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18. № 3. S. 328–338.
11. Demin A. A. Ponyatie administrativnogo protsessa i kodifikatsiya administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. 2021. № 4. S. 43–50.
12. Vasil'ev L. M. Prezumpsiya nevinovnosti obvinyaemogo v istorii rossiyskogo prava. Volgograd, 2003. 248 s.

13. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. M.: Yurizdat, 1939. 464 s.
14. Strogovich M. S. Pravo obvinyаемого na zashchitu i prezumpsiya nevinovnosti. M.: Nauka, 1984. 144 s.
15. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva ot 20 noyabrya 1864 g. // Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1991. T. 8. S. 120–121.
16. Foynitskiy I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. SPb.: Al'fa, 1996. T. 1. 552 s.; T. 2. 606 s.
17. Fel'dshteyn G. S. Lektsii po ugovnomu sudoproizvodstvu. M., 1915. 432 s.
18. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh. Chast' Obshchaya i Osobennaya. SPb., 1910. 310 s.
19. Dukhovskoy M. V. Russkiy ugovnyy protsess. M., 1910. 446 s.
20. Golunskiy S. A. O veroyatnosti i dostovernosti v sude. Problemy ugovnoy politiki. M.: Yurizdat, 1937. Kn. 4. 178 s.
21. Tishchenko N. M. Prezumpsiya pravomernosti deystviy i nevinovnosti grazhdanina v sfere administrativno-protssesual'noy deyatel'nosti // Prava cheloveka v Rossii i Evropeyskaya Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Saratov, 1997. S. 88–91.

Сведения об авторе

A. A. Беженцев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Bezhentsev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 55–63.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 55–63.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 351.74:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

Алексей Геннадьевич Гришаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, grishakovag@buimvd.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль цифровых информационных технологий и элементов искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности участковых уполномоченных полиции. Детально рассматривается компетенция участкового уполномоченного полиции при работе в прикладных сервисах единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел. Для выяснения ближайших перспектив использования искусственного интеллекта в деятельности участковых уполномоченных полиции проведен анализ имеющегося опыта правоохранительных органов иностранных государств. Делается предположение, что создание цифрового участкового пункта полиции с внедрением аппаратно-программных комплексов, систем видеонаблюдения с биометрической идентификацией лиц и технологий искусственного интеллекта существенно повысит материально-техническое оснащение и сократит затраты служебного времени участковых уполномоченных полиции.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, беспроводные сети 5G, идентификация преступников, программно-аппаратные комплексы, робототехнические комплексы, сервис обеспечения охраны общественного порядка, участковый уполномоченный полиции, цифровой участковый пункт полиции, цифровые технологии

Для цитирования: Гришаков А. Г. Искусственный интеллект как инструмент правоохранительной деятельности участкового уполномоченного полиции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 55–63.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF A DISTRICT POLICE OFFICER

Aleksej G. Grishakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, grishakovag@buimvd.ru

Abstract. The article examines the role of digital information technologies and elements of artificial intelligence in the law enforcement activities of district police officers. It examines in detail the competence of a district police officer when working in the application services of the unified system of information and analytical support for the activities of internal affairs agencies. To clarify the immediate prospects for using artificial intelligence in the activities of district police officers, an analysis of the existing experience of law enforcement agencies of foreign countries was conducted. It is assumed that the creation of a digital police station with the introduction of hardware and software systems, video surveillance systems with biometric identification of faces and artificial intelligence technologies will significantly improve the material and technical equipment and reduce the costs of the service time of district police officers.

Key words: unmanned aerial vehicles, 5G wireless networks, criminal identification, software and hardware systems, robotic systems, public order protection service, district police officer, digital district police station, digital technologies

For citation: Grishakov A. G. Artificial intelligence as a tool for law enforcement activities of a district police officer. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:55–63 (In Russ.).

© Гришаков А. Г., 2025

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) в последнее десятилетие активно использует достижения науки и техники, различные информационные системы и сети связи, современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру. Данная деятельность нашла непосредственное отражение в основных принципах деятельности российской полиции¹. Вполне очевидно, что современные информационные технологии могут использоваться органами внутренних дел как в целях общей профилактики правонарушений, так и для розыска лиц, причастных к совершению различных противоправных деяний. В текущий момент особую актуальность приобретает внедрение в практическую деятельность полиции не только информационных и цифровых технологий, но и различных элементов искусственного интеллекта. В связи с этим мы попытаемся выяснить роль искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности участковых уполномоченных полиции.

Технологии искусственного интеллекта используются в мире не одно десятилетие, но стремительное развитие нормативно-правового регулирования таких технологий в нашей стране было отмечено лишь в последние годы. Ярким примером являются Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года, а также ГОСТ Р 59276-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия»².

В научной литературе отсутствует единое понимание искусственного интеллекта среди ученых-правоведов, причем диапазон разъяснения этого термина очень обширен — от простого, понятного даже обывателю, до наисложнейшего, изобилующего научными терминами, понятными даже не всем ученым-юристам [1, с. 4]. В то же время анализ нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере цифровых технологий, искусственного интеллекта и робототехники, дает возможность раскрыть внутреннее содержание интересующего нас термина.

В частности, под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Данный комплекс включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в т. ч. в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений³.

В развитие темы нельзя не упомянуть мнение профессора Н. Ф. Поповой о том, что в современном мире усиливается тенденция внедрения технологий искусственного интеллекта в различные виды государственной деятельности, в т. ч. в обеспечение правопорядка в обществе. Технологии искусственного интеллекта наделяют роботов, робототехнику, машинные программы свойством реализовывать интеллектуальные и творческие возможности людей, самостоятельно искать и находить способы решения поставленных задач, делать выводы и принимать решения [2, с. 30].

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года одной из целей развития искусственного интеллекта в Российской Федерации является обеспечение национальной безопасности и правопорядка. В этой связи технологические достижения, происходящие в настоящее время в IT-сфере и в области искусственного интеллекта, безусловно, представляют практический интерес для большинства структурных подразделений территориальных органов, к которым относятся и участковые уполномоченные полиции.

Несмотря на то что системы искусственного интеллекта еще недостаточно развиты, чтобы полностью заменить человека, а риски ошибки или сбоя в работе таких систем еще высоки, в правовой среде искусственный интеллект сегодня активно внедряется и используется. Это соответствует одной из сфер применения так называемого слабого искусственного интеллекта, который повышает эффективность систем информационного обеспечения и многократно усиливает коэффициент полезного действия от уже

¹ О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

внедренных в правоохранительную деятельность технологий [3, с. 20].

На сегодняшний день в МВД России функционирует единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее — ИСОД), которая представляет собой совокупность используемых автоматизированных систем обработки информации, программно-аппаратных комплексов и программно-технических средств, систем связи и передачи данных, необходимых для обеспечения служебной деятельности органов внутренних дел посредством доступа с автоматизированных рабочих мест.

Следует напомнить, что ИСОД является продолжением существовавшей ранее единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел, приоритетной составляющей которой являлась телекоммуникационная подсистема, обеспечивающая информационное взаимодействие всех подразделений органов внутренних дел с другими правоохранительными и государственными органами. Она обеспечивает автоматизацию основных видов деятельности структурных подразделений, централизованное хранение и обработку данных, является единым источником служебной информации, предусматривает разграниченный доступ к имеющимся ресурсам. Говоря о структуре ИСОД, уместно отметить, что она включает интегрированную мультисервисную телекоммуникационную сеть (далее — ИМТС), систему централизованной обработки данных, прикладные сервисы обеспечения повседневной и оперативно-служебной деятельности, а также подсистемы поддержки взаимодействия с населением, межведомственного взаимодействия и информационной безопасности.

За последние годы интерес исследователей к различным аспектам использования ИСОД структурными подразделениями МВД России заметно возрос, найдя непосредственное отражение в научной полемике [4]. Нам представляется интересным затронуть комплекс цифровых и технологических решений, формирующих искусственный интеллект, применяемый в служебной деятельности участковых уполномоченных полиции.

Итак, в настоящее время на платформе ИСОД функционирует сервис обеспечения охраны общественного порядка (далее — СООП), который включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру и соответствующее программное обеспечение. Для участковых уполномоченных полиции в указанном сервисе создан модуль «Участковый», в который

вносятся сведения об объектах и лицах, подлежащих занесению в паспорта на жилой дом и административный участок. Кроме этого, отражается информация об официальных предостережениях (предостережениях) о недопустимости совершения физическим лицом действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Наряду с этим модуль обеспечивает автоматизацию процессов организации оперативно-служебной деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции¹.

Эксплуатация модуля «Участковый» осуществляется сотрудниками полиции в процессе несения службы на территории административного участка в целях внесения поступающей информации по основным направлениям правоприменительной деятельности. Также возможно использование иных модулей, входящих в структуру СООП, не относящихся к непосредственной компетенции подразделений участковых уполномоченных полиции при наличии соответствующих прав доступа к ним. К примеру, модули «Административная практика», «Административный надзор», «Инспектор ПДН» и «Проверка по учетам» могут быть доступны при возложении дополнительных обязанностей по вакантным должностям или на период временного отсутствия сотрудников, занимающихся данным направлением работы.

Отдельным дискуссионным вопросом остается возможность использования участковым уполномоченным полиции некоторых прикладных сервисов обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, не относящихся к его направлению работы, в целях решения поставленных перед службой задач. Так, наличие прав доступа к информационно-поисковому сервису «Следопыт-М», программно-техническому комплексу «Розыск-магистраль», сервису обеспечения деятельности дежурных частей (СОДЧ), сервису «Паутина», федеральной информационной системе Госавтоинспекции (далее — ФИС ГИБДД-М), сервису интегрированных банков данных централизованных учетов (далее — ИБД-М) позволит оперативно получать служебную информацию при

¹ О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России и отмене отдельных предписаний нормативных правовых актов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 мая 2024 г. № 299. Доступ из справ.-правовой системы СТРАС «Юрист».

отработке материалов в рамках административно-юрисдикционной и уголовно-процессуальной деятельности.

Например, к участковым уполномоченным полиции зачастую поступают обращения граждан, связанные с обнаружением на придомовых территориях поврежденных (разукomплектованных) или брошенных транспортных средств, не принадлежащих жильцам многоквартирного дома. Для установления законного владельца, проверки такого автотранспорта на предмет угона, нахождения в розыске, а также причастности к совершению административного правонарушения или преступления потребуется помощь сотрудников полиции Госавтоинспекции и значительные временные затраты. В то же время наличие доступа к сервисам «Паутина» или ФИС ГИБДД-М позволит самостоятельно и оперативно установить необходимые данные с рабочего места в участковом пункте полиции без привлечения специалистов других подразделений органов внутренних дел.

Посредством сервиса «Паутина» участковый уполномоченный полиции сможет выявить нарушения административных ограничений, установленных поднадзорному лицу¹, имеющему в личном пользовании транспортное средство. Это может быть как пребывание в определенных местах, пребывание вне жилого помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток, так и выезд за установленные судом пределы территории. Наряду с этим наличие учетной записи даст возможность установить местонахождение или маршрут передвижения автотранспорта лица, состоящего на профилактическом учете, совершившего административное правонарушение или преступление.

Доступ к программно-техническому комплексу «Розыск-магистраль» и информационно-поисковому сервису «Следопыт-М» позволит участковому уполномоченному полиции выявлять определенную категорию лиц в пассажиропотоке на объектах авиационного, водного или железнодорожного транспорта, а также формировать и направлять поисковые запросы в различные информационные системы. Данное направление служебной деятельности становится актуальным при поиске лиц, уклоняющихся от административного надзора или не соблюдающих установленные судом ограничения.

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проведение оперативной идентификации лиц, доставленных в участковый пункт полиции, с помощью систем электронного бескрасового дактилоскопирования² с последующим доступом к централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системе (ЦИАДИС) по аналогии с вышеизложенными сервисами видится вполне перспективным направлением деятельности. В-первых, это позволит участковому уполномоченному полиции по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени установить личность гражданина, не способного по каким-либо причинам сообщить данные о своей личности и не имеющего при себе документов, удостоверяющих личность, во-вторых, сможет подтвердить личность проверяемого гражданина.

Между тем в настоящий момент учетные записи сотрудников с правом доступа к прикладным сервисам обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, как правило, предусмотрены по основным направлениям деятельности структурных подразделений полиции, позволяющим выполнять возложенные на них задачи и функции. В связи с этим участковый уполномоченный полиции в рамках служебной деятельности на территории своего административного участка может пользоваться только модулем «Участковый», размещенным в СООП ИСОД МВД России.

Помимо модуля «Участковый», участковый уполномоченный полиции также использует прикладные сервисы обеспечения повседневной деятельности органов внутренних дел. Данные сервисы позволяют оперативно обмениваться информацией с электронных почтовых ящиков внутри ведомственной сети, исключающих утрату пересылаемых материалов и несанкционированный доступ к входящим или исходящим письмам; обеспечивают электронный документооборот внутри как своего структурного подразделения, так и других подразделений полиции. Дают возможность участвовать в обсуждении проблемных вопросов при проведении онлайн-совещаний посредством видео-конференц-связи, а также проходить плановое повышение

² Об утверждении Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19 июня 2018 г. № 384. Доступ из справ.-правовой системы СТРАС «Юрист».

квалификации в дистанционном формате, без отрыва от исполнения должностных обязанностей. Также обеспечивают информационную безопасность путем защиты информации на всех этапах жизненного цикла как в целом в ИСОД, так и на каждом из ее элементов в отдельности. Предоставляют методические и учебно-практические материалы, иную справочную информацию, размещенную в электронном виде для применения в повседневной служебной деятельности.

Вместе с тем говорить об использовании участковым уполномоченным полиции искусственного интеллекта посредством автоматизированных систем обработки информации, программно-аппаратных комплексов и программно-технических средств в настоящий момент еще довольно рано. В то же время поступательное развитие ИСОД, IT-технологий и робототехники, активное внедрение новейших технологических достижений в подразделениях МВД России, направленных на обеспечение безопасности и правопорядка, неминуемо приведет к желаемому результату.

Для понимания ближайших перспектив использования искусственного интеллекта в полицейской деятельности органов внутренних дел и участковым уполномоченным полиции предлагаем обратиться к имеющейся практике зарубежных стран, а затем рассмотреть российскую действительность. По нашему мнению, наиболее интересным является опыт Китайской Народной Республики (далее — КНР), активно занимавшейся в последнее десятилетие разработкой цифровых технологий, биометрии, систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц и искусственного интеллекта.

Так, в целях обеспечения правопорядка, общественной безопасности, выявления разыскиваемых лиц, в аэропортах, на вокзалах, улицах и в иных общественных местах страны повсеместно установлены стационарные камеры видеонаблюдения. К примеру, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР видеонаблюдение используется в целях предотвращения террористических атак, кроме этого, там была создана первая региональная база, содержащая снимки сетчатки глаз 30 млн граждан. Особого внимания заслуживает комплекс видеонаблюдения Tianwang, представляющий полицейскую систему данных, к компонентам которой относится видеонаблюдение, система распознавания лиц и искусственный интеллект. В 2017 г. в комплекс Tianwang входило более 170 млн камер, а к 2020 г. планировалось добавить еще 400 млн камер наблюдения. При этом в 2022 г. более

50 % из миллиарда действующих по всему миру камер видеонаблюдения находилось в КНР.

Правительство КНР стремится уменьшить зависимость от иностранных поставщиков цифрового и коммуникационного оборудования, лидирующих в области передовых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления и беспроводные сети следующего поколения 5G. По прогнозам, сети 5G будут работать значительно быстрее, а высокие скорости соединения позволят использовать более точные системы видеонаблюдения. Наконец, сочетание сетей 5G и искусственного интеллекта может значительно расширить имеющиеся возможности комплексов видеонаблюдения [6, с. 60–63].

Также заслуживают внимания камеры китайской компании Hikvision, предусматривающие включение технологий нейронных сетей непосредственно в смарт-лампы. Подобные видеокамеры в автоматическом режиме определяют автомобильные номерные знаки, распознают лица людей, находящихся в розыске, обнаруживают подозрительные вещи и предметы в местах массового пребывания граждан. Разработчики утверждают, что такие камеры наблюдения позволяют достичь стопроцентной точности распознавания лиц. А продукция компании Cloud Walk Technology, использующей технологию распознавания лиц и анализа походки человека, позволяет с помощью искусственного интеллекта определить подозрительное (нетипичное) поведение субъекта [7, с. 41–42].

Не менее интересен и опыт внедрения различных систем искусственного интеллекта в Соединенных Штатах Америки (далее — США) с использованием биометрии лиц, передовых цифровых технологий и камер видеонаблюдения. Так, в 2015 г. в США была внедрена программа по распознаванию по фотографиям и потоковому видео людей, осуществивших пластические операции, и выдаче вариантов их первоначальной внешности. Внедренная технология позволила восстановить первоначальную внешность человека в 80 % случаев, при этом 90 % идентификаций осуществлено в потоковом видео, а в 97 % произошло успешное распознавание лица по фотографии.

В 2016 г. был разработан и внедрен аналитический программный комплекс SEG, позволяющий прогнозировать вероятность увеличения числа преступлений при изменении отдельных параметров. Тестирование указанной системы в отдельных регионах страны позволило снизить преступность на 14 %. Кроме этого, в 2017 г. в США была внедрена платформа контекстного интеллекта Nigel, направленная на распознава-

ние какой-либо нестандартной ситуации (например, если взрослый человек ведет ребенка, который сопротивляется, то возможно произошло его похищение). Платформа Nigel с помощью искусственного интеллекта анализирует различные данные и выдает рекомендации в условиях конкретной обстановки [8, с. 112–113].

Использование цифровых продуктов с функциями искусственного интеллекта также было замечено в Италии. В частности, бывший сотрудник полиции создал компанию KeyCrime, разработавшую программное решение Delia для анализа преступности и улучшения работы полицейских с помощью использования технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Программа позволяет выявить преступные деяния, которые могут быть частью серии преступлений, позволяя полиции быстрее обнаружить взаимосвязь между ними и прогнозировать совершение новых деяний. Программное обеспечение отличается от обычных полицейских средств для прогнозирования тем, что оно фокусируется на задержании преступников, а не на предупреждении преступлений. Искусственный интеллект обращается к информации о совершенных преступлениях, а затем предсказывает, когда и где конкретный человек или группа лиц вновь совершат преступное деяние. Кроме того, Delia генерирует индивидуальные прогнозы, что уменьшает вероятность предвзятости [9, с. 78–79].

Помимо Италии, в большинстве европейских государств также активно используется искусственный интеллект в полицейской деятельности, связанной с выявлением и раскрытием преступлений. В качестве примера можно упомянуть систему Connect, используемую для анализа миллиардов данных, полученных в ходе финансовых операций, или международную базу данных о сексуальной эксплуатации детей ICSE DB. С помощью базы Connect поиск, который ранее занимал несколько месяцев расследования, теперь выполняется за считанные минуты при очень высоком уровне сложности и огромном объеме данных. База ICSE DB помогает идентифицировать жертв и (или) преступников посредством анализа, например, оскорбительных изображений на мебели и других предметах или анализа фонового шума в видеозаписях [10, с. 23–24].

Проведя краткий анализ зарубежной практики по использованию искусственного интеллекта в профилактике правонарушений и преступлений, целесообразно перейти к отечественным наработкам. В Российской Федерации наибольшее распространение в правоохрани-

тельной деятельности получило применение искусственного интеллекта в системах видеонаблюдения и прогностической (предиктивной, предикативной) аналитике. Наибольший положительный опыт в этом направлении имеет город Москва, в котором функционирует разветвленная система видеонаблюдения с функцией распознавания лиц. К данной системе подключено несколько сотен тысяч видеокамер, в т. ч. размещенных в подъездах многоквартирных жилых домов. Принцип действия этой системы основан на использовании нейросетей и технологий искусственного интеллекта.

Изображения с видеокамер анализируются в режиме онлайн, при этом сканирование лиц осуществляется в целях их сопоставления с информацией, хранящейся в фотобазах правоохранительных органов, например при розыске правонарушителей. Процесс опознавания (отожествления, идентификации) личности занимает несколько секунд, а полученная информация автоматически направляется в соответствующие госструктуры. Помимо этого, отслеживаются маршруты перемещения разыскиваемых лиц в черте города, в этом случае система самостоятельно выбирает все необходимые видеозаписи с различных камер видеонаблюдения [2, с. 31].

В настоящее время к системе видеонаблюдения в Москве подключены различные пользователи, среди которых сотрудники правоохранительных органов, государственных и муниципальных организаций с определенным уровнем доступа. Заинтересованные государственные структуры могут получить необходимые данные по запросу в установленном порядке. Каждое обращение к системе видеонаблюдения автоматически определяется и фиксируется [2, с. 32]. Положительный опыт столицы распространяется и в других городах страны, в которых к таким системам подключаются видеокамеры, установленные в домофонах многоквартирных жилых домов, на остановках общественного транспорта и в иных общественных местах.

Вполне очевидно, что стремительное развитие общественных отношений диктует необходимость поиска новых подходов к обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Цифровые технологии существенно облегчили это направление деятельности. Так, видеокамеры, подключенные к программным комплексам с машинным распознаванием, способны идентифицировать не только лиц, находящихся в розыске, но и похищенный автотранспорт. Системы биометрической идентификации по фотографии устанавливают задержанных правонарушителей, а также лиц, находящихся в розыске или

пропавших без вести. Интеллектуальная видео-аналитика распознает отклоняющееся от норм поведение людей [5, с. 71].

В рамках данной научной статьи нас прежде всего интересует вопрос ближайших перспектив использования систем видеонаблюдения, цифровых технологий и искусственного интеллекта в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции. В этом контексте следует обратить внимание на инициативу ГУОООП МВД России¹ по проведению в 2025 г. научно-исследовательской работы по теме «Разработка типовой модели умного (цифрового) участкового пункта полиции». Предполагается, что цифровой участковый пункт полиции (далее — ЦУПП) существенно повысит материально-техническое оснащение и сократит затраты служебного времени участковых уполномоченных полиции, связанные с административно-юрисдикционной и уголовно-процессуальной деятельностью, а также общей и индивидуальной профилактики.

Более того, ЦУПП позволит использовать правоохранительный сегмент аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», создаваемый органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при предупреждении и пресечении правонарушений и преступлений на административном участке. Кроме этого, участковый уполномоченный полиции сможет самостоятельно идентифицировать граждан, задержанных и доставленных в участковый пункт полиции, с помощью системы электронного бескракового дактилоскопирования.

В перспективе рассматривается возможность размещения в ЦУПП беспилотных летательных аппаратов и робототехнических комплексов в целях их использования участковым уполномоченным полиции при проведении мероприятий по профилактике и пресечению правонарушений в общественных местах обслуживаемой территории. На наш взгляд, развитие беспилотных и робототехнических технологий приобретает особую актуальность в отдаленных сельских поселениях и труднодоступных местностях. Внедрение цифровых технологий, биометрии, систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц и искусственного интеллекта будет больше востребовано в городах.

Между тем вполне очевидно, что создание ЦУПП из-за имеющихся в текущий момент проблем политического и экономического характера, к сожалению, пока еще остается перспективой ближайшего десятилетия. Тем не менее реалии жизни современного общества показывают, что новейшие достижения науки и техники, а также IT-технологии стремительно развиваются независимо от воздействия внешних или внутренних негативных факторов. При этом следует вспомнить, что всего лишь четверть века назад в службе участковых инспекторов милиции повсеместно отсутствовали компьютеры и оргтехника, а вся служебная документация велась исключительно на бумажных носителях. Сегодня же подразделения участковых уполномоченных полиции полностью оснащены персональными компьютерами с возможностью доступа к ИСОД МВД России.

Относительно средств радиосвязи в указанный период времени также имелось множество проблем, но в начале 2000-х гг. участковые инспектора милиции одними из первых в структуре органов внутренних дел были обеспечены пейджинговой связью, а буквально десять лет назад участковые уполномоченные полиции стали оснащаться служебными мобильными телефонами оператора связи «Мегафон». В настоящий момент подразделения участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России укомплектованы служебными телефонами сотовой связи на 73,8 %².

Полагаем, что дальнейшее развитие ИСОД МВД России по-прежнему требует определенных управленческих и организационных решений, а также серьезных финансовых вложений по внедрению технологий искусственного интеллекта. Во-первых, все еще остаются не решенными вопросы эксплуатации центров обработки данных МВД России, имеющих разнородное оборудование, расположенных на географически удаленных друг от друга площадках. Во-вторых, серьезной проблемой остается задача по увеличению серверных мощностей, необходимых для масштабирования информационных систем, а также увеличения пропускной способности каналов связи с учетом постоянного роста объема обрабатываемой информации³.

¹ Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

² Обзор о состоянии материально-технического обеспечения подразделений участковых уполномоченных полиции по итогам 2023 г.: письмо ГУОООП МВД России от 12 апреля 2024 г. исх. № 12/4294.

³ Об объявлении решения коллегии МВД России от 5 декабря 2018 г. № 2 км [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 18 января 2019 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы СТРАС «Юрист».

В то же время, как показывает практика, МВД России последовательно решает проблемы, возникающие при внедрении современных информационных систем и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в связи с чем создание ЦУПП с внедрением перспективных аппаратно-программных комплексов, систем видеонаблюдения с биометрической идентификацией лиц, а также технологий искусственного интеллекта видится вполне реальным. Очевидно,

что использование IT-технологий и искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности участковых уполномоченных полиции существенно сократит затраты служебного времени, связанные с поиском и обработкой информации, идентификацией задержанных лиц, проведением профилактической работы на административном участке, в т. ч. позволит самостоятельно решать поставленные перед службой задачи в более сжатые сроки.

Список источников

1. Бычков В. В. Искусственный интеллект в сфере раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Российский следователь. 2022. № 1. С. 3–6.
2. Попова Н. Ф. Применение технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 29–32.
3. Барчуков В. К. Использование искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 19–21.
4. Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции [Электронный ресурс]: сб. ст. Междунар. научно-практ. конф-ции. М.: Академия управления МВД России, 2020. 1 CD-ROM.
5. Губарева Т. И. Цифровые технологии на страже правопорядка: актуальные вопросы осуществления государственного управления посредством системы распределенных ситуационных центров // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 70–72.
6. Кудинов В. В., Микрикова С. А. Некоторые особенности ограничения права на неприкосновенность частной жизни в интересах обеспечения безопасности государства (на примере Китайской Народной Республики) // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 59–64.
7. Расторопов С. В. Использование искусственного интеллекта для предупреждения и выявления преступлений (мировой опыт) // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 40–43.
8. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018. 416 с.
9. Березина Е. А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 71–85.
10. Сушина Т. Е., Собенин А. А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 21–25.

References

1. Bychkov V. V. Iskustvennyy intellekt v sfere raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey // Rossiyskiy sledovatel'. 2022. № 1. S. 3–6.
2. Popova N. F. Primenenie tekhnologiy iskustvennogo intellekta v pravookhranitel'noy deyatel'nosti // Administrativnoe pravo i protsess. 2021. № 3. S. 29–32.
3. Barchukov V. K. Ispol'zovanie iskustvennogo intellekta v deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov zarubezhnykh stran // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2020. № 5. S. 19–21.
4. Iskustvennyy intellekt (bol'shie dannye) na sluzhbe politsii [Elektronnyy resurs]: sb. st. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf-tsii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2020. 1 CD-ROM.
5. Gubareva T. I. Tsifrovye tekhnologii na strazhe pravoporyadka: aktual'nye voprosy osushchestvleniya gosudarstvennogo upravleniya posredstvom sistemy raspredelennykh situatsionnykh tsentrov // Administrativnoe pravo i protsess. 2024. № 3. S. 70–72.
6. Kudinov V. V., Mikrikova S. A. Nekotorye osobennosti ogranicheniya prava na neprikosnovennost' chastnoy zhizni v interesakh obespecheniya bezopasnosti gosudarstva (na primere Kitayskoy Narodnoy Respubliki) // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2023. № 5. S. 59–64.
7. Rastoropov S. V. Ispol'zovanie iskustvennogo intellekta dlya preduprezhdeniya i vyyavleniya prestupleniy (mirovoy opyt) // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2020. № 5. S. 40–43.
8. Larina E. S., Ovchinskiy V. S. Iskustvennyy intellekt. Bol'shie dannye. Prestupnost'. M.: Knizhnyy mir, 2018. 416 s.

9. Berezina E. A. Ispol'zovanie programmnykh agentov v yuridicheskoy praktike // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2023. № 7. S. 71–85.

10. Sushina T. E., Sobenin A. A. Perspektivy i riski ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossiyskiy sledovatel'. 2020. № 6. S. 21–25.

Сведения об авторе

А. Г. Гришаков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Grishakov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 64–70.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 64–70.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342:325(470+571)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ВЫНУЖДЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Иванович Евтушенко^{1,2}, Дизер Ольга Александровна³

¹ Управление по делам архивов Белгородской области, Белгород, Россия, 77712@live.ru

² Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

³ Омская академия МВД России, Омск, Россия, oadizer-24@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции правового статуса вынужденного переселенца в Российской Федерации, начиная с принятия в 1993 г. соответствующего нормативного акта. Делается акцент на анализе изменений законодательного определения понятия «вынужденный переселенец» в зависимости от встающих перед государством задач в сфере внутренней вынужденной миграции и поиска их решения. Такого рода историко-правовой подход позволяет более основательно рассматривать проблемы в сфере вынужденной внутренней миграции, с которыми сталкивается Российская Федерация после начала специальной военной операции, и, соответственно, предлагать варианты их разрешения. Это касается как законодательных инициатив, так и предложений в сфере совершенствования административного регулирования правового положения данной категории вынужденных мигрантов и их финансового обеспечения.

Ключевые слова: вынужденный переселенец, внутриперемещенное лицо, беженец, государственная граница, правовой статус, гражданство Российской Федерации, специальная военная операция

Для цитирования: Евтушенко В. И., Дизер О. А. Совершенствование публично-правового регулирования статуса вынужденного переселенца в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 64–70.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

IMPROVING THE PUBLIC LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF AN INTERNALLY DISPLACED PERSON IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir I. Evtushenko^{1,2}, Olga A. Dizer³

¹ Department for Archives of the Belgorod region, Belgorod, Russia, 77712@live.ru

² Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

³ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, oadizer-24@mail.ru

Abstract. The article examines the process of evolution of the legal status of «forced migrant» in the Russian Federation since the adoption of the corresponding normative act in 1993. The emphasis is placed on the analysis of changes in the legislative definition of the concept of «forced migrant» depending on the challenges facing the state in the field of internal forced migration and the search for their solutions. This kind of historical and legal approach allows us to take a more thorough approach to the consideration of problems in the field of forced internal migration that the Russian Federation faces after the start of the special military operation, and, accordingly, to propose options for resolving them. This applies to both purely legislative initiatives and proposals in the field of improving the administrative regulation of the legal status of this category of forced migrants and their financial support.

Key words: forced migrant, internally displaced person, refugee, state border, legal status, citizenship of the Russian Federation, special military operation

For citation: Evtushenko V. I., Dizer O. A. Improving the public legal regulation of the status of an internally displaced person in the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:64–70 (In Russ.).

© Евтушенко В. И., Дизер О. А., 2025

Понятие «вынужденная миграция» с географической точки зрения рассматривает перемещения двух категорий вынужденных мигрантов: беженцев, покинувших место своего постоянного или временного жительства и ищущих защиту и убежище за пределами страны своего гражданства или постоянного места жительства по причинам, определенным в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев¹, дополненную Протоколом, касающимся статуса беженцев от 4 октября 1967 г.², и внутриперемещенных лиц, ищущих убежище в своей стране [1, с. 780–785].

Конвенция 1951 года остается основополагающим документом международного права, касающегося беженцев. По состоянию на 1 сентября 2005 г. участниками Конвенции 1951 г. и (или) Протокола к ней 1967 г. являются 146 государств (из них 140 государств присоединились к обоим документам). Определяя, является ли то или иное лицо беженцем, эти государства обязуются применять критерии, установленные в Конвенции 1951 г. С точки зрения беженца, наиболее благоприятный статус связан с признанием беженцем в значении Конвенции 1951 г., что не только гарантирует защиту от высылки (см. раздел 1.6.1), но и предоставляет ряд прав, предусмотренных Конвенцией 1951 г. и Протоколом 1967 г., в т. ч., например, право на получение проездных документов. Согласно подпункту 2 пункта А статьи 1 Конвенции 1951 г., беженцем является любое лицо, которое «в результате событий, происшедших до 1 января 1951 г., и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений».

Помимо ограничения по дате (1 января 1951 г.) Конвенция 1951 г. в пункте В статьи 1 установила для понятия «беженец» дополни-

тельное ограничение по географическому принципу: «в результате событий, происшедших в Европе». Указанные ограничения области действия определения беженца более не играют важной роли. Временное ограничение официально снято в Протоколе 1967 г., а ограничение по географическому принципу отменено большинством государств, присоединившихся к обоим документам, в результате чего положения Конвенции приобрели универсальный характер. Подпункт 2 пункта А статьи 1 Конвенции 1951 г. содержит так называемые критерии включения, т. е. признаки, являющиеся основаниями для положительного решения вопроса об определении статуса беженца. Чтобы быть признанным беженцем, лицо должно соответствовать установленным критериям (эти критерии подробно рассматриваются в главе 2). Кроме того, в определении беженца в соответствии с Конвенцией 1951 г. также содержатся положения об исключении (пункты D, E и F статьи 1) и положения о прекращении (пункт С статьи 1). Эти положения рассматриваются в главах 3 и 4 соответственно.

Определение беженца в соответствии с Конвенцией 1951 г. дополняется региональными документами, среди которых наиболее важными являются Конвенция Организации африканского единства (ОАЕ) 1969 г. по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке и Картахенская декларация 1984 г. о беженцах. Оба документа предусматривают, что лица, спасающиеся от неизбирательных угроз, возникших в связи с положением в стране их происхождения, при определенных обстоятельствах также могут признаваться беженцами. Хотя определение понятия «беженец», содержащееся в Конвенции 1951 г., носит универсальный характер, сотрудники, принимающие решения, которые работают в странах, применяющих более широкие определения беженца, установленные в региональных правовых документах, должны понимать важность этих определений. Однако поскольку эти определения дополняют определение в соответствии с Конвенцией 1951 г., применяющие их страны должны в первую очередь определить, соответствует ли заявитель критериям, установленным Конвенцией 1951 г.

Конвенция ОАЕ 1969 г. включает в себя определение беженца в соответствии с Конвенцией 1951 г. и дополнительно к нему в пункте (2) статьи I устанавливает, что термин «беженец» применяется также к любому лицу, которое вследствие внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих общественный порядок в какой-то

¹ Конвенция 1951 года о статусе беженцев: Принята конференцией полномочных представителей 25.07.1951 // Действующее международное право. В 3 т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.

² Протокол 1967 года, касающийся статуса беженцев: Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2198 (XXI) 16 декабря 1966 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.

части страны или во всей стране его происхождения или гражданской принадлежности, вынуждено покинуть место своего обычного проживания и искать убежище в другом месте за пределами страны своего происхождения или гражданской принадлежности. Это определение возникло на основании опыта, связанного с войнами за освобождение и деколонизацию, которыми африканский континент был охвачен в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. В пунктах (4) и (5) статьи I Конвенции ОАЕ 1969 г. также содержатся положения о прекращении статуса беженца и об исключении, которые в некоторых отношениях отличаются от аналогичных положений Конвенции ООН 1951 г.

В конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого столетия в ряде государств, особенно в Центральной Америке, возникли проблемы массового перемещения людей из-за военных действий, гражданских конфликтов, насилия и политических потрясений. В результате в пункте (3) статьи III Картахенской декларации 1984 г. о беженцах появилась следующая рекомендация: «[...] для применения в регионе следует рекомендовать понятие, которое, включая в себя элементы Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года, относит к числу беженцев тех лиц, которые бежали из страны, поскольку их жизни, безопасности или свободе угрожали всеобщее насилие, иностранная агрессия, внутренние конфликты, массовые нарушения прав человека или другие обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка». Хотя Картахенская декларация официально не является юридически обязательной к применению, многие страны Латинской Америки включили в свое национальное законодательство и практику принципы этой декларации, в т. ч. и определение понятия «беженец».

Многие страны просто принимают определение беженца, содержащееся в международных документах, к которым они присоединились. Однако ничто не мешает тому или иному государству принять более широкое определение, чем то, которое требуется в соответствии с его международными обязательствами. Законодательством ряда стран предусматривается предоставление защиты лицам, которые не отвечают критериям Конвенции 1951 г., но тем не менее нуждаются в международной защите. Эти меры называются «дополнительными формами защиты», а в Европе их называют «вспомогательной защитой». Некоторые государства, особенно европейские, также предусматривают «временную защиту» в ситуациях, когда массы людей вынуждены спасаться от всеобщего насилия и (или)

вооруженных конфликтов. Эта практическая краткосрочная мера позволяет защитить пострадавших от высылки и оказать им помощь, не определяя при этом их статуса. Лица, пользующиеся этими формами защиты, могут являться лицами, находящимися в компетенции управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в качестве беженцев.

В отличие от понятия «беженец», имеющего международно признанное определение, с дефиницией «внутриперемещенное лицо» такой определенности нет. В течение почти всего XX в. решение проблем данной категории вынужденных мигрантов в силу территориального суверенитета относилось к компетенции того государства, где в силу различных причин возникала данная категория перемещенных лиц [2, с. 100–103]. И только к концу XX в. ООН, понимая значимость данной проблемы и зачастую невозможность в силу тяжелого экономического положения страны, столкнувшейся с подобной проблемой, либо в силу иных причин оказывать помощь внутриперемещенным лицам, декларировала необходимость со стороны мирового сообщества и его международных институтов оказания гуманитарной и правовой помощи данной категории вынужденных мигрантов [3, с. 179–184]. Данные рекомендации содержались в резолюции № 48/116 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г.; в ряде заключений УВКБ ООН, в т. ч. по проблемам лиц, перемещенных внутри страны¹; по международной защите² и т. д. Но в полном объеме меры по оказанию помощи ООН этой категории вынужденных мигрантов содержатся в специальной программе действий Генерального секретаря ООН, предусматривающей в т. ч. введение поста специального советника и создание рабочей группы по проблемам внутриперемещенных лиц для оперативного анализа международной обстановки в данной сфере³.

В национальных законодательствах различных стран появление нормативных актов, свя-

¹ Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН по международной защите № 74 (XLV) — 1994 год: Лица, перемещенные внутри страны. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/exconc/unhcr/1994/ru/41742> (дата обращения: 10.03.2024).

² Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН по международной защите № 74 (XLV) — 1994 год: Общее заключение по международной защите. URL: <https://evolutio.info/ru/conclusions-unhcr?start=31> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Программа действий Генерального секретаря ООН по проблемам внутриперемещенных лиц. URL: <https://www.un.org/en/content/action-agenda-on-internal-displacement/> (дата обращения: 15.03.2024).

занных с правовым регулированием положения данной категории вынужденных мигрантов, как правило, связано с социальными, экономическими, экологическими проблемами в стране, природными и техногенными катастрофами и т. д. [4, с. 127]. Но наиболее часто это связано с бегством мирного населения как от внешних, так и от внутренних вооруженных конфликтов [5, с. 185].

В российском законодательстве категория внутриперемещенных лиц в большей степени соотносится с понятием «вынужденный переселенец», введенным Законом Российской Федерации в 1993 г.¹ Но если рассматривать практику правоприменения законодательных актов, принятых одновременно Верховным Советом Российской Федерации в 1993 г., можно констатировать одно коренное отличие. Закон Российской Федерации «О беженцах»², принятый как имплементация во внутреннем законодательстве подписанных Россией в 1992 г. Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протокола, касающегося статуса беженцев, от 4 октября 1967 г., имел в большей части декларативный характер и практически не применялся до принятия в 1997 г. новой редакции данного нормативного акта. Разработчики его первоначальной редакции исходили из тезиса, что Российская Федерация на тот исторический момент не являлась миграционно привлекательной страной [6, с. 47–48].

Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах», напротив, имел четкую цель и содержал конкретный правовой механизм по решению неотложных задач, стоящих в тот момент перед Российской Федерацией, по адаптации и обустройству сотен тысяч русскоязычных вынужденных мигрантов, которые после крупнейшей геополитической катастрофы конца XX в. — развала единого Союза Советских Социалистических Республик — были вынуждены спасаться на территории Российской Федерации от дискриминации, притеснения, преследования по национальному признаку и прямого насилия из-за резкого всплеска крайне шовинистических и националистических настроений во вновь образованных государствах — бывших советских

республиках, ставших независимыми государствами [7, с. 125–131].

И если рассматривать процесс изменения этих двух одновременно разрабатываемых и принятых нормативных актов, необходимо отметить, что несмотря на большое количество внесенных в Закон Российской Федерации «О беженцах» изменений, определение понятия «беженец», аналогичное содержащемуся в Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 г., никогда не менялось. В то же время определение «вынужденный переселенец», не имеющее международно признанной дефиниции, постоянно модифицировалось. Поэтому анализ эволюции данного определения является показательным в свете рассмотрения меняющегося отношения государства к решению проблем внутриперемещенных лиц и особенно с точки зрения отнесения той или иной категории вынужденных мигрантов к их числу.

Если рассматривать изначальное определение понятия «вынужденный переселенец» в редакции Закона при его принятии в 1993 г., можно отметить, что действие нормативного акта распространялось в т. ч. на граждан «бывшего СССР, проживавших на территории республики, входившей в состав СССР», вынужденно их покинувших по основаниям, предусмотренным законодательным актом, прибывших в Российскую Федерацию и «приобретших гражданство Российской Федерации, находясь на территории Российской Федерации».

Подобное положение в определении понятия «вынужденный переселенец» позволило оказать весомую помощь в адаптации и обустройстве на территории Российской Федерации сотням тысяч русскоязычных граждан [8, с. 78–82]. Так, по состоянию на 31 декабря 1997 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано более 1,1 млн вынужденных переселенцев³.

Редакция Закона Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» от 20 декабря 1995 г.⁴ ужесточила требования к процедуре признания лица вынужденным переселенцем [9, с. 233–244]. Это было связано в т. ч. с большими социальными и экономическими трудностями, которые переживало в тот исторический период

¹ О вынужденных переселенцах: закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 08.12.2020 № 429-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 427.

² О беженцах: закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 (в редакции Федерального закона Российской Федерации от 13.06.2023 № 215-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 425.

³ Вынужденные переселенцы в Российской Федерации. URL: <https://bigenc.ru/c/vynuzhdennye-pereselentsy-v-rossiiskoi-federatsii-2cc876> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах»: федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 202-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.

Российское государство¹, и привело к резкому уменьшению количества вынужденных переселенцев [10, с. 38–44].

Так, например, в соответствии с новой редакцией законодательного акта процесс получения статуса беженца для иностранного гражданина или лица без гражданства из республик бывшего СССР существенно усложнился и был связан с необходимостью предварительного признания его беженцем. И только при получении гражданства Российской Федерации и, соответственно, утрате статуса беженца в случае, если процесс обустройства на территории Российской Федерации не был закончен, вынужденный мигрант мог рассчитывать на получение статуса вынужденного переселенца.

Кроме того, была убрана возможность получить статус вынужденного переселенца по основаниям, предусмотренным законодательным актом, до осуществления акта переселения. В соответствии с первоначальной редакцией Закона вынужденным переселенцем могло быть признано лицо, которое только «имеет намерение покинуть место своего постоянного проживания». Интересно отметить, что первоначальная редакция Закона Российской Федерации «О беженцах» 1993 г. при определении понятия «беженец» также предусматривала возможность признания беженцем лица, не имеющего гражданства Российской Федерации, который только намеревается «покинуть место своего постоянного жительства на территории другого государства» по обстоятельствам, предусмотренным законодательным актом, и имеет желание искать убежище на территории Российской Федерации. Данная возможность была законодательно устранена только при принятии кардинально новой редакции Закона Российской Федерации «О беженцах» в 1997 г.²

Возможность получения статуса «вынужденный переселенец» через процедуру признания беженцем и приобретения гражданства Российской Федерации была отменена принятием поправок в законодательный акт в 2015 г.³ Подобное ограничение представляется не совсем логичным и уместным в связи с массовым прибытием в 2014–2015 гг. на территорию России

большого количества вынужденных мигрантов из Украины. Основной процедурой решения проблем прибывающих переселенцев в тот период было их заселение в специально создаваемые пункты временного размещения [11, с. 7–9] и легализация их пребывания на территории Российской Федерации путем предоставления им временного убежища в рамках Закона Российской Федерации «О беженцах» [12, с. 108–119].

Действующая на настоящий момент редакция законодательного акта признает возможность получения статуса «вынужденный переселенец» только гражданами Российской Федерации. Процедура получения статуса иностранными гражданами и лицами без гражданства в нормативном акте последней редакции не предусмотрена.

Постепенное законодательное ужесточение определения понятия «вынужденный переселенец» и процедуры его получения отражает общую тенденцию более строгого, избирательного подхода в процедуре легализации иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации после достаточно либерального подхода к данной сфере 90-х гг. XX столетия.

Рассмотрение процесса эволюции правового статуса «вынужденный переселенец» позволяет сделать вывод о том, что в отличие от строгого международно признанного определения «беженец» административно-правовое законодательство Российской Федерации в сфере правового регулирования внутриперемещенных лиц менялось в соответствии с теми задачами, которые стояли перед государством. Соответственно, представляется логичным, что вставшие перед государством в процессе продолжающейся специальной военной операции задачи по защите гражданского населения, спасающегося от военных действий, также логично решать в рамках Закона Российской Федерации «О вынужденных переселенцах».

Но к решению данных задач давно проверенный и хорошо себя зарекомендовавший механизм правового регулирования работы с внутриперемещенными вынужденными мигрантами не применяется. По состоянию на 31 декабря 2023 г. в Российской Федерации зарегистрировано всего 321 вынужденный переселенец, причем из числа давно стоящих на регистрационном учете⁴. Рассмотрение нормативного акта позволяет сделать вывод, что с небольшими поправками Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» позволит в значительной степени решить задачи защиты гражданского населения в зонах вооруженных конфликтов, оказания помощи лицам, бежавшим из районов боевых действий, а также их временной или постоянной адаптации на новом месте жительства.

¹ Комментарий законодательства о вынужденных переселенцах и беженцах. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7839?page=2> (дата обращения: 01.04.2024).

² О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О беженцах»: федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 1997 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 26. Ст. 2956.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»: федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 358-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48 (ч. I). Ст. 6724.

⁴ Численность вынужденных переселенцев с начала регистрации (1992 г.). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Vynuzhd_peresel_1995-2023.xlsx (дата обращения: 10.12.2024).

Список источников

1. Лытикова И. А. Соотношение категории беженец и вынужденный переселенец в законодательстве Российской Федерации // *Аллея науки*. 2019. Т. 3, № 5 (32). С. 780–785.
2. Дизер О. А. Правозащитный аспект вынужденной миграции // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2022. № 1 (140). С. 100–103.
3. Мадан С. Международно-правовой статус УВКБ и проблема расширения компетенции // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9, № 11-1. С. 179–184.
4. Теоретические основы формирования отрасли полицейского права: монография / О. И. Бекетов [и др.]. Омск: Омская академия МВД России, 2019. 168 с.
5. Дизер О. А. О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2024. № 5 (117). С. 183–191.
6. Архипов Ю. А. К выходу Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О беженцах”» // *Миграция*. 1997. № 4. С. 47–48.
7. Евтушенко В. И. Особенности правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев и экологических мигрантов: сравнительно-правовой анализ // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия, Социология, Право*. 2009. № 10 (65). С. 125–131.
8. Арьков С. В. Реализация прав беженцев и вынужденных переселенцев в части предоставления жилья // *Форум*. 2020. № 2 (19). С. 78–82.
9. Кудряшова А. А., Васильев Ф. П. Процессы становления и развития вопросов правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев в России // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9, № 11-1. С. 233–244.
10. Смирнова А. С. Причины уменьшения числа регистрируемых вынужденных переселенцев // *Теория права и межгосударственных отношений*. 2021. Т. 2, № 3 (15). С. 38–44.
11. Фадеев А. Е., Абасян Р. К. Из опыта работы пункта временного размещения для лиц, вынужденных покинуть территорию Украины, ДНР, ЛНР и экстренно прибывших на территорию РФ в массовом порядке // *Globus: гуманитарные науки*. 2022. Т. 8, № 2 (40). С. 7–9.
12. Петровская М. И. Институт временного убежища: проблемы государственного управления, статистики и административно-правового регулирования // *Юридические исследования*. 2023. № 11. С. 108–119.

References

1. Lytikova I. A. Sootnoshenie kategorii bezhenets i vynuuzhdennyy pereselenets v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii // *Alleya nauki*. 2019. T. 3, № 5 (32). S. 780–785.
2. Dizer O. A. Pravozaashchitnyy aspekt vynuuzhdennoy migratsii // *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2022. № 1 (140). S. 100–103.
3. Madian S. Mezhdunarodno-pravovoy status UVKB i problema rasshireniya kompetentsii // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2019. T. 9. № 11-1. S. 179–184.
4. Teoreticheskie osnovy formirovaniya otrasli politseyskogo prava: monografiya / O. I. Beketov [i dr.]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2019. 168 c.
5. Dizer O. A. O sovershenstvovanii chrezvychaynogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego zashchitu gosudarstva ot vneshney agressii // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*. 2024. № 5 (117). S. 183–191.
6. Arkhipov Yu. A. K vykhodu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii “O bezhentsakh”» // *Migratsiya*. 1997. № 4. S. 47–48.
7. Evtushenko V. I. Osobennosti pravovogo statusa bezhentsev i vynuuzhdennykh pereselentsev i ekologicheskikh migrantov: sravnitel'no-pravovoy analiz // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, Sotsiologiya, Pravo*. 2009. № 10 (65). S. 125–131.
8. Ar'kov S. V. Realizatsiya prav bezhentsev i vynuuzhdennykh pereselentsev v chasti predostavleniya zhil'ya // *Forum*. 2020. № 2 (19). S. 78–82.
9. Kudryashova A. A., Vasil'ev F. P. Protsessy stanovleniya i razvitiya voprosov pravovogo statusa bezhentsev i vynuuzhdennykh pereselentsev v Rossii // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2019. T. 9, № 11-1. S. 233–244.
10. Smirnova A. S. Prichiny umen'sheniya chisla registriremykh vynuuzhdennykh pereselentsev // *Teoriya prava i mezhdugosudarstvennykh otnosheniy*. 2021. T. 2, № 3 (15). S. 38–44.

11. Fadeev A. E., Abasyan R. K. Iz opyta raboty punkta vremennogo razmeshcheniya dlya lits, vynu-zhdennykh pokinut' territoriyu Ukrainy, DNR, LNR i ekstremno pribyvshikh na territoriyu RF v massovom poryadke // Globus: gumanitarnye nauki. 2022. T. 8, № 2 (40). S. 7–9.

12. Petrovskaya M. I. Institut vremennogo ubezhhicha: problemy gosudarstvennogo upravleniya, statistiki i administrativno-pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskie issledovaniya. 2023. № 11. S. 108–119.

Информация об авторах

В. И. Евтушенко — доктор юридических наук;

О. А. Дизер — кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. I. Evtushenko — Doctor of Science (Law);

O. A. Dizer — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 71–75.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 71–75.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.52 (73)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ СУБЪЕКТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИЙ ШТАТОВ США

Сергей Леонидович Нечай

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова,
Брянск, Россия, s.l.nechay@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1915-6703>

Аннотация. В статье анализируются механизмы изменения конституций американских штатов в контексте участия в них законодательных органов (легислатур). Рассмотрен генезис данного юридического процесса с момента основания американского государства. Обозначена классификация основных законов штатов США в зависимости от количества сессий легислатуры и числа голосов, необходимых для одобрения поправок. Проведен анализ вариативных особенностей механизма изменения конституционных документов ряда штатов. Определены некоторые современные тенденции трансформации американского конституционализма в штатах. Приводится сравнительная характеристика данного процесса с аналогичным на федеральном уровне.

Ключевые слова: конституции американских штатов, поправки к конституции, законодательный орган штата, американский конституционализм, основной закон штата США, легислатура

Для цитирования: Нечай С. Л. Законодательные органы как ключевой субъект совершенствования конституций штатов США // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 71–75.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

LEGISLATIVE BODIES AS A KEY SUBJECT IN IMPROVING US STATE CONSTITUTIONS

Sergey L. Nechay

Bryansk branch of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Bryansk, Russia,
s.l.nechay@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1915-6703>

Abstract. The article analyzes the mechanisms of changing the constitutions of American states in the ninth participation of legislative bodies (legislature). The genesis of this legal process from the moment of the foundation of the supreme state is considered. The classification of the main energy states of the USA is designated depending on the number of legislative sessions and the number of votes necessary to approve amendments. The analysis of variable mechanical changes in the constitutional documents of a number of states is carried out. Current trends in some transformations of Royal constitutionalism in the states are determined. A comparative characteristic of this process with analogues at the federal level is given.

Key words: American state constitutions, constitutional amendments, state legislative body, American constitutionalism, fundamental law of the US state, legislature

For citation: Nechay S. L. Legislative bodies as a key subject in improving US State Constitutions. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:71–75 (In Russ.).

© Нечай С. Л., 2025

Трансформация государства и общества представляет собой непрерывный процесс, имеющий перманентный характер. Данное явление происходит под влиянием ряда основополагающих факторов, среди которых необходимо выделить общий исторический генезис, социально-экономическое и политическое развитие. Неминовым следствием указанных метаморфоз является изменение общественных отношений. Наиболее существенной категорией последних выступают правоотношения, которые регулируются нормами права.

Неотъемлемым атрибутом правового государства представляется адекватный характер отражения общественных отношений в законодательстве. При этом первостепенное значение имеет механизм внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты, регулирующие наиболее существенные общественные отношения, — конституции.

В этой связи большой интерес представляет анализ конституционализма США, в рамках которого, помимо федеральной Конституции США 1787 г., параллельно существуют десятки основных законов американских штатов.

В отличие от относительно статичного основного конституционного документа США федерального уровня, который насчитывает 27 поправок, конституции штатов регулярно подвергались трансформации с XVIII в. по настоящее время.

Наиболее старейшим и распространенным механизмом внесения изменений и дополнений в региональные конституционные документы является принятие поправок законодательным органом штата. Однако вплоть до настоящего времени региональные конституции не содержат унифицированных правил инициации поправок и их одобрения и зачастую имеют существенные отличия в зависимости от штата.

Данный механизм появился в основных законах еще в ранний период конституционного правотворчества штатов США (1776–1777 гг.). Первым основным законом, включавшим четкие положения о внесении поправок законодательным органом, была Конституция штата Делавэр, принятая в сентябре 1776 г. В статье 30 данного документа в достаточно лаконичной форме указывается, что изменения в тех или иных формах могут быть приняты при поддержке пяти седьмых членов нижней палаты и семи из девяти членов верхней палаты штата [1, р. 102]. Принципиально иной подход содержался в Конституции штата Мэриленд, принятой в том же году. Законодательный орган должен был одобрить поправку и опубликовать ее по крайней мере за

три месяца до новых выборов. Затем вновь избранный законодательный орган должен был ее одобрить во второй раз. Только после этого поправка вступала в законную силу [1, р. 124].

В дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий разработчики конституций различных штатов сочетали в разной степени эти два подхода. Однако чаще всего процедура принятия поправок предписывала их одобрение квалифицированным большинством на двух сессиях законодательного органа разных созывов, т. е. разделенных промежуточными выборами. Таким образом, население штатов лишь косвенно могло повлиять на принятие поправок, например, не избрав представителей в законодательный орган, которые выступают за внесение соответствующих изменений и дополнений в конституцию.

В Конституции штата Коннектикут 1818 г. впервые появилось прямое условие о ратификации поправок жителями. Статья 11 «О внесении поправок в Конституцию» данного документа предусматривала многоступенчатый процесс принятия изменений. Как и в предшествующих конституциях штатов, устанавливалось требование об одобрении поправок квалифицированным большинством на разных сессиях законодательного органа. Новацией же являлся механизм ратификации, который предусматривал одобрение поправок большинством избирателей на городских собраниях, проведенных во всех городах штата [2, р. 56].

Действующая по настоящее время Конституция штата Мэн 1820 г. также предусматривала одобрение поправок двумя третями голосов обеих палат законодательного органа с дальнейшей ратификацией населением. Однако в отличие от предшественников в конституционном документе отсутствовали условия о законодательном голосовании на двух разных сессиях легислатуры.

В дальнейшем конституции большинства штатов, принимавшиеся в XIX в., в части процесса внесения поправок в той или иной степени следовали как конституционным новациям штата Коннектикут, так и штата Мэн.

В настоящее время все действующие конституционные документы 50 штатов США включают в себя положения, закрепляющие механизм инициативы внесения и принятия поправок законодательным органом. При этом данное направление конституционного правотворчества не имеет унифицированной формы и характеризуется в значительной степени вариативностью от штата к штату.

В ходе проведенного анализа представляется возможным привести следующую классификацию. В качестве основания заложены такие ха-

рактеристики, как количество сессий и число голосов, необходимых для одобрения поправок.

Первым и наиболее распространенным вариантом совершенствования конституции штата является одобрение изменений в ходе одной сессии (35 штатов).

При этом здесь прослеживается дифференциация в количестве голосов представителей законодательного органа, необходимых для одобрения поправки:

- двумя третями — 16 штатов (Айдахо, Аляска, Вашингтон, Вайоминг, Западная Вирджиния, Джорджия, Калифорния, Канзас, Колорадо, Луизиана, Миссисипи, Мичиган, Монтана, Мэн, Техас, Юта);

- простым большинством — 10 штатов (Аризона, Арканзас, Нью-Мексико, Миннесота, Миссури, Оклахома, Орегон, Северная Дакота, Род-Айленд, Южная Дакота);

- тремя пятими — 9 штатов (Алабама, Небраска, Флорида, Нью-Гэмпшир, Иллинойс, Северная Каролина, Кентукки, Огайо, Мэриленд).

Другая часть американских штатов предусматривает внесение изменений и дополнений в свои конституции посредством одобрения поправок на двух сессиях (15 штатов):

- сочетание квалифицированного большинства в одной сессии (две трети) и простого большинства на другой — 4 штата (Вермонт, Делавэр, Теннесси, Южная Каролина);

- простым большинством (двумя третями) в обеих сессиях (Айова, Вирджиния, Висконсин, Гавайи, Индиана, Коннектикут, Массачусетс, Невада, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильвания).

Данная категория конституций штатов ввиду вовлеченности обеих палат и сложившихся местных традиций предусматривает альтернативные механизмы. Делавэру требуется две трети голосов обеих палат в каждой из двух сессий. В Южной Каролине необходима поддержка в две трети голосов в двух инстанциях при первом прохождении законопроекта о поправках и большинство голосов в них же при втором. Конституция штата Теннесси предусматривает согласие большинства в обеих палатах при первом рассмотрении и две трети голосов в них же при втором. Вермонту требуется поддержка большинства в Палате представителей и две трети голосов в Сенате при первом прохождении законопроекта, а при втором — большинства в обеих палатах.

Значительная вариативность присутствует и в количестве сессий, достаточных для принятия конституционных изменений.

Конституция Коннектикута предусматривает одобрение поправок простым большинством

в двух сессиях или в три четверти голосов в одной. В случае чрезвычайных поправок в основные законы штатов Гавайи и Пенсильвания допускается их принятие простым большинством в двух сессиях или большинством в две трети в одной. Согласно Конституции Нью-Джерси поправки могут быть приняты простым большинством в двух сессиях или квалифицированным большинством в три пятых голосов в одной.

Рассмотрим правила ратификации поправок, внесенных законодательным органом. В настоящее время значительная часть штатов устанавливает требования для ратификации в виде простого большинства голосов, поданных за поправку. Однако 9 штатов в некоторой степени отклоняются от этой нормы. Так, исключительной особенностью конституционного законодательства штата Делавэр является отсутствие процедуры ратификации поправок избирателями. В штатах Гавайи, Миннесота, Теннесси и Вайоминг требуется получение поддержки поправки большинством избирателей, участвующих в выборах. Конституция штата Иллинойс предусматривает ратификацию изменений либо большинством избирателей на выборах, либо тремя пятими голосов, поданных за поправку. В Колорадо поправки должны быть одобрены 55 % голосов, а во Флориде — 60 % голосов, поданных за них. Наиболее высокий ценз существует в штате Нью-Гэмпшир, где поправки должны быть ратифицированы двумя третями голосующих за поправку [3, р. 19].

Однако механизм ратификации, предусмотренный конституциями американских штатов, не является статичным процессом. С одной стороны, с течением времени некоторые штаты смягчили свои правила ратификации избирателями. Например, многие из них заменили некогда принятые требования большинства на выборах на относительно стандартное правило большинства по поправке [4, р. 283]. Последним штатом, отказавшимся от данной нормы, стал штат Оклахома, принявший соответствующие изменения в 1974 г. С другой стороны, ряд штатов, напротив, увеличили пороги ратификации. Так, в конституционном документе Миннесоты было заменено давнее правило большинства при внесении поправки на текущее правило большинства на выборах.

Интересно, что в XXI в. конституционный тренд, направленный на усложнение процедуры одобрения поправок, инициированных гражданами, путем установления правила сверхбольшинства привел к тому, что такие же условия стали применяться к ратификации поправок, предложенных законодательным органом. В штате Флорида барьер в 60 % избирателей был принят в 2006 г. В качестве причины данной консти-

туционной трансформации можно обозначить последствия принятия в 1996 г. поправок, требующих ратификации любых изменений, устанавливающих или увеличивающих налоги двумя третями голосов избирателей на всех выборах. В 2016 г. в штате Колорадо утверждена норма, которая гласит, что любая поправка, не отменяющая существующее конституционное положение, должна быть ратифицирована 55 % избирателей [4, р. 293].

Следует констатировать, на современном этапе американского конституционализма процедуры внесения поправок, предложенных законодательным органом штата, сопоставимы и даже более упрощены в сравнении с аналогичными механизмами применительно к федеральной Конституции 1787 г. Ни один штат не требует, чтобы поправки получили более двух третей голосов законодателей.

Разумеется, существует ряд исключений из этого правила. Например, в Коннектикуте законодательный орган может внести поправку в бюллетень большинством голосов в течение двух сессий или тремя четвертями в рамках одной сессии. В Нью-Мексико поправки, касающиеся избирательного права и некоторых вопросов образования, должны быть одобрены законодательным органом тремя четвертями голосов и таким же квалифицированным большинством избирателей.

В тридцати штатах поправки могут быть одобрены менее чем двумя третями голосов законодателей. Хотя трудно сравнивать федеральные ратификационные установления, требующие поддержки трех четвертей штатов, с правилами ратификации штатов в отношении одобрения избирателей. Только в восьми штатах требуется больше, чем простое большинство населения, и ни в одном штате не требуется более двух третей голосов населения.

В качестве чуть ли не единственного довода в пользу жесткости процесса внесения поправок в штатах в сравнении с аналогичным федеральным процессом можно привести пример установления некоторыми штатами требований по одобрению конституционных изменений на двух законодательных сессиях, разделенных промежуточными выборами.

Следует отметить, что в большинстве штатов поправки, как и на федеральном уровне, могут быть приняты законодательным органом на одной сессии и ратифицированы вскоре после

этого. Однако в 11 штатах (Айова, Вермонт, Вирджиния, Висконсин, Делавэр, Индиана, Массачусетс, Невада, Нью-Йорк, Теннесси, Южная Каролина) изменения безальтернативно одобряются исключительно законодательным органом на двух сессиях. В этих штатах данный процесс занимает не менее одного года, а чаще всего и более продолжительный срок.

Одновременно несколько штатов налагают ограничения, не имеющие аналогов на федеральном уровне. Так, Вермонт разрешает рассмотрение поправок только один раз в четыре года. При этом до 1974 г. были установлены более существенные ограничения (один раз в 10 лет). Основные законы ряда штатов (Арканзас, Иллинойс, Канзас, Кентукки, Колорадо) ограничивают количество или тип поправок, которые могут быть внесены в бюллетень для голосования в текущем году. В Арканзасе максимальное число изменений, предложенных легислатурой за выборы или сессию, составляет три поправки, в Кентукки — четыре, в Канзасе — пять. В штате Иллинойс дополнения могут вноситься не более чем в три статьи. Конституция Колорадо устанавливает требования, в соответствии с которыми законодательный орган может рассматривать поправки не более чем к шести статьям за одну сессию.

Таким образом, одной из существенных характеристик американского конституционализма является внесение поправок в основные законы штатов. Абсолютно все конституции штатов предусматривают участие в данном процессе легислатур. Они являются важнейшим элементом механизма совершенствования конституционных документов. Законодательные органы выступают как в качестве субъекта конституционной инициативы, так и играют значимую роль при одобрении поправок. Большое количество конституций штатов, различные факторы (исторический генезис, политическое, социально-экономическое развитие и т. д.) обусловили множественные отличия внесения и принятия конституционных поправок от штата к штату. Несмотря на некоторое своеобразие, можно выделить и схожие черты рассматриваемого механизма. Кроме того, следует констатировать, что совершенствование конституционных документов посредством участия законодательных органов штатов является более гибким инструментом по сравнению с аналогичным процессом на федеральном уровне.

Список источников

1. The Constitutions of the Several Independent States of America, Published by order of Congress, Boston: Printed by Norman and Bowen, 1785. 472 p.

2. The three constitutions of Connecticut, 1638-9, 1662, 1818 ...: with notes ... by Connecticut. Office of the State Comptroller, Charles Jeremy Hoadly Publisher Printed by order of the comptroller [by The Case, Lockwood & Brainard Company], 1901.

3. Dinan J. State Constitutional Politics: Governing by Amendment in the American States. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 472 p.

4. Dinan J. 21st Century Debates and Developments regarding the Design of State Amendment Processes // Arkansas Law Review. 2016. № 69. P. 283–315.

References

1. The Constitutions of the Several Independent States of America, Published by order of Congress, Boston: Printed by Norman and Bowen, 1785. 472 p.

2. The three constitutions of Connecticut, 1638-9, 1662, 1818 ...: with notes ... by Connecticut. Office of the State Comptroller, Charles Jeremy Hoadly Publisher Printed by order of the comptroller [by The Case, Lockwood & Brainard Company], 1901.

3. Dinan J. State Constitutional Politics: Governing by Amendment in the American States. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 472 p.

4. Dinan J. 21st Century Debates and Developments regarding the Design of State Amendment Processes // Arkansas Law Review. 2016. № 69. P. 283–315.

Информация об авторе

С. Л. Нечай — кандидат исторических наук.

Information about the author

S. L. Nechay — Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 76–81.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 76–81.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.565.2(470)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

Ольга Сергеевна Черепанова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olga41778@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о пределах действия исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья. Оценивается их влияние на законодательство и судебную практику. Анализируются проблемы установления признаков жилого помещения, наличие которых позволяет признать его превышающим разумный и достаточный уровень обеспечения конституционно признанной потребности в жилище и обратить на него взыскание. Формулируется вывод о необходимости устранения явного законодательного пробела в регулировании данного вопроса с целью обеспечения принципа правовой определенности, единообразия в разрешении однотипных споров, баланса интересов кредитора и должника.

Ключевые слова: конституционные права, Конституционный Суд Российской Федерации, исполнительский иммунитет, роскошное жилье, единственное жилье, изъятие жилого помещения, кредитор, должник

Для цитирования: Черепанова О. С. Развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу об обращении взыскания на единственное жилое помещение и их влияние на законодательство и судебную практику // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 76–81.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

DEVELOPMENT OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE ISSUE OF FORECLOSURE ON A SINGLE DWELLING AND THEIR IMPACT ON LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

Olga S. Cherepanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
olga41778@mail.ru

Abstract. The article examines the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the limits of executive immunity in relation to single housing. Their impact on legislation and judicial practice is assessed. The problems of establishing the signs of a dwelling, the presence of which makes it possible to recognize it as exceeding a reasonable and sufficient level of ensuring a constitutionally recognized need for housing and to foreclose on it, are analyzed. The conclusion is formulated about the need to eliminate an obvious legislative gap in the regulation of this issue in order to ensure the principle of legal certainty, uniformity in the resolution of similar disputes, and a balance of interests between the creditor and the debtor.

Key words: constitutional rights, Constitutional Court of the Russian Federation, executive immunity, luxury housing, sole housing, seizure of residential premises, creditor, debtor

For citation: Cherepanova O. S. Development of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of foreclosure on a single dwelling and their impact on legislation and judicial practice. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:76–81 (In Russ.).

Вопрос о возможности изъятия у должника единственного жилого помещения не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий. Как известно, действующее законодательство запрещает обращать взыскание на жилое помещение (его часть), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно в нем проживающих, оно является единственным пригодным для постоянного проживания. Данное правило закреплено в п. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) и получило название «имущественный (исполнительский) иммунитет». Исключения установлены только для случаев обращения взыскания на жилое помещение, являющееся предметом ипотеки.

С одной стороны, данное правило обеспечивает конституционное право каждого на жилище (ст. 40 Конституции РФ), однако с другой — вызывает обоснованные сомнения в его справедливости, когда единственное жилое помещение превышает разумную потребность должника и проживающих совместно с ним членов его семьи в жилье. Абсолютность исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья нарушает интересы кредиторов, права которых также не должны оставаться без защиты.

На практике это приводит к тому, что должники, имеющие в собственности роскошные особняки и многоуровневые квартиры, избегают возможности их изъятия по обязательствам, в т. ч. в процедурах банкротства, доказывая, что другого жилья у них не имеется. Исполнительский иммунитет защищает любое единственное жилье от возможности обращения на него взыскания, «даже когда оно по своим качественным и количественным характеристикам явно превышает минимальные общепризнанные социальные стандарты проживания» [1, с. 47].

Таким образом, проблема сводится к поиску оптимального установления баланса интересов кредитора и должника с учетом положений Конституции РФ о равной возможности каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45).

Неоднократно вопрос о соответствии Конституции РФ правила, изложенного в ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, становился предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ).

Впервые это произошло в 2003 г. В определении от 04.12.2003 № 456-О, отметив значимость защиты права собственности, КС РФ акцентировал внимание и на принципах соразмерности и пропорциональности, не исключаящих

возможность для законодателя «конкретизировать регулирование в части, касающейся размеров единственного жилого помещения»¹. Однако реакции законодателя не последовало.

Вновь к этому же вопросу КС РФ вернулся в 2012 г. Риторика КС РФ существенно изменилась, и вместо абстрактной рекомендации о возможной конкретизации положений действующего законодательства в отношении пределов исполнительского иммунитета сформулировано четкое указание: внести необходимые изменения с тем, чтобы «обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда соответствующий объект недвижимости по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования»².

Следуя указаниям КС РФ, в 2012 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»³. Законопроектом устанавливалась возможность обращения взыскания на единственное жилое помещение должника, если за счет его стоимости может быть приобретено иное пригодное для постоянного проживания жилое помещение в границах того же населенного пункта по нормам предоставления на каждого

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 № 456-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (о пределах имущественного иммунитета на единственное пригодное для проживания жилое помещение): законопроект № 175340-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/175340-6?ysclid=lycod9b75561420805> (дата обращения: 08.07.2024).

члена семьи гражданина-должника. Однако после прохождения первого чтения, в 2017 г. законопроект был отклонен, поскольку не содержал правил, определяющих порядок обращения взыскания на единственное жилое помещение, порядок его оценки, продажи, случаи, когда обращение взыскания не допускается.

Следующий законопроект «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”»¹, подготовленный Минюстом РФ в 2017 г., был более проработан и содержал конкретные условия обращения взыскания на единственное жилое помещение в части его площади (превышение более чем в два раза нормы предоставления, при условии, что на одного человека приходится не менее 36 квадратных метров) и стоимости (превышение двукратной стоимости жилого помещения, по размеру соответствующего норме предоставления). На стадии общественного обсуждения законопроект вызвал обоснованную критику, поскольку по-прежнему отличался низкой юридической техникой, громоздкостью статей, наличием спорных и непроработанных положений. В Государственную Думу РФ он так и не был внесен.

После этого попытки решения исследуемого вопроса на законодательном уровне были прекращены. Однако проблема не исчезла. В судебной практике продолжала оставаться приоритетной позиция о недопустимости обращения взыскания на единственное жилье. В целях ее преодоления во многих регионах кредиторы начали покупать и оформлять в собственность должников «замещающее» жилье меньшей площади, что приводило к наличию у него двух жилых помещений и возникновению права на обращение взыскания на жилье большей площади.

Однако такая практика была негативно оценена и фактически прекращена Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ). Так, в одном из определений Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ указано на недопустимость произвольного определения достаточного уровня обеспеченности должника жиль-

ем и отсутствие у судов права определять критерии допустимости обращения взыскания на единственное жилье до внесения соответствующих изменений в законодательство². Надо отметить, что в данном случае оспаривалось решение собрания кредиторов о приобретении одинокому должнику в единоличную собственность жилья площадью 19,8 кв. м вместо имеющейся у него квартиры площадью 40,3 кв. м. Это еще раз подтвердило актуальность законодательного регулирования исследуемого вопроса.

Сохраняющаяся правовая неопределенность вновь послужила причиной для обращения в КС РФ. Принятое КС РФ постановление от 26 апреля 2021 г. № 15-П (далее — Постановление № 15-П)³ является не только напоминанием о «многолетнем недопустимом законодательном бездействии», но и четкой инструкцией судам, как действовать в рассматриваемых ситуациях. Поэтому данный судебный акт без преувеличения можно считать переломным моментом в формировании практики применения исполнительского иммунитета единственного жилья.

КС РФ раскрыл сущность конституционного права на жилище как гарантию сохранения обеспеченности должника и членов его семьи жильем на уровне, достаточном для достойного существования, подчеркнув при этом, что назначение исполнительского иммунитета состоит именно в обеспечении этой гарантии, а не в абсолютном праве должника на сохранение за ним любого жилого помещения.

В условиях отсутствия соответствующих правовых предписаний КС РФ позволил судам обращать взыскание на единственное жилье до изменения законодательного регулирования. В качестве критериев отказа в применении исполнительского иммунитета КС РФ определил, что обращение взыскания на единственное жилье не должно оставить «гражданина-должника без

¹ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: проект. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=59339#> (дата обращения: 08.07.2024).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.10.2020 № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жилища, пригодного для проживания самого должника и членов его семьи, площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма, и в пределах того же поселения, где эти лица проживают»; а также должно учитываться «соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение».

КС РФ не только определил общие ориентиры обращения взыскания на единственное жилье, но и разрешил судам самостоятельно определять собственные критерии исполнительского иммунитета в рамках осуществления своих дискреционных полномочий. Это привело к формированию большого количества правовых позиций, не отличающихся единообразием. Разночтения, в первую очередь, возникают по вопросу, не превышает ли данное жилое помещение уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности должника и членов его семьи в жилище. Как определить этот уровень? Достаточно ли только установления наличия «излишней» площади жилья в сравнении с утвержденными социальными нормами? Или жилье должно иметь иные явные признаки «роскошности»? Очевидно, что для одиноко проживающего должника однокомнатная квартира площадью 40 кв. м в центре города Сочи, в элитном комплексе с видом на море, вряд ли уступает в «роскошности» четырехкомнатной квартире площадью 100 кв. м в аварийном доме на окраине Челябинска.

Примечательно, что КС РФ в упомянутых выше актах вообще не употребляет термин «роскошное жилье». Однако в практике иных судов (в т. ч. ВС РФ¹) данный термин активно используется. И несмотря на то что КС РФ в Постановлении № 15-П ориентирует лишь на превышение площади спорного жилья, суды пытаются установить иные признаки роскошности и во многих случаях, не усматривая их наличия, отказывают в исках.

Например, окружной суд оставил в силе акты нижестоящих судов, которые отказались при-

знать роскошным и согласились исключить из конкурсной массы как единственное пригодное жилье расположенные в селе Чернолесовский участок Республики Башкортостан участок площадью 1,5 тыс. кв. м и жилой дом общей площадью 292,2 кв. м. В доме проживал должник вдвоем со своим совершеннолетним сыном. Суд отметил, что превышение площади дома социального норматива не может являться единственным и достаточным критерием для признания спорного жилого дома роскошным жильем. Доказательства того, что дом по своим иным критериям (месту расположения, окружающей инфраструктуре, техническим решениям строительства и художественному оформлению) может относиться к категории роскошного жилья, в материалы дела не представлены².

В другом деле, также отказывая в неприменении исполнительского иммунитета в отношении дома должника площадью 190 кв. м, расположенного в г. Верхняя Пышма Свердловской области, суд мотивировал это отсутствием признаков роскошного жилья, отнеся к ним: большие площади и высоту потолков помещений, несоизмеримо большое по сравнению с количеством проживающих лиц количество жилых помещений, наличие предметов роскоши³.

Таким образом, в приведенных примерах, несмотря на явное превышение разумно достаточной потребности в жилище, суд признал данный факт недостаточным для неприменения исполнительского иммунитета.

Учитывая отсутствие четкого содержания категории «роскошное жилье» и возможные риски ее вольной интерпретации, представляется более обоснованным исходить не из неких надуманных признаков роскошности (высота потолков и предметы роскоши), а из реальной экономической целесообразности реализации спорного жилья. Так, например, судом установлено, что дом, расположенный в пос. Матросово Калининградской области, состоящий из двух этажей общей площадью 227 кв. м, имеет рыночную стоимость 12 146 000 руб. Общая задолженность его собственника перед кредиторами — 2 601 983 руб. 58 коп. Соответственно, суд при-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2020 № 309-ЭС20-10004 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.01.2023 по делу № А07-3126/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2024 по делу № А60-25757/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.07.2024).

шел к обоснованному выводу о наличии возможности полного погашения за счет его стоимости требований кредиторов с учетом вычета затрат на приобретение замещающего жилья и на проведение торгов¹.

Кроме того, судами должны учитываться и поведение должника, его добросовестность. Практика изобилует примерами, когда должники приобретали дорогостоящее жилье на заемные средства, объединяли несколько квартир в одну, заключали договоры купли-продажи, дарения, брачные договоры, соглашения о разделе имущества, а также иные гражданско-правовые сделки, направленные на изменение правового режима жилой недвижимости, чтобы можно было воспользоваться исполнительским иммунитетом [2, с. 66]. Такое поведение даже в отсутствие признаков роскошности жилья должно квалифицироваться как злоупотребление правом на исполнительский иммунитет и, как следствие, влечь отказ в защите права собственности на такую недвижимость.

Таким образом, исследованию и оценке подлежит вся совокупность фактических обстоятельств, относящаяся к характеристике и должника (материальное положение, количество совместно проживающих членов семьи, иждивенцев), и единственного пригодного для проживания помещения (его площадь, расположение, стоимость и иные свойства), и иные сведения (экономическая целесообразность реализации, обстоятельства приобретения).

Отсутствие надлежащего законодательного регулирования может приводить к тому, что при рассмотрении ситуаций со схожими фактическими обстоятельствами судами будут приниматься противоположные решения. Одни будут исходить только лишь из установленных социальных нормативов обеспеченности жилой площадью на каждого члена семьи должника, а другие — отыскивать иные признаки роскошности спорной недвижимости. Безусловно, суды имеют право на разрешение дел по внутреннему убеждению, однако конечный исход, как представляется, не должен всецело зависеть исключительно от личного усмотрения судьи.

После принятия Постановления № 15-П прошло уже более трех лет, однако поднятый в нем вопрос законодатель по-прежнему обходит стороной. Остается лишь надеяться, что это не бездействие, а тщательная проработка будущего нормативного акта, который снимет все коллизии и противоречия в определении разумности и достаточности потребности в жилище.

Пока же с сожалением приходится констатировать наличие системной проблемы в действующем правовом регулировании и лавирование российской судебной практики между двумя конкурирующими конституционными ценностями: с одной стороны, кредитор должен иметь возможность обращать взыскание на имущество должника, с другой — гражданина нельзя лишать единственного жилья.

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2024 г. по делу № А21-12845/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.07.2024).

Список источников

1. Сидоров И. С. Обращение взыскания на единственное жилье должника: проблемы и перспективы правоприменения // Современное право. 2019. № 9. С. 45–49.
2. Росиков А. Пределы действия исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья // Юридический справочник руководителя. 2023. № 4. С. 64–74.

References

1. Sidorov I. S. Obrashchenie vzyskaniya na edinstvennoe zhil'e dolzhnika: problemy i perspektivy pravoprimereniya // Sovremennoe pravo. 2019. № 9. S. 45–49.
2. Rosikov A. Predely deystviya ispolnitel'skogo immuniteta v otnoshenii edinstvennogo zhil'ya // Yuridicheskiy spravochnik rukovoditelya. 2023. № 4. S. 64–74.

Информация об авторе

О. С. Черепанова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. S. Cherepanova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 16.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 82–89.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 82–89.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.72:338.43

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ПО РАЗВИТИЮ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Николай Александрович Аралкин

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, aralkinnik09@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость проведения комплексного исследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ по развитию агропромышленного комплекса, результатом которого станет формирование методики расследования мошенничества указанного вида. Мошенничество, совершаемое при реализации государственных программ агропромышленного комплекса, составляет примерно 54 % всей совокупности преступлений рассматриваемой сферы. В работе выделены детерминанты, обуславливающие неудовлетворительное состояние борьбы с мошенничеством, совершаемым при реализации государственных программ развития сельского хозяйства, обозначены задачи и методы планируемого исследования.

Ключевые слова: сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, мошенничество, государственные программы развития сельского хозяйства, преступление

Для цитирования: Аралкин Н. А. Методика расследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ по развитию агропромышленного комплекса: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 82–89.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

METHODOLOGY FOR INVESTIGATING FRAUD COMMITTED DURING THE IMPLEMENTATION OF STATE PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL INDUSTRIAL COMPLEX: STATEMENT OF THE PROBLEM

Nikolai A. Aralkin

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, aralkinnik09@mail.ru

Abstract. The article provides a rationale for the need to conduct a comprehensive study of fraud committed during the implementation of government programs for the development of the agro-industrial complex, the result of which will be the formation of a methodology for investigating fraud of this type. Fraud committed during the implementation of government programs in the agro-industrial complex accounts for approximately 54 % of the totality of crimes in the area under consideration. The paper highlights the determinants that determine the unsatisfactory state of the fight against fraud committed in the implementation of state programs for the development of agriculture, identifies the tasks and methods of the planned research.

Key words: agriculture, agro-industrial complex, fraud, state programs for the development of agriculture, crime

For citation: Aralkin N. A. Methodology for investigating fraud committed during the implementation of state programs for the development of the agricultural industrial complex: statement of the problem. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:82–89 (In Russ.).

Согласно доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации развитие сельского хозяйства является одним из национальных интересов государства¹. Как показывает мировая практика, средством, обладающим максимальным эффектом отраслевого развития, является государственная поддержка.

Начиная с 1996 г. государство проводит комплекс мероприятий, направленных на планомерное и эффективное развитие отрасли, увеличивая вовлеченность в развитие аграрного сектора. В настоящее время государством реализуется блок государственных программ, целью которых является решение задач по комплексному развитию сельскохозяйственной отрасли с суммарным объемом финансирования на 2024 г. 558,6 млрд руб., на 2025 г. — 403,9 млрд руб., на 2026 г. — 383,8 млрд руб. [1]:

1. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

2. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий».

3. Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации.

4. Государственная программа «Развитие рыбохозяйственного комплекса».

5. Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг.

Перечисленные программы образуют исчерпывающий перечень государственных программ по развитию АПК. В то же время повышение эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей также является общегосударственной задачей, иначе рациональность таких крайне затратных программ и мероприятий ставится под угрозу. Актуальность повышения эффективности мер государственной поддержки подтверждается словами Президента Российской Федерации В. В. Путина: «Мы будем повышать эффективность инструментов государственной поддержки агропромышленного комплекса (далее — АПК), включая льготные кредиты и тарифы на перевозку продукции, субсидии и лизинг, программы мелиорации» [2].

Отметим, что результативность применяемых государством мер развития отрасли коррелирует не только с уровнем нормативно-правовой проработки социально-экономических отношений между субъектами хозяйствования, но и с тем, насколько эффективно государство борется с нарушением установленных правил регулирования уголовно-правовыми, оперативно-розыскными, криминалистическими и иными средствами и методами.

Наиболее опасными с точки зрения перспектив развития аграрного сектора представляются преступления, связанные с хищениями бюджетных средств, выделяемых на развитие АПК при реализации уже обозначенных программ. Согласно статистике ГИАЦ МВД России, из года в год ущерб от совершения преступлений в сельском хозяйстве оценивается миллиардами рублей: в 2019 г. — 4,45 млрд руб., в 2020 г. — 4,06 млрд руб., 2021 г. — 5,68 млрд руб., 2022 г. — 3,14 млрд руб. [3, с. 870]. Представленные данные свидетельствуют об отсутствии выраженного тренда причиняемого ущерба. Варьируемость размера причиняемого ущерба зависит от множества факторов, среди которых наиболее существенными являются:

- внутриотраслевые экономико-производственные условия, влияющие на размер финансирования отрасли;

- правовая и организационная проработанность распределения, реализации и последующего контроля над законным расходованием выделяемых средств;

- возможности правоохранительных органов по противодействию преступлениям рассматриваемой сферы, а также возможности по возмещению нанесенного государству ущерба.

Из всей совокупности преступлений, совершаемых в рассматриваемой отрасли, более половины составляет мошенничество, совершаемое при реализации государственных программ развития агропромышленного комплекса (2018 г. — 51,6 %, 2019 г. — 53,7 %, 2020 г. — 58,7 %, 2021 г. — 56,8 %, 2022 г. — 47 %)², что, безусловно, требует внимания [3, с. 855]. «Количество выявленных в первом полугодии 2023 года преступлений в сфере сельского хозяйства увеличилось на 5 %. Ущерб от них превысил 900 миллионов рублей», — отметил

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Количество зарегистрированных преступлений: за 2018 г. — всего 1252, из которых мошенничество — 647; за 2019 г. — всего 1192, из которых мошенничество — 641; за 2020 г. — всего 1291, из которых мошенничество — 758; за 2021 г. — всего 1040, из которых мошенничество — 596; за 2022 г. — всего 1017, из которых мошенничество — 479.

А. В. Колокольников на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [4]. При этом министр отметил, что основной массив преступлений приходится на хищения бюджетных средств, получаемых в рамках субсидий и грантов на приобретение техники, семян, а также развитие личных подсобных хозяйств. В качестве примера можно привести хищение бюджетных средств, совершенное индивидуальным предпринимателем К., предоставившим в конкурсную комиссию Министерства сельского хозяйства Российской Федерации пакет документов, содержащий подложные сведения о соответствии предпринимателя предъявляемым государственной программой условиям. В результате этого К. выиграл конкурс и получил грант в размере 3 000 000 руб. на разведение крупного рогатого скота, который похитил и распорядился им по своему усмотрению¹. Схожее преступление совершил генеральный директор ООО «Дербент Агро» Д., который предоставил в Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Дагестан пакет документов, содержащий подложные сведения о стоимости выполненных гидромелиоративных работ (завышение стоимости). В результате обмана Д. получил за фактически невыполненные работы бюджетные средства в сумме 533 594 руб., которые похитил и распорядился ими по своему усмотрению².

Идея модернизации деятельности по борьбе с преступлениями изучаемой сферы не нова. На необходимость совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в сфере сельского хозяйства ссылались в своих работах ряд исследователей. Среди выдающихся исследователей прошлого века такими учеными были В. К. Гавло (1969 г.) [5], В. Е. Корноухов (1970 г.) [6], Л. В. Кочнева (1975 г.) [7]. В ряду современных ученых, исследовавших преступность в агропромышленной сфере, находятся: А. И. Гайдин, рассматривающий вопросы хищения на сельскохозяйственных предприятиях (2006 г.) [8], Д. В. Паршин, исследующий хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства (2018 г.) [9]. Вопросы уголовно-правовой охраны общественных отноше-

ний в сфере субсидирования агропромышленного комплекса рассматривались А. С.-У. Теунаевым (2018 г.) [10]. Аспекты, затрагивающие оперативно-розыскную деятельность по выявлению и раскрытию налоговых преступлений, совершенных на объектах АПК, раскрывались М. А. Лобановым. Значительный научный вклад в развитие криминалистической методики расследования преступлений в сфере АПК внес Д. В. Пахомов [11], разработавший криминалистическую методику расследования преступлений, совершаемых в агропромышленном комплексе.

Кроме того, отдельные исследования, раскрывающие некоторые аспекты выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере сельского хозяйства, освещаются в научных трудах С. А. Янина [12], Г. В. Бушина [13], М. Е. Репина [14], К. Н. Мельникова [15], Е. Н. Колесниковой [16], А. Г. Залужного [17] и других.

Все перечисленные ученые вложили определенный вклад в развитие теории криминалистики, а также в практическую деятельность правоохранительных органов, тем не менее среди представленных исследований присутствуют пробелы, связанные с отсутствием комплексного исследования, посвященного выявлению криминальных закономерностей при совершении мошенничества, связанного с государственным финансированием АПК.

Стоит отметить и то, что с развитием производственно-экономических отношений изменяются, подстраиваются и совершенствуются механизмы хищений бюджетных средств, выделенных на развитие аграрной отрасли. Этот факт обуславливает частичное или полное устаревание проведенных исследований и актуализирует потребность в реализации новых исследований, соответствующих сложившейся обстановке.

Научное исследование, посвященное решению какой-либо проблемы, должно начинаться с постановки проблемы, раскрывающей какой-либо недостаток существующего знания или деятельности, который невозможно решить имеющимся инструментарием.

Научная проблема — знание о незнании, т. е. осознание познающим отсутствия информации на какой-то вопрос или о каком-либо предмете. При этом коренное отличие научной проблемы от вопроса заключается в невозможности нахождения ответа на него путем преобразования имеющейся информации [18, с. 38]. Однако это не исключает возможности планирования исследования, используя эвристические и вспо-

¹ Приговор Саянского районного суда Красноярского края № 1-31/2023 от 26 июля 2023 г. по делу № 1-31/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Um6zel79uTLv/> (дата обращения: 25.03.2024).

² Приговор Советского районного суда Республики Дагестан № 1-697/2023 от 15 августа 2023 г. по делу № 1-697/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iNtdxPjIDym/> (дата обращения: 25.03.2024).

могательные средства и методы. Поставить проблему — значит:

- отделить известное от неизвестного, факты, объясненные и требующие объяснения, факты, соответствующие теории и противоречащие ей;

- сформулировать вопрос, выражающий основной смысл проблемы, обосновать его правильность и важность для науки и практики;

- наметить конкретные задачи, последовательность их решения и методы, которые будут применяться при этом [18, с. 39].

Как известно, научные исследования служат инструментом разрешения проблем теоретического и прикладного характера. В этой связи криминалистическая наука (как наука, изучающая четыре типа закономерностей: функционирование преступной деятельности, слеодообразование, установление следов, использование «следовой информации» для формирования системы доказательств по уголовному делу [19, с. 19–20]) должна генерировать новые знания, которые будут способствовать выполнению задач, на нее возложенных. Среди таких задач наиболее актуальными представляются изучение объективных закономерностей преступлений, развитие ее общих и частных теорий, а также разработка новых и совершенствование существующих средств, тактических приемов и методических рекомендаций по наиболее эффективному собиранию, исследованию и использованию доказательств [20, с. 232].

Как уже было отмечено, проводилось множество исследований, посвященных изучению преступности в сфере АПК, однако отсутствует исследование, проводимое с целью формирования криминалистической методики расследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК. В связи с этим в качестве научной проблемы целесообразно выделить недостаточную научную разработанность мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК.

Любое научное исследование состоит из некоторых этапов, постепенное выполнение которых позволяет сформировать обоснованные выводы и приблизить исследователя к достижению поставленной цели. Для построения прогностической модели решения поставленной нами научной проблемы необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать структуру, содержание, особенности реализации государственных программ АПК;

- сформулировать понятие мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ в сфере АПК;

- выделить криминалистическую классификацию и выявить особенности мошенничества рассматриваемого вида;

- сформировать криминалистическую характеристику мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ в сфере АПК;

- раскрыть содержание версионного этапа и этапа проверки сообщения о преступлении в процессе расследования мошенничества рассматриваемого вида;

- раскрыть особенности тактики производства первоначального и последующего этапов расследования мошенничества указанного вида.

Каждое исследование базируется на реализации конкретной совокупности научных методов и приемов, посредством использования которых будет достигаться его цель. Методологической основой планируемого исследования выступает диалектический метод познания явлений и процессов. Среди общенаучных и формально-логических методов познания необходимо выделить анализ и синтез, дедукцию и индукцию, сравнение и моделирование и иные. Кроме того, исследование предполагает использование специальных методов: системного, исторического, криминалистического анализа. Необходимо использовать и частнонаучные методы: статистический и социологический (анкетирование и интервьюирование сотрудников правоохранительных органов, осуществлявших выявление, раскрытие и расследование мошенничества, совершенного при реализации программ развития АПК).

Научная разработанность мошеннических действий в той мере, в какой это обусловлено существующими отношениями, напрямую коррелирует с рациональностью и эффективностью построения расследования, т. е. позволяет эффективно, исключая лишние действия, получать доказательства в тех объемах, сроках и содержании, в каких это необходимо для привлечения виновного к ответственности. Рекомендации по наиболее эффективному расследованию преступлений различных видов содержатся в соответствующих методиках.

Мошенничество всегда устойчиво присутствовало в структуре преступных деяний, по этой причине было разработано множество методик расследования этого вида преступления. Обозначим некоторые из них. Методика, разработанная А. В. Пупцевой и А. А. Куриным [21], содержит в себе теоретические положения

и практические рекомендации по расследованию мошенничества, однако они носят лишь общий характер. А. В. Чумаков [22] сформировал методику расследования мошенничества при получении выплат, в которой отразил рекомендации деятельности правоохранительных органов по расследованию мошенничества, связанного с хищением социальных выплат, однако она также не включает в себя мошенничество в сфере финансирования АПК и не может быть применима к нему. Методика Д. В. Паршина наиболее полно отражает деятельность правоохранительных органов по расследованию хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития АПК, в т. ч. и мошенничеств, однако с развитием направлений поддержки и порядка ее получения имеющиеся рекомендации в ряде случаев перестали быть актуальными. Кроме того, существуют и другие методики расследования мошенничества в иных сферах, однако мошенничество, совершенное при реализации государственных программ по развитию АПК, имеет ряд отличий, не позволяющих строить систему расследования по предложенным методикам.

Мошенничество, совершаемое при реализации государственных программ по развитию АПК, по своей сути, как и любое другое мошенничество, является хищением, совершенным путем обмана или злоупотребления доверием. Однако имеет свою индивидуальную характеристику, отличающую мошенничество в рассматриваемой сфере от мошенничества в других сферах:

- совершается руководителем сельскохозяйственной организации либо лицом, наделенным административно-хозяйственными полномочиями, а также гражданином, проживающим в сельской местности;

- имеет основные способы совершения, характеризующиеся предоставлением подложных документов, служащих основанием получения поддержки либо обосновывающих законность ее расходования, а также частым вовлечением лиц, влияющим на результативность предоставления поддержки;

- ущерб наносится государству, которое финансирует участников агропромышленной деятельности;

- совершается в сфере агропромышленности, включающей в себя множество производственно-хозяйственных звеньев и систем, чем обуславливается специфика следовой картины преступления.

Нами приведены лишь некоторые характерные черты мошенничества, совершаемого при

реализации государственных программ развития АПК.

Принимая во внимание перечисленное, выделим некоторые наиболее существенные проблемы практики. Во-первых, отсутствие единого методического подхода к расследованию мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ по развитию АПК, которое порождает затягивание процесса расследования, применение неэффективных тактических приемов или проведение вовсе необусловленных следственных действий. Во-вторых, недостаточный уровень межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и органов государственного контроля, заключающийся в несообщении правоохранительным органам случаев интеллектуального или материального подлога в документах, служащих основанием получения поддержки, или в отчетных документах, а также иных нарушений. В-третьих, сложность уголовных дел исследуемой категории, заключающаяся в специфике сбора системы доказательств, как правило, содержащихся в специализированных формах бухгалтерской, оперативной и статистической отчетности, характеризующейся сложностью отражения хозяйственных фактов, а также спецификой производства. В-четвертых, недостаточный уровень осведомленности сотрудников правоохранительных органов о механизмах совершения мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК и о сельскохозяйственном производстве в целом.

В совокупности указанные факторы не позволяют осуществлять эффективную деятельность по раскрытию и расследованию преступлений исследуемого вида. Кроме того, нельзя не отметить недооценку общественной опасности мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития сельского хозяйства правоохранительными органами, а также уровня профессионализации, коррупции, организованного характера и пр.

Анализ приговоров суда и опрос оперативных сотрудников и следователей органов внутренних дел¹ свидетельствует о том, что наиболее

¹ Автором был проведен опрос сотрудников Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД России по Нижегородской области в количестве трех человек, работающих по линии АПК, добыче животных и водных биоресурсов, а также опрос двух следователей Главного следственного управления Главного управления МВД России по Нижегородской области, имевших опыт расследования мошенничества в сфере государственного финансирования АПК.

криминализированными направлениями поддержки в настоящее время являются:

- субсидирование мелиоративных мероприятий;
- компенсация части затрат на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования к ней;
- возмещение части затрат на приобретение крупного рогатого скота.

Возрастает криминализация таких программ развития АПК, как комплексное развитие сельских территорий, которая с прошлого года получила широкую реализацию. При этом детерминантами, способствующими совершению мошенничества в указанных направлениях и обуславливающими сложность расследования, являются отсутствие единого реестра нацепного оборудования сельскохозяйственной техники (жатки, бороны, сеялки и т. д.), а также единого реестра крупного рогатого скота. Создание таких реестров позволит быстрее сформировать систему доказательств и сократить время расследования. Однако вопрос создания таких реестров противопоставляется рациональности их создания с точки зрения сложности ведения учета соответствующих объектов и необходимости значительных затрат на их создание. Это лишь часть превентивных мер, требующих реализации, которые не во всяком случае могут быть реализованы, что создает необходимость развития уже имеющегося инструментария расследования,

а именно создание соответствующей методики по расследованию мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК.

Резюмируя изложенное, отметим: во-первых, мошенничество, совершаемое при реализации государственных программ развития АПК, наносит ущерб отрасли, исчисляемый миллиардами рублей, что подтверждает актуальность выбранной тематики и необходимость декриминализации отрасли; во-вторых, мошенничество в сфере государственной поддержки АПК имеет ряд черт, отличающих его от мошенничества в иных сферах. В-третьих, было проведено множество исследований, посвященных преступлениям в сфере агропромышленного комплекса, однако эволюция механизма преступной деятельности, а также совершенствование процедур предоставления государственной поддержки привели к устареванию имеющихся методик, а исследование, посвященное формированию криминалистической методики расследования мошенничества, совершаемого при реализации государственных программ развития АПК, отсутствует. Это обстоятельство порождает научную проблему, требующую разрешения. В-четвертых, нами сформированы задачи прогностической модели исследования и научные методы исследования, использование которых позволит достичь цели исследования.

Список источников

1. В Минсельхозе рассказали, как изменится господдержка АПК в 2024 году // Российская газета. 2024. 2 янв. URL: <https://rg.ru/2024/01/02/v-minselhoze-rasskazali-kak-izmenitsia-gospodderzhka-apk-v-2024-godu.html> (дата обращения: 12.03.2024).
2. Глава Российского государства Владимир Путин в День работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности подчеркнул важность повышения качества жизни на сельских территориях // Деловая газета «Взгляд». 2023. 8 окт. URL: <https://vz.ru/news/2023/10/8/1233908.html> (дата обращения: 14.02.2024).
3. Сведения о преступлениях, связанных с реализацией приоритетного национального проекта «Развитие АПК»: сборник по Российской Федерации за 2020–2022 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2023. 121 с.
4. Владимир Колокольцев провел заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений // МВД Медиа. 13.02.2024. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-provel-zasedanie-pravitelstvennoy-komissii-po-profilaktike-pravonarusheniy/> (дата обращения: 07.02.2024).
5. Гавло В. К. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых должностными лицами на предприятиях молочной промышленности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1969.
6. Корноухов В. Е. Расследование и предупреждение хищений колхозного имущества, совершаемых путем присвоения, растраты либо путем злоупотребления служебным положением: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970.
7. Кочнева Л. В. Выявление и расследование хищений в системе общественного питания с использованием документальных данных: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975.
8. Гайдин А. И. Методика расследования хищений на сельскохозяйственных предприятиях: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

9. Паршин Д. В. Совершенствование методики расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018.
10. Теунаев А. С.-У. Теоретико-прикладное исследование преступлений, совершаемых в сфере субсидирования агропромышленного комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018.
11. Пахомов С. В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2023.
12. Янин С. А. К вопросу об организации расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 167–173.
13. Бушин Г. В. Взаимодействие оперативных подразделений ОВД с таможенными органами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ции (Санкт-Петербург, 28 ноября 2019 г.). СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. С. 51–55.
14. Репин М. Е. Некоторые особенности выявления преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Право и практика. Научные труды института Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 2015. № 1 (14). С. 65–68.
15. Мельников К. Н. Особенности выявления и раскрытия преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 3 (19). С. 75–80.
16. Колесникова Е. Н. Особенности определения суммы ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности в агропромышленном комплексе // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 7 (116). С. 114–120.
17. Залужный А. Г. Правовые и организационные основы деятельности территориальных органов МВД России по противодействию преступлениям в сфере агропромышленного комплекса // Современное право. 2021. № 9. С. 138–142.
18. Баскаков А. Я., Туленков Н. В. Методология научного исследования: учеб. пособие. 2-е изд., испр. Краснодар: МАУП, 2004. 216 с.
19. Лубин А. Ф. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 587 с.
20. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юрист, 1997. 408 с.
21. Пупцева А. В., Курин А. А. Методика расследования мошенничества: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2022. 96 с.
22. Чумаков А. В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018.

References

1. V Minsel'khoze rasskazali, kak izmenitsya gospodderzhka APK v 2024 godu // Rossiyskaya gazeta. 2024. 2 yanv. URL: <https://rg.ru/2024/01/02/v-minselkhoze-rasskazali-kak-izmenitsya-gospodderzhka-apk-v-2024-godu.html> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
2. Glava Rossiyskogo gosudarstva Vladimir Putin v Den' rabotnika sel'skogo khozyaystva i pererabatyvayushchey promyshlennosti podcherknul vazhnost' povysheniya kachestva zhizni na sel'skikh territoriyakh // Delovaya gazeta «Vzglyad». 2023. 8 okt. URL: <https://vz.ru/news/2023/10/8/1233908.html> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
3. Svedeniya o prestupleniyakh, svyazannykh s realizatsiey prioritetnogo natsional'nogo proekta «Razvitie APK»: sbornik po Rossiyskoy Federatsii za 2020–2022 gg. M.: GIATs MVD Rossii, 2023. 121 s.
4. Vladimir Kolokol'tsev provel zasedanie Pravitel'stvennoy komissii po profilaktike pravonarusheniy // MVD Media. 13.02.2024. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-provel-zasedanie-pravitel'stvennoy-komissii-po-profilaktike-pravonarusheniy/> (data obrashcheniya: 07.02.2024).
5. Gavlo V. K. Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheniy, sovershaemykh dolzhnostnymi litsami na predpriyatiyakh molochnoy promyshlennosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 1969.
6. Kornoukhov V. E. Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheniy kolkhoznogo imushchestva, sovershaemykh putem prisvoeniya, rastraty libo putem zloupotrebleniya sluzhebnyim polozheniem: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1970.
7. Kochneva L. V. Vyyavlenie i rassledovanie khishcheniy v sisteme obshchestvennogo pitaniya s ispol'zovaniem dokumental'nykh dannykh: dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1975.

8. Gaydin A. I. Metodika rassledovaniya khishcheniy na sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiyakh: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2006.
9. Parshin D. V. Sovershenstvovanie metodiki rassledovaniya khishcheniy byudzhetnykh sredstv, prednaznachennykh dlya realizatsii prioritetnykh napravleniy razvitiya sel'skogo khozyaystva: dis. ... kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2018.
10. Teunaev A. S.-U. Teoretiko-prikladnoe issledovanie prestupleniy, sovershaemykh v sfere subsidirovaniya agropromyshlennogo kompleksa: dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2018.
11. Pakhomov S. V. Kriminalisticheskaya teoriya i praktika rassledovaniya prestupleniy, sovershaemykh v sfere agropromyshlennogo kompleksa: dis. ... d-ra yurid. nauk. Rostov n/D., 2023.
12. Yanin S. A. K voprosu ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2016. № 4 (38). S. 167–173.
13. Bushin G. V. Vzaimodeystvie operativnykh podrazdeleniy OVD s tamozhennymi organami // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: mat-ly Vseros. nauchno-prakt. konf-tsii (Sankt-Peterburg, 28 noyabrya 2019 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 2019. S. 51–55.
14. Repin M. E. Nekotorye osobennosti vyyavleniya prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Pravo i praktika. Nauchnye trudy instituta Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii imeni O. E. Kutafina v g. Kirove. 2015. № 1 (14). S. 65–68.
15. Mel'nikov K. N. Osobennosti vyyavleniya i raskrytiya prestupleniy v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2012. № 3 (19). S. 75–80.
16. Kolesnikova E. N. Osobennosti opredeleniya summy ushcherba, prichinennogo prestupleniyami ekonomicheskoy napravlenosti v agropromyshlennom komplekse // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2020. T. 15, № 7 (116). S. 114–120.
17. Zaluzhnyy A. G. Pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti territorial'nykh organov MVD Rossii po protivodeystviyu prestupleniyam v sfere agropromyshlennogo kompleksa // Sovremennoe pravo. 2021. № 9. S. 138–142.
18. Baskakov A. Ya., Tulenkov N. V. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. Krasnodon: MAUP, 2004. 216 s.
19. Lubin A. F. Kriminalistika: kurs lektsiy / pod red. prof. A. F. Lubina. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2018. 587 s.
20. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. V 3 t. T. 1: Obshchaya teoriya kriminalistiki. M.: Yurist", 1997. 408 s.
21. Puptseva A. V., Kurin A. A. Metodika rassledovaniya moshennichestva: ucheb. posobie. Volgograd: VA MVD Rossii, 2022. 96 s.
22. Chumakov A. V. Osobennosti metodiki rassledovaniya moshennichestva pri poluchenii vyplat: dis. ... kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2018.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Научная статья

УДК 343.23

Наталья Валерьевна Вишнякова¹, Людмила Яковлевна Тарасова²

¹ Омская академия МВД России, Омск, Россия, vishniakova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0062-7458>

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, Lmila09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ОЦЕНКЕ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация: В статье приводятся и анализируются основные ошибки, допускаемые правоприменителем при оценке правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны, в частности ошибки, связанные с неверной оценкой поведения посягающего как основания необходимой обороны; необоснованным исключением права на необходимую оборону в связи с возможностью избежать посягательства; необоснованным установлением признака превышения пределов необходимой обороны. В итоге авторы формулируют рекомендации, позволяющие избежать рассмотренных проблем.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, ошибки правоприменения, правила квалификации

Для цитирования: Вишнякова Н. В., Тарасова Л. Я. Основные ошибки при оценке правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 90–96.

Natalja V. Vishnyakova¹, Ljudmila Ya. Tarasova²

¹ Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, vishniakova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0062-7458>

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, Lmila09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8819-9741>

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

BASIC MISTAKES IN THE ASSESSMENT OF LEGALITY CAUSING HARM IN A STATE OF NECESSARY DEFENSE

Abstract. The article presents and analyzes main mistakes made by a law enforcement officer when assessing the legality of causing harm in a state of necessary defense. In particular, mistakes related to an incorrect assessment of the encroaching behavior as the basis for necessary defense; unjustified exclusion of the right to necessary defense in connection with the possibility of avoiding encroachment; unjustified establishment of the sign of exceeding the limits of necessary defense. As a result, the authors formulate recommendations to avoid the problems considered.

Key words: necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, law enforcement errors, qualification rules

For citation: Vishnyakova N. V., Tarasova L. Ya. Basic mistakes in the assessment of legality causing harm in a state of necessary defense. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:90–96 (In Russ.).

Право на необходимую оборону является неотъемлемым правом человека, гарантированным Конституцией Российской Федерации и обеспечиваемым нормами уголовного закона. В соответствии со ст. 37 УК РФ причинение вреда в состоянии необходимой обороны не является преступлением.

Согласно статистике, число лиц, деяния которых признаны судом совершенными при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а именно в состоянии необходимой обороны, относительно невелико. Так, в 2019 г. таковых было 11 человек, в 2020 г. — 10, в 2021 г. — 11, в 2022 г. — 4, в 2023 г. — 7¹. Статистика осужденных за совершение убийства и причинение тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны существенно больше. В 2019 г. осуждено соответственно 232 и 462 человека, в 2020 г. — 227 и 421 человек, в 2021 г. — 248 и 412 человек, в 2022 г. — 214 и 416 человек, в 2023 г. — 192 и 345 человек².

Нередки случаи оценки судами причинения вреда при нарушении условий правомерности необходимой обороны по общим нормам об убийстве, причинении вреда здоровью (к сожалению, учет таких деяний не ведется). Безусловно, большинство судебных решений по указанным категориям дел обоснованны, однако следует заметить, что имеют место и судебные ошибки в данной сфере. Приходим к выводу о том, что оценка причинения вреда при необходимой обороне и оценка условий ее правомерности вызывает затруднения у правоприменителей, что данная тема обладает практической и теоретической значимостью и требует изучения.

При анализе практики применения нормы о необходимой обороне установлено, что наиболее распространенными являются ошибки, связанные с игнорированием признаков необходимой обороны и квалификацией причиненного вреда по общим нормам уголовного закона (ч. 1 ст. 105 УК РФ или ст. 111 УК РФ). Э. Кабурнеев,

исследуя в своих работах данную проблему, указывает, что «84 % ошибок при квалификации фактов причинения смерти при возникновении права на необходимую оборону связаны с ведомственными проблемами» [1, с. 33]. Речь идет об искусственном «завышении» квалификации органами предварительного расследования. Логика правоприменителя такова: при установлении признаков необходимой обороны суд может переквалифицировать деяние на более «мягкую» норму (ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ), тогда как противоположная переквалификация невозможна. Д. А. Гарбатович объясняет сложившуюся практику изначального признания в действиях обороняющегося лица состава преступления, а затем установления других фактических обстоятельств дела некой последовательностью в действиях следователей и прокуроров, ссылаясь на то, что нельзя мгновенно определить, что причинение смерти было совершено правомерно в состоянии необходимой обороны. Первоначально нужно оценить, что вообще имеется деяние, причинившее ущерб охраняемым уголовным законом правоотношениям, что оно подпадает под сферу уголовно-правового регулирования [2, с. 22–25].

На наш взгляд, такая практика порочна, ведь речь идет о судьбах людей, которые вынужденно причинили вред, защищая себя или других лиц. Установить все обстоятельства дела возможно в рамках предварительного расследования.

На необходимость тщательной оценки фактических обстоятельств совершенного деяния обращает внимание Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменив приговор суда, которым Чотчаев был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а также апелляционное и кассационное определения и направив дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В своем определении Судебная коллегия указала, что суд первой инстанции не установил фактические обстоятельства дела. Действия потерпевшего Л., которые, как утверждал осужденный Чотчаев, явились поводом для совершения им ответных действий в отношении потерпевшего, расцененных стороной защиты как необходимая оборона или ее превышение, не получили правовую оценку. В приговоре суд должен был дать оценку всем доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. Данные условия судом первой инстанции не были выполнены³.

¹ Отчеты об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел // Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России за 2019–2023 годы. URL: <http://www.cdpr.ru/> (дата обращения: 14.12.2024).

² Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России за 2019–2023 годы. URL: <http://www.cdpr.ru/> (дата обращения: 14.12.2024).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2024 № 30-УД24-2-К5. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072024-n-30-ud24-2-k5/> (дата обращения: 24.11.2024).

При изучении нами судебной практики установлено, что в некоторых судебных решениях неверно оценивается противоправное поведение потерпевшего как не являющееся основанием для возникновения права на необходимую оборону, и лишь при рассмотрении в порядке апелляции или кассации происходит перекалфикация с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Так, судом первой инстанции Ш. была осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ в отношении Ш. В. В приговоре в подтверждение своей позиции относительно квалификации суд указал, что в ходе совместного распития спиртных напитков, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений у Ш. возник умысел на убийство, который она реализовала. Однако сторона защиты заявляла, что действия Ш. были ответными на оскорбительные действия Ш. В., который спровоцировал конфликт. Ш. В. толкал ее, делал попытки удушения, пинал ногами, кидал в нее предметы. Указанные доводы судом были отвергнуты и сделан вывод, что Ш. не находилась в состоянии необходимой обороны или в состоянии аффекта, поскольку Ш. В. не высказывал прямой угрозы жизни и здоровью Ш.

Суд вышестоящей инстанции установил: потерпевший Ш. В. ранее неоднократно избивал Ш., угрожал ей убийством, по данным фактам она обращалась в полицию. В один из дней она спряталась в ванной комнате, однако Ш. В. стал выбивать дверь топором. В день совершения преступления Ш. В. вновь избил ее, душил, повалил на пол, пинал, угрожал ей, кидал в нее различные предметы. Она вызвала полицию. Сотрудники полиции освободили Ш. В. через 20 минут. После этого потерпевший зашел в кухню, взял электрическую плитку и бросил в стену, схватил Ш. обеими руками за шею. Испугавшись, Ш. оттолкнула Ш. В., однако он ухватился за цепочку на ее шее, порвал ее, после чего с силой толкнул ее в грудь, от чего она упала. При этом Ш. В. оскорблял ее и высказывал в ее адрес угрозы. Она стала вставать, увидела на полу нож, взяла его и, встав, нанесла Ш. В. два удара с целью того, чтобы потерпевший Ш. В. прекратил свои действия в отношении нее, испугавшись высказывавшихся в ее адрес угроз. При

таких обстоятельствах деяние Ш. было перекалифицировано на ч. 1 ст. 108 УК РФ¹.

Данный пример демонстрирует, что важно оценивать поведение потерпевшего не только непосредственно перед причинением ему вреда, но и накануне события, учитывая восприятие его обороняющимся лицом. В каждом конкретном случае следует проводить анализ и сопоставление по всем обстоятельствам, которые характеризуют личности как нападавшего, так и оборонявшегося, обстоятельства и мотивы противоправного поведения, чем они обусловлены, обстановка, в которой это произошло.

В изученных нами приговорах встречаются ситуации, когда суды отрицают возникновение права на необходимую оборону. В приведенном ниже примере, суд, на наш взгляд, необоснованно исключил право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства, не связанную напрямую с угрозой для жизни. Г. судом признан виновным в убийстве на почве личных неприязненных отношений Р. и умышленном причинением тяжкого вреда здоровью П. с применением предмета, используемого в качестве оружия. В кассационной жалобе осужденный и его адвокат утверждали, что вред был причинен в условиях необходимой обороны.

В ходе рассмотрения было установлено, что поводом для конфликта между Г. и Р. были неправомерные действия последнего, который пытался совершить хищение швейной машинки, принадлежащей матери осужденного. Пытаясь защитить собственность своей матери от преступного посягательства, Г. применил нож, нанеся многочисленные удары Р., от которых он скончался. Пытавшемуся пресечь данный конфликт П. был причинен тяжкий вред здоровью.

Опровергая доводы стороны защиты, о том, что Г. применил нож в отношении Р. для защиты от его неправомерных действий, суд указал, что никакой реальной угрозы жизни Г. потерпевший Р. не представлял. Последний не располагал оружием или предметами, которые мог использовать в качестве оружия, его антропометрические данные также не дают основания полагать, что погибший мог представлять реальную угрозу для жизни подсудимого, в связи с отсутствием у кого-либо из дерущихся значительного физического превосходства над соперником. Кон-

¹ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28046/> (дата обращения: 13.12.2024).

фликт, по мнению суда, мог закончиться без тяжких последствий. Вопрос же о наличии угрозы для здоровья Г. не рассматривался судом и не получил в приговоре надлежащей оценки.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении данного дела обратила внимание на то, что совершалось общественно опасное посягательство (открытое хищение), в ходе которого Р. нанес большое количество ударов со значительной силой, повлекших причинение средней тяжести вред здоровью, что представляло реальную опасность для здоровья Г. Таким образом, он находился в состоянии необходимой обороны.

При таких обстоятельствах вывод суда о том, что Р. не имел физического превосходства, что его действия не представляли никакой опасности для Г., что последний не имел оснований защищаться от потерпевшего, нельзя признать обоснованным. Оценивая действия Г. по применению ножа, суд пришел к выводу, что необходимости в нанесении потерпевшему такого количества ударов не имелось, что избранный Г. способ защиты явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, им превышены пределы необходимой обороны, а потому в силу ч. 2 ст. 37 УК РФ его защита не может быть признана правомерной.

С учетом установленных обстоятельств дела действия Г. по лишению жизни Р. при превышении пределов необходимой обороны Судебная коллегия переквалифицировала на ч. 1 ст. 108 УК РФ, а вот квалификацию вреда П. по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ оставила неизменной, поскольку П. не применял насилия к осужденному, а лишь пытался разнять дерущихся, т. е. его поведение не являлось основанием для необходимой обороны¹.

При изучении судебной практики нами было установлено, что в некоторых судебных решениях вывод суда о превышении пределов необходимой обороны не обоснован и не конкретизирован.

Так, нами выявлены случаи отмены судебных решений и передачи дела на новое рассмотрение в связи с тем, что в приговоре не указано, какие конкретные действия (удары), выходящие за рамки необходимой обороны, были совершены осужденным по ч. 1 ст. 114 УК РФ и в чем именно заключалось несоответствие данных действий характеру и опасности посягательства

со стороны потерпевшего после того, как он был обезоружен².

Имеются решения суда, в которых вывод о необходимости квалификации по общей норме (ст. 105 или ст. 111 УК РФ) делается на основании того, что у лица была возможность избежать посягательства. Так, вынося решение по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, суд указал, что в момент нанесения удара подсудимый хотя и преследовал цель пресечь противоправные действия по отношению к нему (нанесение ударов кулаком в область лица), однако имел возможность уйти от конфронтации либо позвать на помощь третьих лиц, каких-либо препятствий у него для этого не имелось. В этой связи судом не установлено оснований для квалификации действий подсудимого по ч. 1 ст. 114 УК РФ как умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного при превышении пределов необходимой обороны³.

На наш взгляд, такой вывод суда нельзя признать обоснованным ввиду его противоречия норме, содержащейся в ч. 3 ст. 37 УК РФ: «...в равной мере распространяются на всех лиц независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти». То есть, даже если у лица есть возможность избежать посягательства, право на необходимую оборону не отрицается и не поощряется законодателем. Считаем, что в представленном примере обвиняемый находился в состоянии необходимой обороны.

В ходе изучения практики мы пришли к выводу о том, что, на наш взгляд, ошибочным является усмотрение превышения пределов необходимой обороны от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или угрозой применения такого насилия, т. к. по смыслу ч. 1 ст. 37 УК РФ и разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁴, следует, что оборона от такого по-

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2024 № 49-УД24-13-К6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 5 декабря 2023 г. по делу № 1-242/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EhBaREJNXPUd/> (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2020 № 43-УД20-8-К6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1. С. 4–5.

сягательства пределов не имеет и вред может быть причинен и больший, чем причиненный. В научной литературе ошибки, связанные с неверным установлением самого факта наличия пределов необходимой обороны, справедливо названы одними из наиболее значимых [3, с. 22–31], что очевидно, если учесть непосредственное влияние на авторитет органов правосудия.

Примером может служить следующее судебное решение. Судом первой инстанции Ф2 был осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Свою вину не признал, считая, что защищал свою жизнь. Апелляционная инстанция вынесла оправдательный приговор, указав следующее: описывая действия Ф2, основанные на установленных в ходе судебного разбирательства обстоятельствах, суд в приговоре указал, что последний, оказывая И. активное сопротивление, добился того, что дотянулся до лежащего на столе кухонного ножа, взял его в правую руку и замахнулся на И., попытавшись напугать его, с целью прекращения противоправных действий, которые И. не прекратил и продолжал душить Ф2, высказывая угрозы убийством, реальность осуществления которых в сложившейся обстановке у Ф2 сомнений не вызывала. Указанное фактически свидетельствует о том, что Ф2 в сложившейся ситуации действовал в состоянии необходимой обороны. Таким образом, суд фактически признал, что общественно опасное посягательство со стороны И. было сопряжено с угрозой применения насилия, опасного для жизни обороняющегося Ф2, вместе с тем квалифицировал деяние Ф2 по ч. 1 ст. 108 УК РФ, что противоречит положениям ст. 37 УК РФ. При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу¹.

Нами было установлено, что такая юридическая оценка деяний в практике судов общей юрисдикции является весьма распространенной. Несмотря на позицию Верховного Суда Российской Федерации, высказанную в постановлении «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» о том, что в случае, если «деяние ... в момент его

совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица», например, применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.); высказывания о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрация нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу².

Приходим к выводу о том, что, если вред причинен при защите от посягательства, обладающего указанными признаками, сама постановка вопроса о превышении пределов необходимой обороны противоречит закону. Такой вред должен признаваться правомерным, если соблюдены другие условия правомерности необходимой обороны (посягательство должно быть не только общественно опасным, но и наличным и действительным). При нарушении условия наличности, когда имеет место «преждевременная» или «запоздавшая» оборона, причиненный вред должен оцениваться по общим нормам [4, с. 123]. При отсутствии признака действительности, когда посягательство существует в воображении обороняющегося, имеет место «мнимая» оборона, которая в случае отсутствия возможности или обязанности у обороняющегося осознать мнимость посягательства оценивается как правомерная необходимая оборона либо как превышение ее пределов (если они были превышены). В случае наличия такой возможности и обязанности у обороняющегося причиненный вред нападавшему лицу оценивается как причиненный по неосторожности [5, с. 30–34].

На основании проведенного анализа правоприменительной практики мы пришли к следующим выводам. В каждом случае при возникновении ситуации, которая требует оценки с позиции необходимой обороны, нужно учитывать конкретные обстоятельства дела. Считаем, что

¹ Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 24 января 2024 г. по делу № 1-105/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0rzRzAXo5QWB/> (дата обращения: 16.12.2024).

² О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

действия обороняющегося лица подлежат оценке со стороны восприятия им грозящей опасности. К таковым относим: число нападающих и обороняющихся лиц, их возраст, пол, физическое состояние, личность, в т. ч. противоправное поведение самого потерпевшего, мотивы, обстановку, в которой это происходило, вплоть до времени и места событий. Оценивая общественную опасность посягательства, учитывать действия, непосредственно связанные с угрозой причинения вреда, например применение предметов, используемых в качестве оружия (кухонные ножи, топоры, камни, палки); непосредственное применение насильственных действий к обороняющемуся в виде ударов по телу (предметами или руками, ногами), ограничение движений (прижал

к полу, стене, сдавливание шеи, груди); тяжесть причиненных обороняющемуся телесных повреждений. Вред, причиненный нападающему, может быть как равным, меньшим, так и большим, чем грозящий вред (на ступень). Поэтому нельзя рассматривать действия обороняющегося, совершенные с превышением пределов необходимой обороны, когда причиненный вред оказался большим, чем предотвращенный, или, более того, защита закончилась причинением смерти нападающему. Важно изучить обстановку в момент осуществления необходимой обороны и иные обстоятельства, говорящие за и против превышения. Считаем, что данные положения требуют дополнительных разъяснений со стороны законодателя.

Список источников

1. Кабурнеев Э. В. О некоторых проблемах квалификации причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны // Уголовное право. 2006. № 6. С. 33.
2. Гарбатович Д. А. Проблемы квалификации необходимой обороны. Администратор суда. 2023. № 2. С. 22–25.
3. Дорогин Д. А. Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право. 2020. № 1. С. 22–31.
4. Климанов А. М. Наличие и реальность посягательства как обязательные элементы необходимой обороны // Символ науки. 2017. № 5. С. 123.
5. Выштыкалюк А. М. Мнимая оборона как разновидность фактической ошибки // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 6. С. 30–34.

References

1. Kaburneev E. V. O nekotorykh problemakh kvalifikatsii prichineniya smerti pri prevyshenii predelov neobkhodimoy oborony // Ugolovnoe pravo. 2006. № 6. S. 33.
2. Garbatovich D. A. Problemy kvalifikatsii neobkhodimoy oborony. Administrator suda. 2023. № 2. S. 22–25.
3. Dorogin D. A. Kvalifikatsionnye oshibki v ustanovlenii usloviy pravomernosti neobkhodimoy oborony // Ugolovnoe pravo. 2020. № 1. S. 22–31.
4. Klimanov A. M. Nalichnost' i real'nost' posyagatel'stva kak obyazatel'nye elementy neobkhodimoy oborony // Simvol nauki. 2017. № 5. S. 123.
5. Vyshtykalyuk A. M. Mnimaya oborona kak raznovidnost' fakticheskoy oshibki // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. № 6. S. 30–34.

Информация об авторах

Н. В. Вишнякова — кандидат юридических наук, доцент;
Л. Я. Тарасова — кандидат исторических наук.

Information about the authors

N. V. Vishnyakova — Candidate of Science (Law), Associate Professor;
L. Ya. Tarasova — Candidate of Science (History).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 97–102.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 97–102.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.23

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СПЕЦИАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Максим Викторович Кукасов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

maxim.kukasov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу специальных составов преступлений в истории отечественного уголовного закона. Автор рассматривает эволюцию преступлений, сконструированных по типу специальных составов, в течение различных периодов: от Древнерусского государства до СССР. Работа направлена на выявление различных проблем конструирования составов преступлений для дальнейшего совершенствования института дифференциации уголовной ответственности.

Ключевые слова: специальные составы преступлений, история уголовного права, дифференциация уголовной ответственности

Для цитирования: Кукасов М. В. Ретроспективный анализ специальных составов преступлений в отечественном уголовном законодательстве // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 97–102.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF SPECIAL CRIMES IN THE CRIMINAL LEGISLATION

Maxim V. Kukasov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

maxim.kukasov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of special crimes in the history of the Russian criminal law. The author examines the evolution of criminal law norms containing special elements of crimes during various periods: from the ancient Russian state to the USSR. The work is aimed at identifying various problems of constructing the elements of crimes for further improvement of the institution of differentiation of criminal responsibility.

Key words: special types of offenses, history of criminal law, elements of crime

For citation: Kukasov M. V. Retrospective analysis of special crimes in the criminal legislation. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:97–102 (In Russ.).

© Кукасов М. В., 2025

Понятие специального состава преступления в отечественных источниках уголовного законодательства отсутствовало. Впервые закрепление правила квалификации по общему и специальному составу преступления встречается в ч. 3 ст. 17 УК РФ 1996 г. Однако историческое развитие теории уголовного права позволяет сделать вывод, что данные составы преступлений располагаются в Особенной части УК РФ наряду с общим составом, а также содержат признаки данной конструкции с добавлением дополнительных уточненных признаков. При этом обоснованно утверждать, что специальные составы преступлений созданы законодателем только при необходимости отражения дифференциации уголовной ответственности.

Необходимость в дифференциации уголовной ответственности появилась с момента первых источников права. Еще в 1750-х гг. до н. э. в § 207–214 Законов Хаммурапи наказание за убийство имело градацию в зависимости от условия потерпевшего. В истории отечественного уголовного закона первые примеры специальных составов преступлений обнаруживаются в Договорах с Византией 911 г. Несмотря на то что уровень обоснованности и логичности указанных конструкций был недостаточно высок, стремление древних законописцев к введению специальных составов преступлений свидетельствует о необходимости учета различных обстоятельств, влияющих на оценку преступного деяния как более или менее опасного, вследствие чего — и установления пропорционального наказания.

Первым ученым, который упомянул специальный состав преступления в своей работе как частную категорию к общему родовому составу в 1957 г., был А. Н. Трайнин [1, с. 243–252], однако еще с момента зарождения первых источников уголовного закона рассматриваемые конструкции использовались при назначении наказания виновным. Так, к примеру, в УК РФ присутствует специальный привилегированный состав преступления «убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», сконструированный с помощью выделения из общего круга всех «убийств», совершенных со специальной целью **задержать лицо, совершившее преступление**. При анализе Договора с Византией 911 г. обоснованно сделать вывод, что подобный специальный состав предусматривал **убийство вора, пойманного во время кражи**. В отличие от общего родового состава убийства, которое наказывалось смертью, убийство при уточненных обстоятельствах выделялось из общего круга и преду-

сматривало привилегированную ответственность в виде отсутствия наказания.

Русская правда как главный источник отечественного права XI–XII вв. содержал более значительный перечень специальных составов преступлений, дифференцирующих ответственность за убийства со специальными потерпевшими (холопа, княжеских тиунов, крестьян), а также причинения вреда здоровью с различными способами и последствиями (удар рукоятью меча, удар не вынутым из ножен мечом, удар, после которого нога начала хромать, удар, после которого рука отвалилась).

Пространная Русская правда отличалась широким перечнем специальных составов убийства, к примеру в ст. 6 содержалось убийство «на пиру явлено», а в ст. 7 — «убийство на разбое без всякой свады» [2, с. 30].

При анализе специальных составов, используемых в древнерусском законодательстве преступлений, очевидны следующие особенности:

1. Соотношение пенализации общих и специальных составов преступлений было не систематизировано, исходя из этого, зачастую предусмотренное законодателем наказание вызывало вопросы соответствия санкции к обстоятельствам, обозначенным в специальных составах.

2. При конструировании специальных составов на данном этапе развития уголовного закона использовались признаки потерпевших, общественно опасных последствий и способов.

В Судебнике 1497 г. впервые уделяется внимание специальным составам хищений, которые предусматривают квалифицированную ответственность за кражу церковного имущества, а также специальным составам с субъектом в виде «лихого человека». В отличие от современного понимания специального рецидива, критерии «ведомого лихого человека» являлись оценочными и зачастую подлежали расширительному толкованию. Так, коллегия из нескольких граждан могла признать человека «лихим» ввиду его асоциального образа жизни. Таким образом, в Судебнике 1497 г. впервые используются признаки специального предмета и субъекта.

Соборное уложение 1649 г. стало первым шагом на пути к установлению логичной системы специальных составов преступлений. Уголовная ответственность за убийства стала дифференцироваться в зависимости от целей, умысла, мотива, а также способа. В указанном источнике впервые устанавливаются специальные усеченные составы, а также составы, содержащие признаки нескольких преступных деяний. Г. И. Молев указывает, что в данный период происходит прогресс в детальной проработке

квалифицированных составов преступлений, однако данный процесс происходит не всегда удачно [3, с. 33].

В Артикуле воинском 1715 г. значительное количество специальных составов обуславливалось стремлением законодателя к повышению дисциплины в военизированных подразделениях, исходя из этого, значительное количество специальных составов конструировалось с помощью признаков потерпевшего или субъекта в лице офицеров или солдат. Впервые законодатель ввел привилегированные составы преступлений, учитывающие превышение мер необходимой обороны, аффективное состояние, а также неумышленные деяния. Появление специальных составов преступлений с указанием количественного признака предмета стало новеллой для отечественного уголовного законодательства. Так, размер стоимости похищенного до 20 рублей регулировался общим составом в Арт. 189; Арт. 191, в свою очередь, содержал специальный квалифицированный состав с размером стоимости похищенного свыше 20 рублей. Несмотря на стремительное развитие правового регулирования специальных составов хищения, О. М. Иванова указывает, что подавляющее большинство специальных квалифицированных составов было предусмотрено за хищение имущества, принадлежащего высшему сословию, исходя из этого, степень строгости наказания зачастую не соответствовала степени опасности преступления [4, с. 219].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало рекордное количество составов преступлений. Несмотря на значительный перечень этих конструкций, данный источник стал примером гиперспециализации уголовной ответственности. К примеру, в рассматриваемом нормативном правовом акте содержались специальные составы кражи с указанием на время (ночью), место (вокзалы, порты), субъект (должностным лицом), мотив (из-за неимения средств к пропитанию), способ (групповой, насильственный). Субъект привлекался к более строгой ответственности в случае повторного совершения аналогичного преступления. Кроме этого, ответственность имела градацию в зависимости от того, какой раз виновный совершил преступление (второй, третий). Всего в указанном источнике было около 60 статей, предусматривающих специальные составы хищения. Исходя из этого, в доктрине неоднократно указывали на казуистичный характер уголовно-правовых норм Особенной части Уложения [5, с. 128]. Архитектура системы специальных составов в уголовном законе была далека от идеала. Спе-

циальные составы содержались в разных статьях, причем зачастую могли противоречить друг другу. Так, к примеру, существовало более 20 статей, устанавливающих уголовную ответственность за различные убийства, при этом правил решения вопросов о конкуренции между ними не существовало.

При создании Уголовного уложения 1903 г. законодатель стремился избавиться от избыточного количества составов преступлений, при этом сохранив достойный уровень дифференциации уголовной ответственности [6, с. 50]. Так, специальная ответственность за мошенничество имела градацию в зависимости от ущерба, группового совершения преступления, служебного положения лица, повторного совершения преступления, что, по мнению ученых, стало основой для формирования современных специальных составов мошенничества [7, с. 29].

УК РСФСР 1922 г. в значительной степени продвинул регулирование рассматриваемой категории. В отличие от предыдущих источников в УК РСФСР 1922 г. специальные составы преступлений зачастую находились в пределах одной статьи, а также текстуально или логически повторяли признаки общего родового состава. Стоит отметить некоторые специальные составы, которые отсутствуют в современном уголовном законе, однако интересны с позиции обстоятельств дифференциации уголовной ответственности. Так, привилегированным специальным составом являлось *«убийство по настоянию убитого из чувства сострадания»*, при совершении которого виновный не наказывался, а квалифицированными составами убийства являлись *«убийство из ревностных и иных низменных побуждений»*, а также *«убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом»*. Детальную дифференциацию получили должностные преступления, к примеру большинство специальных квалифицированных составов конструировались с помощью уточнения корыстных мотивов или особо тяжких последствий.

УК РСФСР 1926 г. стал усовершенствованной версией предыдущей редакции. Регламентация преступных деяний и отдельных институтов уголовного права получила более детальную формулировку, кроме этого, источник был дополнен перечнем новых составов преступлений.

Стоит обратить внимание на то, что в 1926 г. в уголовном законодательстве впервые было введено правило квалификации, являющееся аналогом современной статьи 17 УК РФ, которое было изложено в статье 49 в следующем виде: *«Когда в совершенном обвиняемым действии*

содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, суд, определив соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты» (в УК РСФСР 1926 г. уголовное наказание именовалось «мерами социальной защиты судебно-исправительного характера»). Данная норма содержит правило назначения наказания за совокупность преступлений. Несмотря на то что это свидетельствует о попытке законодателя регламентировать отдельные вопросы квалификации преступных деяний, данное правило уступает современному уголовному законодательству в уровне логичности и справедливости. Руководствуясь этим, следует заключить, что при любой конкуренции общих родовых и специальных составов преступлений приоритет отдается составу, за который предусмотрено самое строгое наказание. Учитывая то, что в некоторых специальных составах тождественные санкции, а также факт приоритета квалифицированного состава преступления над привилегированным противоречит принципам гуманности, указанная норма не устанавливала справедливого правила конкуренции общего родового и специального состава преступления.

Целесообразно упомянуть присутствие «специальных рецидивных» составов преступлений, установленных за такие повторные деяния, как хулиганство, контрабанда, кража, грабеж, похищение лошадей или другого крупного скота, разбой, взятка, убийство. Однако для конструирования специального квалифицированного состава рецидивного убийства учитывалось не только совершение лицом повторного убийства, но и совершение им в прошлом причинения телесных повреждений с последующим отбывтием наказания. В современном уголовном законе также имеются «аналоги» данных конструкций, к примеру в п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ.

Особенностью указанного нормативно-правового акта является присутствие привилегированных составов преступления, сконструированных с помощью специального мотива *«вследствие нужды, безработицы или по малосознательности, с целью удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи»*, которая заметно смягчала ответственность за кражу, а также за изготовление, хранение самогона для сбыта, а равно торговли им в виде промысла. Так, в краже указанное обстоятельство обуслов-

ливалось привилегированную ответственность для лица, совершившего преступление, исходя из этого, вместо лишения свободы в санкции специальной нормы содержалось наказание в виде принудительных работ, что свидетельствует о мнении законодателя о значительном снижении степени общественной опасности в меньшую сторону в указанном случае. Еще одним специальным обстоятельством, освобождающим от наказания, или же специальным привилегированным составом преступления является *«кража на фабрике и заводе рабочим или служащим первый раз и при стоимости не свыше пятнадцати рублей»*, которая влекла дисциплинарную ответственность. Данный привилегированный состав преступления конструируется путем комбинирования специальных признаков: уточненных места, субъекта и предмета преступления. В свою очередь, уточнение предмета и потерпевшего — *«лошадь или другой крупный скот у трудового земледельческого населения»* — повышало степень общественной опасности преступления, вследствие чего обуславливало образование специального квалифицированного состава преступления.

УК РСФСР 1960 г. содержал широкий перечень специальных составов преступлений, однако уже в тот период сформировались проблемные аспекты правового регулирования указанных конструкций, которые актуальны в настоящее время. Для примера мы проведем сравнительный анализ дифференциации уголовной ответственности за преступления, посягающие на деятельность правоохранительных органов. Так, в УК РСФСР 1960 г. аналогично УК РФ общим родовым составом преступления являлось *«убийство лица в связи с выполнением им своего служебного или общественного долга или его близких родственников, а также иных лиц, убийство которых совершено с целью воспрепятствовать законной деятельности указанного должностного лица»*, который содержался в п. «в» ст. 102 УК РСФСР. Специальный состав в ст. 191.2 УК РСФСР конструировался с помощью уточнения потерпевшего «работника милиции», а также «народного дружинника», а в ст. 191.5 УК РФ уточнялся потерпевший в лице сотрудника органа внутренних дел, иных контролирующих органов, а также членов их семей. Обоснованно упомянуть следующие особенности уголовно-правового регулирования посягательств на правоохранительные органы: современный УК РФ не осуществляет подобную особую уголовно-правовую охрану народных дружинников, что является недостатком современной охраны государством общественной безопасности граждан.

Отличие санкций указанных составов преступлений представлялось необоснованным: нижний предел срока лишения свободы в ст. 191.2 УК РСФСР был на три года меньше, чем в ст. 102 УК РСФСР, кроме этого, смертная казнь за совершение преступления, содержащего признаки составов преступлений из ст. 102 УК РСФСР, могла назначаться на усмотрение судьи, а в ст. 191.2 УК РСФСР — только при отягчающих обстоятельствах, в ст. 191.5 УК РСФСР — только при наступлении тяжких последствий. Указанные факторы свидетельствуют о том, что, несмотря на стремление законодателя установить особую уголовно-правовую охрану сотрудников милиции и народных дружинников, он, добавив специальные составы, содержащиеся в ст. 191.2 УК РСФСР, уменьшил ответственность в отношении указанных лиц, чем нарушил принципы справедливости. Дополнительным фактором, свидетельствующим об указанном пробеле, является более строгое наказание за посягательство на жизнь различных должностных лиц, осуществляющих различные виды контроля (ст. 191.5 УК РСФСР). По логике законодателя уголовно-правовая охрана указанных лиц, в т. ч. всех сотрудников органов внутренних дел, осуществляется на более высоком уровне, чем сотрудников милиции, осуществляющих охрану общественного порядка.

Нетипичным для современного законодательного регулирования уголовной ответственности является конструирование специальных привилегированных составов преступлений с помощью включения такого специального признака, как «смягчающие обстоятельства», указанные в Общей части УК РСФСР 1960 г. В настоящее время присутствие в преступном деянии одного из обстоятельств, смягчающих наказание, содержащихся в ст. 61 УК РФ, не влияет на наказание, установленное в санкции статьи Особенной части УК РФ (в отдельных случаях, предусмотренных в ч. 1 ст. 62 УК РФ, наличие некоторых обстоятельств может снижать верхний порог наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ), однако в УК РСФСР 1960 г. в отдельных специальных составах преступлений аналогичные обстоятельства могли стать основанием к иному виду наказания, существенно отличающемуся по строгости, к примеру халатное отношение к службе по общей норме наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет, но при смягчающих обстоятельствах лицо несло ответственность на основании Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР. Подобные спе-

циальные составы преступлений предусмотрены в статьях, устанавливающих уголовную ответственность: за *неисполнение приказа начальника, угрозу начальнику, самовольную отлучку, промотание или утрату военного имущества, нарушение правил несения военной службы, разглашение военных сведений*. Однако указанные специальные привилегированные составы не свидетельствуют об однозначном стремлении законодателя смягчить уголовную ответственность за военные преступления, т. к. присутствие как минимум семи специальных квалифицированных составов преступлений, сконструированных с помощью уточненной обстановки «военного времени» или «народных волнений», содержащих в санкции высшую меру наказания — смертную казнь, свидетельствует о равновесии гуманности и справедливости в рассматриваемой сфере уголовного законодательства. Обозначенные специальные составы преступлений свидетельствуют не только о более подробном уровне дифференциации военных преступлений УК РСФСР 1960 г., но и влиянии такого глобального события, как Великая Отечественная война 1941–1945 гг., на все сферы культуры, в т. ч. и уголовно-правовое законодательство. Ряд специальных составов преступлений содержал повышенный размер наказания по сравнению с общими родовыми составами преступления с целью повышенной уголовно-правовой охраны мобилизации, а также военной дисциплины в целом. К примеру, общий родовой состав уклонения от воинской повинности наказывался лишением свободы не менее шести месяцев, однако со стороны лиц, призываемых по мобилизации и при особо отягчающих обстоятельствах, данное действие влекло высшую меру наказания.

Подводя итог проведенному исследованию, обоснованно заключить вывод о том, что эволюция специальных составов преступления происходила с первого появления источников права. Закрепление указанных конструкций должно осуществляться с ориентиром на изменение типовой общественной опасности преступления, предусмотренного общим составом, однако при этом не допуская чрезмерной гиперспециализации составов преступлений. Некоторые современные проблемные аспекты зародились еще в дореволюционный период и укоренились в советском уголовном законодательстве, однако при комплексном исследовательском подходе возникнет возможность создать высокий уровень правового регулирования специальных составов в современном уголовном законе.

Список источников

1. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 364 с.
2. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И. А. Исаев. М.: Проспект, 2012. 432 с.
3. Молев Г. И. История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. № 27. С. 31–35.
4. Иванова О. М. Историко-правовой анализ российского уголовного законодательства о преступлениях против собственности (XI — первая половина XVIII в.) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 215–219.
5. Эриашвили Н. Д. Периодизация истории развития уголовного законодательства России о присвоении и растрате чужого имущества // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 124–130.
6. Харламова А. А. История уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и сборов // Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства: сб. науч. тр. / под общ. ред. М. Б. Фаткуллиной. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2009. С. 50.
7. Буз С. И. Особенности развития уголовного законодательства об ответственности за мошенничество и формирования понятия обмана как способа его совершения в дореволюционной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 24–29.

References

1. Traynin A. N. Obshchee uchenie o sostave prestupleniya. M., 1957. 364 s.
2. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. I. A. Isaev. M.: Prospekt, 2012. 432 s.
3. Molev G. I. Istoriya stanovleniya ugovolnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti v zakonodatel'stve Rossii // Kontsept. 2014. № 27. S. 31–35.
4. Ivanova O. M. Istoriiko-pravovoy analiz rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva o prestupleniyakh protiv sobstvennosti (XI — pervaya polovina XVIII v.) // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2014. № 2 (26). S. 215–219.
5. Eriashvili N. D. Periodizatsiya istorii razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii o prisvoenii i ras-trate chuzhogo imushchestva // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 6. S. 124–130.
6. Kharlamova A. A. Istoriya ugovolnoy otvetstvennosti za ukloneniye ot uplaty nalogov i sborov // Problemy sovershenstvovaniya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva: sb. nauch. tr. / pod obshch. red. M. B. Fatkullinoy. Ekaterinburg: Ural'skiy yurid. in-t MVD Rossii, 2009. S. 50.
7. Buz S. I. Osobennosti razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za moshennichestvo i formirovaniya ponyatiya obmana kak sposoba ego soversheniya v dorevolutsionnoy Rossii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 3 (33). S. 24–29.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

АКТУАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА ПРИ ВЫБОРЕ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ХОДЕ «ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ»

Юлия Вениаминовна Лебедева

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, lebedeva28031973@rambler.ru

Аннотация. В статье актуализируются криминалистические знания о возрастных особенностях несовершеннолетних потерпевших и свидетелей юношеского возраста, которые являются основополагающими для следователя (дознавателя) и позволяют ему определиться с выбором тактических приемов, позволяющих воспроизвести картину преступного события, детали механизма совершения преступления, поведение и действия подозреваемого, особенности его облика, а также выявить новые обстоятельства по уголовному делу, что возможно осуществить только при проверке показаний на месте. Представленные в статье «границы» юношеского возраста позволят следователю (дознавателю) целенаправленно, владея знаниями о возрастных особенностях, достичь целей, определяемых законодателем для проведения проверки показаний на месте.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, возрастные особенности, производство по уголовному делу, специальные знания

Для цитирования: Лебедева Ю. В. Актуализация уголовно-процессуальных и криминалистических знаний о возрастных особенностях несовершеннолетних потерпевших и свидетелей юношеского возраста при выборе тактических приемов в ходе «проверки показаний на месте» // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 103–111.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ACTUALIZATION CRIMINAL PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC KNOWLEDGE ABOUT THE AGE CHARACTERISTICS OF JUVENILE VICTIMS AND WITNESSES OF ADOLESCENT AGE WHEN CHOOSING TACTICAL METHODS DURING THE VERIFICATION OF TESTIMONY ON THE SPOT

Yulia V. Lebedeva

Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk), Novosibirsk, Russia, lebedeva28031973@rambler.ru

Annotation. The article actualizes forensic knowledge about the age characteristics of juvenile victims and witnesses of adolescent age, which are fundamental for the investigator (interrogator) and allow him to determine the choice of tactical techniques that allow him to reproduce the picture of the criminal event, the details of the mechanism of the crime, the behavior and actions of the suspect, the features of his appearance, as well as to identify new circumstances in the criminal case, which is possible to be carried out only when checking the testimony on the spot. The "boundaries" of adolescence presented in the article will allow the investigator (interrogator) to purposefully, possessing knowledge of age characteristics, to achieve the goals determined by the legislator for conducting verification of testimony on the spot.

Key words: verification of testimony on the spot, age characteristics, criminal proceedings

For citation: Lebedeva Yu. V. Actualization criminal procedural and criminalistic knowledge about the age characteristics of juvenile victims and witnesses of adolescent age when choosing tactical methods during the verification of testimony on the spot. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:103–111 (In Russ.).

На современном этапе развития криминалистики огромное значение для расследования преступления имеют специальные знания, применяемые следователями (дознателями) при производстве по уголовному делу, являющиеся криминалистически значимыми. Такими являются знания о возрастных особенностях несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте 15–18 лет.

Современная криминалистика органично использует специальные психологические знания, в частности знания о возрастных особенностях конкретного возрастного периода, поскольку они являются определяющими при выборе тактики проведения вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних. Выбор тактических приемов также зависит от следственной ситуации, которая формируется по конкретному следственному действию, связана с субъективными факторами, в частности психоэмоциональным состоянием участников следственного действия.

В данной статье мы посчитали необходимым более подробно описать специфику проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей юношеского возраста, поскольку данный возраст представлен возрастными особенностями, знания о которых позволят более эффективно провести данное следственное действие. Когнитивные особенности юношей и девушек 15–18 лет позволят отразить в форме свободного рассказа на проверке показаний на месте не только логику исследуемого события, но и дополнить образ обвиняемого обстоятельствами, характеризующими его личность, а также обнаружить другие обстоятельства совершения преступления, поскольку такая возможность предоставляется исключительно на данном следственном действии в силу влияния обстановки преступного события на воспроизведение образов из памяти несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля.

В силу актуализации знаний о возрастных особенностях считаем необходимым дать полную и развернутую характеристику юношескому возрасту, основываясь на возрастной психологии, которая детализирует, характеризует данные особенности, раскрывая возможность применения этих знаний следователем (дознателем) при производстве по уголовному делу.

Большинство психологов определяют период 15–18 лет как юношеский, юристы же определяют 16-летний возраст как возраст наступления уголовной ответственности, а в некоторых случаях с 14 лет, не называя его юношеским, а участников уголовного судопроизводства —

юношами и девушками. Далее мы поговорим о возрастных особенностях более стабильного в плане психики возраста 15–18 лет, в отличие от подросткового возраста, и о применении следователем (дознателем) этих знаний на этапе досудебного производства.

Относительно недавно о данном возрастном периоде современные исследователи заговорили как об уникальном, самостоятельном и не похожем на другие периоды жизни человека и определили ему четкие возрастные границы — от 14–15 до 18 лет. Это период не только представлен внешними изменениями на физиологическом уровне (возмужание, готовность к деторождению и т. д.), но также существенными изменениями в эмоциональной, волевой, когнитивной, коммуникативной сферах, и вполне уверенно можно сказать, что это период взросления и проявления самостоятельности, выражения собственного мнения, сформированности ценностных ориентиров и осуществления трудовых задач с целью обеспечения себя средствами для существования.

Поскольку единой возрастной периодизации в мире на сегодняшний день не существует, необходимо остановиться на периодизациях, представленных авторами, для обоснования определения возрастных особенностей юношеского возраста и его границ, что позволит следователю (дознателю) качественно провести с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями следственное действие «проверка показаний на месте» с учетом возрастных особенностей, которые необходимо учитывать при выборе тактических приемов на этапе предварительного расследования.

Д. Б. Эльконин утверждал, что 17 лет — это «кризисный период», хотя у большинства других авторов юношеский возраст таковым не является. Л. И. Божович определяет возраст 15–17 лет как «вторую фазу подросткового возраста» [1]. В теории интеллектуального развития Ж. Пиаже описана «стадия социализированного мышления», на которой «юноша преследует сознательные цели, подчиняется законам опыта и логики» [3].

Наиболее часто российские и западные исследователи, говоря о ранней юности (15–18 лет), выделяют такие возрастные особенности данного периода, как: самостоятельность, способность к самоопределению (в т. ч. профессиональному), психическая, идейная и гражданская зрелость, формирование мировоззрения, морального сознания и самосознания, способность к саморегуляции, контроль за поведением и эмоциями, частая обращенность к философ-

ским темам («Бог», «Мир», «Человек» и т. д.), формирование социальных установок и т. д.

В. Даль определял юношу как «молодого», «малого», «парня от 15 до 20 лет» [7, с. 349–373]. По мнению А. Гезелла, «в 16 лет наступает равновесие: мятежность уступает место жизнерадостности; значительно увеличиваются внутренняя самостоятельность, эмоциональная уравновешенность, общительность, устремленность в будущее, а также развивается самоконтроль» [7, с. 349–373]. Л. С. Выготский выделял два процесса данного периода: «процессы физического созревания», «процессы социализации» [7, с. 349–373]. Л. И. Божович описывал основную направленность юноши, «которая теперь может быть обозначена как устремленность в будущее, определение дальнейшего жизненного пути, выбор профессии» [2]. По мнению А. А. Реана, «в юношеском возрасте самопознание молодого человека теряет эмоциональную напряженность и осуществляется уже на более спокойном эмоциональном фоне. Для юношей характерно эмоционально окрашенное желание выделиться среди сверстников» [4, с. 56]. Автор подчеркивает, что юноша интересен внешними проявлениями поведения: своеобразные манеры, интонации речи, специфические выражения, способы обращения, а также особенности одежды, прически и т. д. П. М. Якобсон определяет данный возраст как «период появления “сердечного” понимания» [5, с. 155–156]. Е. И. Ильин считает, что эмоциональная сфера юношей (старшеклассников) характеризуется: многообразием переживаемых чувств, особенно нравственных; устойчивостью эмоций; способностью к сопереживанию, появлением чувства любви; развитием эстетических чувств [6, с. 292].

Уже в 16-летнем возрасте юноши имеют опыт осуществления трудовой деятельности, что говорит не только о желании заниматься общественно полезным трудом и получить за это свою первую зарплату, но и в этом проявляется желание приобщиться к культуре, овладеть общественно необходимыми нормами путем включения в общественно-производственную деятельность. Нередко они самостоятельно принимают решение о поступлении на работу, что характеризует их с позиции взрослого человека, соответственно, общение следователя (дознателя) с ними должно строиться «на равных», на полном доверии, с принятием их позиции, что позволит установить психологический контакт, необходимый для всего периода расследования. В какой-то степени работа позволяет им сориентироваться в выборе будущей профессии согласно полученному опыту и полученным знаниям

в области человеческих взаимоотношений. Поскольку взаимодействие в рамках уголовного судопроизводства предполагает проявление гражданской позиции, выраженной в стремлении наказать преступника, то сформированная у них идейная и гражданская зрелость позволит следователю (дознавателю) убедить их в правильности их намерений наказать преступника и подготовить для участия в следственном действии проверка показаний на месте.

В возрастных периодизациях А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина акцент делается на смене ведущего типа деятельности, которой в юношеском возрасте становится учебно-профессиональная деятельность. Л. И. Божович определяет старший школьный возраст в соответствии с развитием мотивационной сферы, с определением своего места в жизни и внутренней позиции, с формированием мировоззрения, моральным сознанием и самосознанием [1].

Хотелось бы выделить еще ряд возрастных особенностей юношеского возраста, знания о которых можно применять следователю (дознавателю) в ситуации, когда несовершеннолетний потерпевший не раскрывает все обстоятельства преступления или раскрывает их частично по причине знакомства с подозреваемым и страха перед ним или перед окружением, которое, возможно, будет осведомлено о деталях преступления, что отразится на нем негативно (отторжение от группы, обида и непонимание сверстников, осведомленность сверстников о деталях преступления, вплоть до интимных подробностей). Уже в 15–18-летнем возрасте у несовершеннолетнего имеется опыт участия в олимпиадах, конкурсах, конференциях, форумах и т. д., которое приносило ему как успех, так и, возможно, неудачу, из чего можно предполагать, что у него сформирована сознательная рефлексия успехов и неудач, а по окончании мероприятия и после подведения итогов вместе с учителем, преподавателем они осуществляли анализ причин ошибок и проигрышей, что дает ему возможность в дальнейшем реально оценивать свои способности и выбрать путь дальнейших достижений поставленных целей. Следователь (дознатель), используя знание этих особенностей возраста и тактический прием «Три дороги, три пути», способен описать «вариант», к чему могут привести неточные данные в показаниях несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, а также «варианты», если он дает ложные или правдивые показания:

1-й путь — неточные данные об обстоятельствах преступного события приводят к ошибкам

в процессе расследования в составлении психологического портрета подозреваемого;

2-й путь — ложные сведения об обстоятельствах дела приводят к определению в качестве подозреваемого другого человека и обнаружению возможных доказательств из-за потерянного времени;

3-й путь — дача правдивых показаний, которые позволяют следствию на следственном действии «проверка показаний на месте» установить новые обстоятельства, позволяющие доказать вину подозреваемого.

Данный тактический прием возможно использовать как на допросе с целью подготовки к проверке показаний на месте, так и перед самим следственным действием «проверка показаний» в качестве психологического «настраивания» на него.

Особый интерес для познания несовершеннолетнего юношеского возраста представляют для следователя (дознателя) его интеллектуальные особенности. Информация представляет интерес только в том случае, если она отражает еще нераскрытый и неизученный вопрос в науке, что заставляет несовершеннолетних получить больше знаний о неизведанной научной сфере и проявить интерес в той или иной области. Они способны самостоятельно наполнить себя новыми знаниями, проявляя научный интерес, анализируя множество научных источников и делая собственные умозаключения по интересующему их вопросу. Так зарождается научное мышление старшеклассника. Но при этом в учителе или преподавателе они ценят разносторонность и эрудицию, а также их способность нестандартно преподнести данную информацию. Поскольку следователь (дознатель) в глазах несовершеннолетних юношеского возраста является носителем незнакомой для них информации и влияние на них стереотипа, принятого в обществе, «полицейский — страж порядка» очевидно, то для восприятия следователю (дознателю) необходимо соответствовать этому образу путем демонстрации своих компетенций посредством внешнего облика, грамотной речи, манер поведения, личностных качеств (коммуникабельность, отзывчивость, ответственность, порядочность и т. д.), что, в свою очередь, сформирует доверие между следователем (дознателем) и несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем.

Еще об одной интеллектуальной особенности юношеского возраста необходимо сказать, поскольку именно с формированием понятийных способностей в этот период, по мнению А. В. Трифионовой, «происходит перестройка

всей системы интеллекта» [8, с. 144–149]. М. А. Холодная утверждает, что «понятийные способности состоят из готовности порождать развернутый, артикулированный и объективированный семантический контекст при интерпретации каких-либо воздействий» [9, с. 225]. Автор раскрывает, что «назначение семантических способностей заключается в наименовании и означивании элементов действительности» [9, с. 226]. В показаниях несовершеннолетних данного возраста появляются слова, определяющие и объединяющие все сказанные слова в единую категорию, объединение понятий в единую категорию говорит об устойчивом интересе несовершеннолетнего и попытке рассуждать научнообразно, что определяет направленность личности и ее развитие. Эти криминалистически значимые знания необходимы следователю (дознателю) при подготовке к проверке показаний на месте.

В этот период происходит уменьшение влияния родителей и учителей на самоопределение, несовершеннолетние в достаточной степени владеют целеполаганием и планированием собственной деятельности, и прежде чем приступить к такому следственному действию, как «проверка показаний на месте», необходимо объяснить несовершеннолетнему потерпевшему или свидетелю не только последовательность выполняемых им задач, но и какова основная цель следственного действия. Смысловое значение и цель следственного действия придают серьезность всему процессу расследования, участником которого является несовершеннолетний потерпевший или свидетель, что наиболее значимо для представителей данного возраста, и давление со стороны следственных органов представляется невозможным в данном процессе, что не только не позволит получить планируемый результат следственного действия, но и, что еще хуже, не представится возможным достижение цели расследования.

Исходя из этого, можно утверждать, что в юношеском возрасте несовершеннолетний потерпевший способен не только детально воспроизвести обстановку преступного события, но также и обстоятельства исследуемого события, указанные в п. 1 ст. 73 УПК РФ. Что касается времени совершения преступления, несовершеннолетний потерпевший юношеского возраста способен точно указать его, руководствуясь для его определения понятиями «до», «перед», «после», в связи с тем, что его день расписан до минуты и в течение дня есть мероприятия, которые он посещает (уроки по расписанию, тренировки, занятия в других школах системы дополнитель-

ного образования и т. д.), следователь (дознатель) должен владеть этими знаниями.

В случае если психотравмирующие обстоятельства оказали влияние на психическое состояние несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля и он затруднялся на допросе точно указать время совершенного в отношении него преступления, именно выход на место происшествия позволит посредством погружения в обстановку преступного события более точно его определить, поскольку в природе есть признаки, указывающие на время суток (раскрытие и закрывание цветов, пение птиц, расположение солнца на небосводе, наличие тумана и т. д.), это возможно только в случае если преступление совершено на открытой местности. В случае если преступление совершено в помещении, подъезде, холле, квартире и т. д., опорными моментами, вызывающими ассоциации, могут быть: зажженный свет, задернутые шторы, незаправленная кровать, характерные для завтрака остатки блюд на столе. Тактический прием активации памяти «ассоциации на месте» возможно применить исключительно с целью уточнения времени совершения преступления только тогда, когда на местности или в помещении имеются ярко выраженные признаки, вызывающие ассоциацию у несовершеннолетнего: солнце в зените, сервированный стол к завтраку, закрывшиеся бутоны цветов (или нераскрытые), положение штор на окне, мытая посуда на столе (полный обеденный набор) и т. д.

Все эти данные нам известны из осмотра места происшествия, и задача проверки показаний на месте заключается в сопоставлении этих данных о месте происшествия и отражении их в показаниях участников данного следственного действия. Соответственно, если данные обстоятельства не соответствуют друг другу, мы можем утверждать, что несовершеннолетний потерпевший либо дает ложные показания, либо неточные, неполные данные о преступлении связаны с его особенностями развития, например отклонениями в психике, что подтвердит или опровергнет экспертиза, назначенная следователем (дознателем) и определяющая соответствие его биологического возраста и возраста, указанного в паспорте, а также его уровень умственных способностей.

Ложные показания несовершеннолетнего свидетеля в части искажения времени могут быть связаны с желанием обвинить конкретное лицо в совершении преступления в отношении несовершеннолетнего, и именно проверка показаний на месте может подтвердить сомнения следователя (дознателя), которые возникли

еще при допросе. Также причиной указания неточного времени может быть страх перед родителями, быть ими наказанным за пропуски уроков или просто предстать перед ними уличенным во лжи, и он умышленно искажает данные о времени.

Проверка показаний на месте как следственное действие с участием несовершеннолетнего потерпевшего юношеского возраста направлена на уточнение показаний, ранее данных им на допросе. Поэтому вряд ли он может заблуждаться насчет места совершения преступления, скорее, он точно знает то место, может даже назвать адрес, где на него произошло нападение. Исключения составляют случаи, когда его транспортируют до места совершения насильственных действий от места захвата (похищения) в маске или повязке, исключающей возможность определения направления движения транспортного средства, в котором его перевозят, но даже в этом случае несовершеннолетний юношеского возраста может назвать примерное количество минут, занимающих его передвижение и звуки, характерно доносящиеся из салона автомобиля или за его пределами, что позволит не только определить место совершенного преступления, но и сколько времени прошло с момента его похищения до его доставки на место, где в отношении него совершались насильственные действия.

То, что касается способа совершения преступления, отражающего объективную сторону преступления, еще на допросе несовершеннолетний потерпевший юношеского возраста в показаниях раскрывает психологическое и физическое воздействие со стороны лица, совершающего в отношении него противоправное действие.

Поскольку чаще всего допрос проводится сразу после совершения преступления в отношении несовершеннолетнего и он все еще проживает травмирующую для него ситуацию, то психика может «закрываться» от вопросов на эту тему, которые неизбежно присутствуют на допросе. Проявляется это в использовании защитных механизмов психики, которые выражены либо в многословии, либо в отсутствии речи у допрашиваемого или нелогичности в изложении последовательности направленных против него действий со стороны подозреваемого. Примером является ситуация, когда несовершеннолетняя потерпевшая в возрасте 16–17 лет, по ее словам, многократно подвергалась сексуальному насилию со стороны отца и в момент отражения в показаниях на допросе способа совершения преступления упускает или неточно излагает информацию, связанную с последовательностью совершенных действий (угрожал — раздевал —

насиловал; раздевал — насиловал — угрожал; раздевал — угрожал — насиловал). Точная последовательность, указанная потерпевшей, позволила бы определить ее отношение и понимание произошедшего: она изначально была против интимных отношений, или после действий, располагающих к интимной близости, уже в момент полового контакта она потребовала его остановиться, а он, получив отказ, прибегает к насилию и угрозам. Нередко сексуальность девушек данного возраста является виктимным свойством, провоцирующим преступника на совершение преступления против нее. В данной следственной ситуации для определения наказания необходимо при проверке показаний на месте точно выяснить через показания несовершеннолетней потерпевшей последовательность действий подозреваемого, что, в свою очередь, может повлиять на назначение, вид и срок наказания.

В соответствии с задачей проверки показаний на месте существует необходимость выяснения других обстоятельств совершения преступления, которые не отражены в протоколе допроса, но имеется необходимость в их обнаружении в качестве дополнительных доказательств по делу.

Нередко цвет одежды как раз и является необходимыми для расследования «другим» обстоятельством совершения преступления, которое следует выяснить на проверке показаний на месте, а проблема восприятия цвета как раз и связана со временем совершения преступления. Если преступление совершено в период, когда происходит смена ночи и светового дня и, наоборот, когда световой день сменяется ночью, в зрительном анализаторе происходит смена клеток (палочки, колбочки). В отличие от колбочек палочки возбуждаются очень быстро слабым сумеречным светом, но не могут воспринимать цвет. Отсюда следует, что если не произошла смена на колбочки (утро), в момент совершения преступления восприятие цветов темного спектра (черный, бордовый, темно-сиреневый, темно-зеленый, синий) не состоится. Также если преступление совершено в вечернее время, когда происходит смена палочек на колбочки, цвет одежды нападающего также не воспримется несовершеннолетним потерпевшем или свидетелем адекватно, т. к. колбочки медленно возбуждаются и только ярким светом, и в этот период вступают в действие палочки. Знания об особенностях зрительного анализатора позволяют следователю (дознавателю) адекватно оценить показания несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля юношеского возраста. Помимо цвета одежды, еще одной проблемой для данного след-

ственного действия является определение несовершеннолетним в возрасте 15–18 лет, какому стилю данный вид одежды принадлежит, и хотя в этом возрасте они достаточно ориентированы в моде, и связано это с актуальностью демонстрировать внешний облик, но они неплохо ориентируются в стилях одежды и могут отличать такие стили, как: классический, женственный, кантри, спортивный, минимализм, *oversize*, и другие, и, конечно, они информированы в деталях, которые отличают один стиль от другого.

Мало того, в возрасте 17–18 лет они имеют опыт самостоятельной покупки одежды и могут определить, к какому стилю относится одежда подозреваемого, и тем более им не составит никакого труда описать детали одежды, если нет обстоятельств, помешавших их воспринимать. Нередко стиль одежды фиксируется в сознании свидетеля в момент совершения преступления подозреваемым в контексте движений, производимых им, — так наиболее полно запечатлевается образ. Поэтому, участвуя в проверке показаний на месте, несовершеннолетний потерпевший и свидетель могут продемонстрировать действия, совершенные подозреваемым, и именно это поможет вспомнить детали его одежды.

Демонстрация действий подозреваемого на следственном действии «проверка показаний на месте» может добавить в показания сведения о походке. Копировать походку, движения рук и в целом поведение другого человека несовершеннолетний юношеского возраста способен очень детально. Эту способность они оттачивают, участвуя в тренингах, в таких развивающих играх, как «крокодил», «запоминание позы», «копирование движений», «скульптор и глина» и др., где учатся распознавать экспрессивные действия других людей и демонстрировать собственную экспрессию, и им не составляет особого труда продемонстрировать походку или поведение, точно скопировав эти проявления подозреваемого. Другой отличительной особенностью подозреваемого могут являться «нервные тики», выраженные в повторяющихся движениях, как следствие непроизвольного сокращения определенной группы мышц. Они бывают: моторные, вокальные и сенсорные. Самые распространенные видимые и слышимые особенности поведения — это моргание, подергивание головы, цоканье. Эти особенности поведения человека хорошо запоминает несовершеннолетний потерпевший или свидетель юношеского возраста. Следователь (дознаватель) должен точно знать их, как они выражены, и при необходимости, если несовершеннолетний затрудняется проде-

монстрировать, продемонстрировать их для несовершеннолетнего.

Не менее интересными и важными для следствия являются обстоятельства совершения преступления, связанные с использованием в речи подозреваемого слов, указывающих на их профессиональную принадлежность. Речь врача изобилует терминами, отражающими медицинские диагнозы, которые имеют корни в латинском языке и звучат достаточно мягко. Многие из этих терминов уже знакомы несовершеннолетним юношеского возраста, поскольку они сами болели либо слышали их по телевидению или по радио. В отличие от специалистов в области IT-технологий, которые используют термины, пришедшие в речь из английского языка и достаточно грубо звучат, но при этом они хорошо известны несовершеннолетним в возрасте 15–18 лет, и они пользуются ими в обиходе. Музыкальные термины почти все имеют итальянское происхождение, и их звучание очень певучее, как музыка в целом. Повар употребляет термины, обозначающие названия блюд, которые имеют корни в тех странах и языках, в которых они впервые были приготовлены, и наверняка у несовершеннолетнего уже имеется опыт в их приготовлении либо они слышали названия блюд, способа приготовления или название инструментов для их приготовления в речи родителей, имеющих такой опыт. В речи слесаря, плотника, фрезеровщика или токаря чаще прослеживаются термины, обозначающие технологический процесс, операцию или инструменты, которыми они пользуются.

При попадании на место преступления несовершеннолетние потерпевшие или свидетели юношеского возраста способны обратить внимание на наличие еще одного обстоятельства совершения преступления, такого как нахождение рядом с местом преступления транспорта, на котором, возможно, приехал сам подозреваемый или соучастники данного преступления. Такими обстоятельствами является транспорт (машина), который был припаркован рядом с местом преступления и, скорее всего, имеет отношение к подозреваемому, т. к. рядом с местом преступления нет остановок общественного транспорта, из чего следует, что он не мог добраться сюда (если далеко от города) на общественном транспорте.

Отличие допроса от проверки показаний на месте связано с представленностью через показания участника данного следственного действия, в частности несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, а его основная задача при воспроизведении на месте обстановки об-

стоятельств исследуемого события — указать на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, продемонстрировать свои действия и действия всех участников преступного события с использованием невербальной составляющей коммуникации, а юноши и девушки данного возраста способны продемонстрировать невербальное поведение другого человека только в том случае, если понимают смысл обнаруженных ими действий другого. Проблемой для несовершеннолетнего свидетеля для такого распознавания становится отсутствие восприятия слов, сопровождающих действия подозреваемого, помехой для этого становится расстояние, ракурс, с которого воспринималось увиденное, неразвитая способность к распознаванию эмоций и намерений другого человека.

Наука физиогномика изучает невербальный аспект поведения человека, но в идеале данными знаниями владеют только люди таких профессий, как танцоры или актеры. Они не только сами могут через язык тела и жестов продемонстрировать собственные эмоции, намерения и отношения, но также и «читать» данную информацию у других. Именно такие несовершеннолетние свидетели особенно ярко демонстрируют действия другого на проверке показаний на месте и могут указать на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, лучше, чем на допросе, где отсутствует пространство для их демонстрации. Отображая в пространстве действия подозреваемого, несовершеннолетние свидетели юношеского возраста демонстрируют их символическое значение относительно культуры, внутри которой закладывается значение жестов, мимики и пантомимики (криминальная субкультура, молодежная субкультура, культура конкретной страны, выраженная в традициях и обычаях и т. д.).

В завершение хотелось бы отметить, что существует ряд проблем, с которыми может столкнуться следователь (дознатель) при подготовке и в момент проведения проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля юношеского возраста. Поскольку выяснение способа преступления является основной задачей проверки показаний на месте, то в случае с несовершеннолетними потерпевшими юношеского возраста следователь (дознатель) сталкивается с такой проблемой, когда в силу совершенного в отношении него преступления он не способен воспринять все преступные действия в полной мере, а только некоторые детали, самые ярко выраженные. В дальнейшем, уже в момент проведения проверки показаний на месте, он не способен изла-

гать логику события, описать обстоятельства совершения преступления в отношении него. Чаще всего в памяти несовершеннолетнего потерпевшего фиксируются действия, совершаемые преступником, в момент совершения преступления, чем действия, связанные с сокрытием следов преступления. Тогда становится необходимым получить сведения о действиях, характеризующих способ совершения преступления от несовершеннолетнего свидетеля в возрасте 15–18 лет, и на следственном действии «проверка показаний на месте» несовершеннолетний свидетель может продемонстрировать действия подозреваемого (выбрасывание или закапывание орудия преступления), направленные на сокрытие следов преступления.

То, что касается момента сокрытия преступления, определить данные обстоятельства несовершеннолетнему свидетелю представляется возможным только в том случае, если психотравмирующий характер преступления и оказанное на него воздействие не привели к состоянию сильного стресса, и только в случае стабилизации психических состояний он способен детально изложить и продемонстрировать все действия, связанные с сокрытием преступления. Несовершеннолетний свидетель, обладая развитыми когнитивными особенностями, способен отразить действия, связанные с подготовкой подозреваемого к преступлению, способен определить осознанность подозреваемого при подготовке к пре-

ступлению, выраженную в пребывании его в «за-саде» до момента появления несовершеннолетнего потерпевшего, откуда он, возможно, долго следил за ним и, выбрав удобный момент (при нахождении на доступном расстоянии), совершает свои действия преступного характера. Или когда несовершеннолетний свидетель утверждает, что видел, как подозреваемый, двигаясь рядом с потерпевшим, вдруг совершает преступление без подготовки к нему.

Также в заключение отметим еще одну проблему, с которой может столкнуться следователь (дознатель) еще до принятия решения о проведении проверки показаний на месте. В случае если юридический возраст (по паспорту) и психологический возраст у несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля не совпадут, или у конкретного несовершеннолетнего под влиянием индивидуальных особенностей или социальных условий не проявят себя возрастные особенности, характерные для юношеского возраста, то для выявления данного несоответствия следователем (дознателем) выносится постановление о назначении судебной-психологической экспертизы, позволяющей определить данное несоответствие у участника уголовного судопроизводства и его возрастные особенности. К сожалению, данное несоответствие может отразиться на всем ходе расследования, а конкретнее — на результатах проведения проверки показаний на месте.

Список источников

1. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.; Воронеж: Международная пед. академия, 1995. 264 с.
2. Каремазова Л. Ц. Возрастная психология. URL: https://chukotkabezsirot.chao.socinfo.ru/media/2019/01/25/1274339953/Vozrastnaya_psixologiya_uchebnik.pdf?ysclid=m1hm701w1n885193256 (дата обращения: 12.12.2024).
3. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
4. Психология подростка: учебник / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 480 с.
5. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации / под ред. Е. М. Борисовой. М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1998. 299 с.
6. Ильин Е. П. Психология: учебник для средних учебных заведений. СПб.: Питер, 2004. 560 с.
7. Сапогова Е. Е. Психология развития человека: учеб. пособие. М., 2001. 452 с.
8. Трифонова А. В. Развитие понятийных способностей в старшем подростковом и юношеском возрастах // Акмеология. 2015. № 2. С. 144–148.
9. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.

References

1. Bozhovich L. I. Etapy formirovaniya lichnosti v ontogeneze // Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannyye psikhologicheskiye trudy / pod red. D. I. Fel'dshteyna. M.; Voronezh: Mezhdunarodnaya ped. akademiya, 1995. 264 s.

2. Kagermazova L. Ts. Vozrastnaya psikhologiya. URL: https://chukotkabezsirot.chao.socinfo.ru/media/2019/01/25/1274339953/Vozrastnaya_psixologiya_uchebnik.pdf?ysclid=m1hm701w 1n885193256 (data obrashcheniya: 12.12.2024).
3. Piazhe Zh. Psikhologiya intellekta. SPb.: Piter, 2004. 192 s.
4. Psikhologiya podrostka: uchebnik / pod red. A. A. Reana. SPb.: Praym-Evroznak, 2003. 480 s.
5. Yakobson P. M. Psikhologiya chuvstv i motivatsii / pod red. E. M. Borisovoy. M.: Izd-vo Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO MODEK, 1998. 299 s.
6. Il'in E. P. Psikhologiya: uchebnik dlya srednikh uchebnykh zavedeniy. SPb.: Piter, 2004. 560 s.
7. Sapogova E. E. Psikhologiya razvitiya cheloveka: ucheb. posobie. M., 2001. 452 s.
8. Trifonova A. V. Razvitie ponyatiynykh sposobnostey v starshem podrostkovom i yunosheskom vozrastakh // Akmeologiya. 2015. № 2. S. 144–148.
9. Kholodnaya M. A. Psikhologiya ponyatiynogo myshleniya: ot kontseptual'nykh struktur k ponyatiynym sposobnostyam. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012. 288 s.

Сведения об авторе

Ю. В. Лебедева — кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Lebedeva — Candidate of Science (Psychology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 28.03.2025.

ПРИЗНАНИЕ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ КРЕДИТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Нина Николаевна Пшеничкина

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул, Россия, nina.gaas@inbox.ru

Аннотация. В настоящей статье автором анализируется неоднородность складывающейся практики признания кредитных организаций (банков) и физических лиц потерпевшими по уголовным делам в случаях, когда предметом хищения явились кредитные денежные средства, полученные преступником от имени и без ведома клиента банка. Соотносятся нормы уголовного, уголовно-процессуального и гражданского законодательства в вопросах определения потерпевшего и стороны, обязанной возместить ущерб. Автор приходит к выводу о необходимости формирования единого подхода при расследовании уголовных дел, выражающегося в признании потерпевшей стороной именно кредитора, но не физического лица (заемщика). Указанная позиция позволит не только поставить точку в многочисленных сложностях расследования и квалификации преступлений, но и исключить случаи «препирательства» в судебных заседаниях между банком (кредитором) и физическим лицом (заемщиком) о том, кто фактически является потерпевшей стороной. Признание банка потерпевшим будет способствовать более активному формированию мер противодействия одной из самых распространенных форм хищения.

Ключевые слова: банк, кредитор, потерпевший, заемщик, хищение денежных средств, личный кабинет, безналичные денежные средства, кредит, кредитная организация

Для цитирования: Пшеничкина Н. Н. Признание лица потерпевшим по уголовным делам о хищениях кредитных денежных средств: проблемы правоприменения // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1. С. 112–118.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

RECOGNITION OF A PERSON AS A VICTIM IN CRIMINAL CASES CONCERNING THEFT OF CREDIT FUNDS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Nina N. Pshenichkina

Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Barnaul, Russia, nina.gaas@inbox.ru

Abstract. The author analyzes the heterogeneity of the emerging practice of recognizing credit institutions (banks) and individuals as victims in criminal cases, in cases where the subject of theft was credit funds received by the criminal on behalf of and without the knowledge of the bank client. The norms of criminal, criminal procedure and civil legislation are correlated in matters of determining the victim and the party obliged to compensate for the damage. The author comes to the conclusion about the need to form a unified approach to the investigation of criminal cases, expressed in recognizing the creditor as the injured party, but not the individual (borrower). This position will not only put an end to the numerous complexities of the investigation and qualification of crimes, but also eliminate cases of "altercation" in court hearings between the bank (creditor) and the individual (borrower) about who is actually the injured party. Recognizing the bank as a victim will contribute to a more active formation of measures to counter one of the most common forms of theft.

Key words: bank, creditor, victim, borrower, theft of funds, personal account, non-cash funds, credit, credit institution

For citation: Pshenichkina N. N. Recognition of a person as a victim in criminal cases concerning theft of credit funds: problems of law enforcement. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:112–118 (In Russ.).

Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является одним из принципов уголовного судопроизводства. Его соблюдение — обязанность должностных лиц, на которых возложены соответствующие полномочия (ст. 6 УПК РФ). Вне всякого сомнения, установление потерпевшего — значимое обстоятельство, подлежащее доказыванию (ст. 73 УПК РФ), находящее отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а также в итоговом процессуальном решении по уголовному делу. Следовательно, правильное определение потерпевшего может по праву считаться одной из отправных точек, с которой начинается уголовное преследование.

Как показывает практика, на сегодняшний день, учитывая, что львиная доля преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), установить, кто будет являться потерпевшим по имущественным преступлениям, представляется достаточно сложной задачей. Это неизбежно отражается на качестве расследования, соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства, обеспечении прав и законных интересов как потерпевшего, так и обвиняемого лица. Так, к примеру, в 2023 г. указанным способом было похищено 1,7 млрд руб., что на 57,6 % больше по сравнению с прошлым годом, а сумма возмещенного ущерба едва достигла 20 млн руб. (1,1 %). Приведенная статистика свидетельствует о необходимости усиления мер противодействия данному виду преступности.

Непременным участником, вовлеченным в подобные преступные схемы, являются кредитные организации (банки), выступающие своеобразным инициатором предоставления услуги — банковское обслуживание на основании распоряжения клиента, переданного без визита в банк (дистанционно). Массовая легкодоступность этой услуги развязала руки злоумышленникам. Как верно отмечает К. Б. Калининский: «Они (кредитные организации) зарабатывают на преступлениях, выдавая деньги обманутым гражданам, а потом требуя с них выплаты долгов» [1, с. 11].

При этом совершенно несправедливо возлагать ответственность за предупреждение и профилактику данного вида преступлений лишь на правоохранительные органы. Борьба с преступностью в виртуальной среде должна осуществляться на основе комплексного подхода, объединяющего усилия правоохранительных органов, органов государственной власти и субъектов гражданского права, выражаться в слаженной деятельности, направленной на оказание проти-

водействия киберпреступности, которая, к сожалению, зачастую находится на шаг впереди.

Настоящее исследование носит прикладной характер, поскольку речь пойдет об актуальных проблемах, возникающих у правоприменителей при определении потерпевшего по уголовным делам о хищениях денежных средств, полученных в банках посредством дистанционного способа заключения кредитных договоров от имени и без ведома владельца банковского счета с использованием мобильных приложений («ВТБ Онлайн», «Сбербанк Онлайн» и пр.).

Анализ практики показал, что потерпевшими по таким уголовным делам могут признаваться как кредитные организации, так и физические лица, персональные данные которых были использованы в процессе хищения заемных денежных средств. Согласно опросу работников следственных аппаратов управлений территориальных подразделений субъектов Российской Федерации¹, в 36 % случаев потерпевшим признается физическое лицо («номинальный» заемщик), в 48 % случаев потерпевшим признается банк, как правило, не желающий выступать в этом процессуальном статусе, в оставшихся 16 % вообще не имеется стабильной практики, статусом потерпевшего наделяются и те и другие, исходя из позиций судов и прокуроров в каждом конкретном случае и районе.

Отсутствие единства мнений на этот счет создает неприемлемые условия для участников уголовного судопроизводства, позволяющие должностным лицам произвольно толковать и применять уголовное, уголовно-процессуальное и гражданское законодательство, что противоречит принципам правосудия в целом.

Ярким тому примером может служить уголовное дело в отношении Л., неоднократно рассматриваемое судами Алтайского края по причине отсутствия единства мнения на то, кто будет являться потерпевшей стороной. Само преступление имело место в апреле 2020 г., впервые в суд уголовное дело поступило в январе 2021 г., но приговор, вступивший в законную силу, был вынесен лишь в апреле 2022 г.

Суть преступления заключалась в том, что Л., зная ПИН-код для доступа к банковской карте С., посредством устройства самообслуживания — банкомата подключил услугу «Мобильный банк» к своему абонентскому номеру, а в последующем через приложение «Сбербанк Онлайн» получил доступ и контроль над опера-

¹ Опрос проводился в 2024 г. посредством анкетирования среди работников аппаратов управления следственных подразделений по 47 субъектам Российской Федерации.

циями, совершаемыми по банковским счетам С., открытым в ПАО «Сбербанк России». Далее Л. от имени С. в указанном приложении направил заявление о предоставлении потребительского кредита на сумму 53 897 руб., при этом не собираясь производить ежемесячные платежи, не имея намерений передавать эти денежные средства Л., в последующем обратил их в свою пользу. Аналогичным способом Л. спустя непродолжительное время вновь оформил на имя С. еще один кредит на сумму 121 713 руб. Полученными денежными средствами Л. также распорядился по своему усмотрению.

Органами предварительного следствия действия Л. были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с банковского счета) двумя эпизодами. Потерпевшим по уголовному делу был признан С.

Суд первой инстанции не согласился с выводами следователя, указав на то, что «целью хищения для Л. были денежные средства банка посредством использования другого лица, сам потерпевший не желал получать кредит, он фактически стал промежуточным этапом (звеном в цепочке) совершения операции по завладению чужим имуществом (имуществом банка. — прим. авт.)». Уголовное дело было возвращено прокурору г. Бийска по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ¹.

В дальнейшем уголовное дело с обвинительным заключением вновь поступило в Бийский городской суд, где уже потерпевшим по описанным эпизодам преступной деятельности Л. было признано ПАО «Сбербанк России». В стадии предварительного расследования и в судебном заседании представитель банка отказался от реализации своего права на признание потерпевшим. Суд, учитывая этот факт, посчитал, что нежелание банка быть потерпевшим не будет основанием и для признания таковым С., поэтому в этой части обвинения оправдал Л.²

Очевидно, что, принимая решение о возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ и в дальнейшем постановляя оправдательный приговор, суды были убеждены, что в случае хищения заемных денежных средств потерпевшим будет выступать кредитор, т. е. банк, но не

физическое лицо, от имени и без ведома которого был получен кредит³.

Между тем суд апелляционной инстанции Алтайского края не согласился с выводами нижестоящего суда об отсутствии состава преступления в действиях Л. и, отменяя оправдательный приговор, указал на то, что суд первой инстанции все же надлежаще не проверил и не оценил все доказательства по уголовному делу⁴. Уголовное дело было передано на новое рассмотрение в тот же суд, другому судье, со стадии судебного разбирательства.

По данному уголовному делу 12.04.2022 был вынесен обвинительный приговор, согласно которому Л. был признан виновным в хищениях денежных средств в суммах 53 897 руб. и 121 713 руб., принадлежащих именно С., который к этому времени уже выплачивал кредит, оформленный на его имя Л. Также судом был удовлетворен гражданский иск потерпевшего С. на сумму причиненного ущерба — 175 610 руб.⁵

Таким образом, в Алтайском крае прочно сформировалась практика по уголовным делам о хищениях заемных денежных средств, полученных против воли (без ведома) заемщика, признавать потерпевшим последнего. Обвинительный приговор в отношении Л. вступил в законную силу.

Прокуроры некоторых регионов России придерживаются такого же мнения и настаивают на признании потерпевшими в рассматриваемой ситуации физических лиц, формально ссылаясь на ст. 807, 817 ГК РФ.

Так, к примеру, прокуратурой Южного административного округа г. Москвы вынесено представление об устранении нарушений федерального законодательства, где указано на необходимость признания потерпевшим заемщика, поскольку после подписания кредитного договора денежные средства принадлежат заемщику, у последнего возникают обязательства перед банком по возврату основной суммы долга и процентов. Аналогичные требования выноси-

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 02.04.2024 по уголовному делу № 22-663/2024. URL: https://oblsud--amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=1a5e6678-7d17-4185-be77-975611e5868d&deloId=4&_caseType=0&_new=0&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ Апелляционное определение от 27.01.2022 по уголовному делу № 22-236/2022 в отношении Л. // Архив Бийского городского суда Алтайского края.

⁵ Приговор Бийского городского суда от 12.04.2022 по уголовному делу № 1-310/2022 в отношении Л. // Архив Бийского городского суда Алтайского края.

¹ Постановление Бийского городского суда от 12.05.2021 по уголовному делу № 1-281/2021 в отношении Л. // Архив Бийского городского суда Алтайского края.

² Приговор Бийского городского суда от 15.11.2021 по уголовному делу № 1-821/2021 в отношении Л. // Архив Бийского городского суда Алтайского края.

лись прокурорами Мурманской, Новосибирской, Орловской, Смоленской, Ярославской областей¹.

Отметим, что и кредитные организации (банки) свою позицию, выражающуюся в желании быть потерпевшими, отстаивают путем заявления ходатайств и жалоб об исключении их из числа таковых. Судами такие ходатайства (жалобы) удовлетворяются в ходе судебных заседаний, основываясь на том, что доступ к личному кабинету, посредством которого был оформлен кредит, у обвиняемого был получен ввиду неосмотрительности фактического заемщика, формально между банком и заемщиком был заключен договор, денежные средства, перечисленные на счет заемщика, стали его собственностью с момента зачисления на счет².

Между тем, на наш взгляд, данная позиция представляется достаточно спорной, поскольку для определения потерпевшего необходимо применять межотраслевой подход, оценивая правоотношения банков и клиентов, а также действия обвиняемого во взаимосвязи гражданского и уголовного законодательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Для признания лица потерпевшим в уголовном судопроизводстве требуется наряду с формально-юридическим основанием, также и фактическое основание. Таковым является обязательное причинение вреда.

Исходя из положений ст. 128 ГК РФ безналичные денежные средства относятся к объектам гражданских прав. Под безналичными денежными средствами, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, следует понимать средства, «существующие в виде записи на банковском счете их обладателя, которые по своей природе представляют собой охватывае-

мое понятие имущества обязательственное требование к банку»³.

Таким образом, хищение с банковского счета подразумевает, что предметом преступного посягательства будут являться безналичные денежные средства, которые в УПК РФ также охватываются понятием «имущество» (п. 13.1 ст. 5).

Право собственности на безналичные денежные средства возникает в момент их перечисления на счет клиента банка, до этого момента они являются собственностью кредитной организации. Основанием для перечисления заемных денежных средств является кредитный договор. По своей правовой природе предоставление кредита является сделкой. Гражданское законодательство (п. 2 ст. 179 ГК РФ) защищает права граждан на свободное волеизъявление при совершении сделок и одновременно обеспечивает баланс прав и законных интересов обеих сторон сделки⁴. Договор будет считаться заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (ст. 432 ГК РФ).

Исходя из ситуации, когда злоумышленник получает доступ к личному кабинету клиента банка, без его ведома оформляет кредит на имя владельца счета, а полученные денежные средства обращает в свою пользу, говорить о причинении имущественного вреда неосведомленному заемщику было бы ошибочным, поскольку кредитные денежные средства, являющиеся предметом преступного посягательства, на момент совершения преступления⁵ находятся во владении банка, выступающего в роли кредитора. Говорить о достигнутом соглашении между кредитором и заемщиком, так же как и о свободном во-

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. С. Билера, П. А. Гурьянова, Н. А. Гурьяновой, С. И. Каминской, А. М. Савенкова, Л. И. Савенковой и И. П. Степанюгиной [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.10.2015 № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юшковой Ксении Андреевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 2669-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Моментом совершения преступления следует считать момент перечисления кредитных денежных средств банком на счет заемщика.

¹ Информационное письмо Следственного департамента МВД России от 13.10.2023 № 17/2-34236 // Архив СУ УМВД России по г. Барнаулу.

² Постановление Азнакаевского городского суда Республики Татарстан от 15.06.2023 по уголовному делу № 1-69/2023 // Архив ГСУ МВД России по Республике Татарстан.

леизъявлении на заключение кредитного договора, не приходится, поскольку заемщик находится в «состоянии неосведомленности» по причине совершения действий от его имени и без его согласия другим лицом (злоумышленником).

Субъективная сторона данного вида хищения образуется из прямого умысла обвиняемого, направленного на хищение денежных средств, принадлежащих банку. Для реализации своих преступных намерений злоумышленник использует счет физического лица, неосведомленного о совершении мнимой сделки от его имени, как средство достижения преступной цели. Похищенные денежные средства на счет «номинального» заемщика не задерживаются и, как правило, незамедлительно перечисляются на другой счет либо в счет оплаты товаров (услуг). В этой ситуации разделяем точку зрения П. С. Яни и М. А. Филатовой о том, что «мошенническое завладение чужим имуществом <...> не порождает правового результата — перехода права собственности, поскольку эти действия неправомерны и имеют только вид сделок» [2, с. 11–15].

Таким образом, предоставление в дистанционном формате кредита злоумышленнику, действующему от имени заемщика, фактически не желающего его получать, а следовательно, и выполнять возникающие в связи с этим обязательства, влечет за собой признание сделки недействительной. Очевидно, что между преступником и банком в этом случае возникают уголовно-правовые отношения, поскольку умысел направлен на хищение денежных средств банка. Между «номинальным» заемщиком и банком возникают гражданско-правовые отношения, которые должны разрешаться в соответствии с заключенным договором банковского обслуживания и в предмет настоящего исследования не входят. Отношения же между обвиняемым и фактическим заемщиком также входят в сферу регулирования гражданского права в зависимости от наступивших для последнего последствий.

С учетом изложенного приходим к выводу о том, что совершение хищения безналичных денежных средств путем мнимого оформления кредита от имени и с использованием неправомерного доступа к конфиденциальным данным лица не дает оснований для признания этого лица потерпевшим, поскольку собственником данных денежных средств будет являться кредитор (кредитная организация, банк), которому преступлением и причинен фактический вред, служащий основанием для признания потерпевшим.

В этой связи целесообразно постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48¹ и от 27.12.2002 № 29² дополнить соответствующими разъяснениями, указав на необходимость формирования судами единообразной практики признания кредитно-финансовых организаций потерпевшими по уголовным делам о хищениях кредитных денежных средств посредством дистанционного оформления кредита против воли и без ведома клиента банка (фактического заемщика).

Наступившие для «номинального» заемщика последствия гражданско-правового характера в виде обязанности погашения им задолженности по кредиту не будут являться основанием для признания его потерпевшим по уголовному делу, даже если заемщик начал выполнять обязательства по погашению задолженности. Данные правоотношения разрешаются в соответствии с нормами гражданского права.

В заключение хотелось бы отметить, что достижение единства мнений и практики в исследуемом вопросе подтолкнет кредитные организации к проявлению «добросовестности и осмотрительности» [1, с. 11] при оказании услуг в сфере дистанционного кредитования. Банки, будучи уже заинтересованными в минимизации убытков и установлении преступника, будут принимать надлежащие меры незамедлительного реагирования при совершении подозрительных операций и сделок, позволяя правоохранительным органам выявлять преступления на стадии приготовления и покушения к их совершению, что позволит сформировать более эффективный комплекс мер противодействия данному виду преступлений.

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Калиновский К. Б. Банк на стороне потерпевшего от «телефонных мошенников» // Уголовный процесс. 2024. № 8 (236). URL: <https://e.ugpr.ru/1095647> (дата обращения: 25.07.2024).
2. Яни П. С., Филатова М. А. Мошенничество и сделка // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 11–15.
3. Архипов А. В. Квалификация хищения путем дистанционного оформления кредита от чужого имени // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 15–19.
4. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Ущерб от хищения с банковского счета при дистанционном оформлении кредита от имени его владельца и вопросы возмещения // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 28–37.
5. Гаас Н. Н., Андриенко Ю. А. Формы проявления и способы нейтрализации ненадлежащего поведения участников уголовного судопроизводства // Юрист-Правовед. 2020. № 3 (94). С. 81–85.
6. Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Возвращение уголовного дела прокурору: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2021. 132 с.
7. Максимов О. А. Единственное назначение современного российского уголовного процесса и средства его достижения // Российский следователь. 2022. № 2. С. 22–26.
8. Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (криминализация и квалификация преступления) // Российский следователь. 2021. № 3. С. 41–45.
9. Хилjuta В. В. Определение потерпевшей стороны по уголовным делам о хищении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 2 (77). С. 6–11.

References

1. Kalinovskiy K. B. Bank na storone poterpevshego ot «telefonnykh moshennikov» // Ugolovnyy protsess. 2024. № 8 (236). URL: <https://e.ugpr.ru/1095647> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
2. Yani P. S., Filatova M. A. Moshennichestvo i sdelka // Rossiyskaya yustitsiya. 2018. № 3. S. 11–15.
3. Arkhipov A. V. Kvalifikatsiya khishcheniya putem distantsionnogo oformleniya kredita ot chuzhogo imeni // Ugolovnoe pravo. 2023. № 3 (151). S. 15–19.
4. Bykova E. G., Kazakov A. A. Ushcherb ot khishcheniya s bankovskogo scheta pri distantsionnom oformlenii kredita ot imeni ego vladel'tsa i voprosy vozmeshcheniya // Ugolovnoe pravo. 2023. № 3 (151). S. 28–37.
5. Gaas N. N., Andrienko Yu. A. Formy proyavleniya i sposoby neytralizatsii nenadlezhazhchego povedeniya uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Yurist"-Pravoved". 2020. № 3 (94). S. 81–85.
6. Kal'nitskiy V. V., Kuryakhova T. V. Vozvrashchenie ugolovnogo dela prokuroru: ucheb. posobie. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. 132 s.
7. Maksimov O. A. Edinstvennoe naznachenie sovremennogo rossiyskogo ugolovnogo protsessa i sredstva ego dostizheniya // Rossiyskiy sledovatel'. 2022. № 2. S. 22–26.
8. Tyunin V. I., Stepanov Yu. I. Krazha s bankovskogo scheta, a ravno v otnoshenii elektronnykh denezhnykh sredstv (kriminalizatsiya i kvalifikatsiya prestupleniya) // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 3. S. 41–45.
9. Khilyuta V. V. Opredelenie poterpevshey storony po ugolovnym delam o khishchenii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2020. T. 26, № 2 (77). S. 6–11.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 18.12.2024; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 119–123.

Altai Law Journal. 2025. № 1 (49). P. 119–123.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.57

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ПРОИЗВОДСТВО И (ИЛИ) ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Ксения Вячеславовна Садовых

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,

Sadovyh.kseniya@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ относимости субъекта преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, к общему или специальному. Автором предлагается разделение субъекта рассматриваемого состава преступления на две подгруппы с учетом наличия специфических бланкетно-конкретизирующих социально-правовых качеств, установленных при исследовании судебной практики за период с января 2018 г. по сентябрь 2024 г.

Ключевые слова: алкогольная продукция, незаконный оборот, специальный субъект, субъект предпринимательской деятельности, бланкетно-конкретизирующие качества

Для цитирования: Садовых К. В. Уголовно-правовой анализ признаков субъекта состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1. С. 119–123.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINAL LAW ANALYSIS OF THE SIGNS OF THE SUBJECT OF A CRIME INVOLVING RESPONSIBILITY FOR THE ILLEGAL PRODUCTION AND (OR) TRAFFICKING OF ETHYL ALCOHOL, ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS

Kseniya V. Sadovykh

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia,

Sadovyh.kseniya@mail.ru

Annotation. The article analyzes the relevance of the subject of the crime provided for in Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation to the general or special. The author proposes the division of the subject of the considered corpus delicti into two subgroups, taking into account the presence of specific form-specifying socio-legal qualities established in the study of judicial and investigative practice for the period from January 2018 to September 2024.

Key words: alcoholic products, illicit trafficking, special entity, business entity, form-specifying qualities

For citation: Sadovykh K. V. Criminal law analysis of the signs of the subject of a crime involving responsibility for the illegal production and (or) trafficking of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:119–123 (In Russ.).

© Садовых К. В., 2025

Несмотря на предпринимаемые со стороны государства меры по борьбе с незаконным оборотом алкоголя, данный вид преступности стабильно демонстрирует существенно не снижающееся количество зарегистрированных преступлений. Так, по данным единых отчетов о преступности, по ст. 171.3 УК РФ было возбуждено: в 2019 г. — 765 дел; в 2020 г. — 945 дел; в 2021 г. — 889 дел; в 2022 г. — 700 дел; в 2023 г. — 960 дел¹. Общественная опасность данного преступления выражена во введении алкогольной продукции в предпринимательский оборот в обход государства, что существенно подрывает экономику страны, а также потенциально ставит жизнь и здоровье населения в опасность, т. к. продукция произведена в нарушение государственных стандартов.

Об актуальности и необходимости исследования данного состава свидетельствует противоречивая судебно-следственная практика в различных субъектах России, которая приводит к ошибкам в решении вопроса уголовно-правовой оценки незаконного производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей продукции (далее — продукции), в частности ошибки в определении субъекта состава преступления, так называемых бутлегеров, осуществляющих деятельность по подпольному производству алкоголя.

Предварительно необходимо отметить, что термины «субъект состава преступления» и «субъект преступления» будут использоваться как тождественные юридические понятия, что в данном случае не противоречит юридико-техническим правилам квалификации преступления.

Значимость установления признаков субъекта исследуемого преступления обусловлена тем обстоятельством, что он «является обязательным и необходимым элементом состава преступления, без которого исключается возможность привлечения лица к уголовной ответственности» [1, с. 154]. Согласно действующему уголовному законодательству, «под субъектом преступления принято понимать физическое лицо, а его обязательными признаками являются вменяемость и установленный законом возраст уголовной ответственности» [2, с. 192]. Применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 171.3 УК РФ, теоретико-дискуссионным вопросом яв-

ляется относимость субъекта состава преступления к общему или специальному.

При этом Э. А. Бачурин под специальным субъектом состава преступления понимает «субъект, который кроме вменяемости и возраста соответствует специальным признакам, детерминированным объектом преступления и/или обстоятельствами, относящимися напрямую к личности виновного, и закрепленным в гипотезе диспозиции статьи» [3, с. 8]. Исходя из данной дефиниции, исполнителем преступления может быть только лицо, обладающее исключительными, т. е. присущими только конкретному составу преступления признаками, которые находят свое закрепление в диспозиции уголовно-правовой нормы. При отсутствии данных признаков лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по соответствующему составу преступления.

На основании вышеизложенного следует осуществить анализ наличия исключительных признаков применительно к исследуемому составу.

В диспозиции анализируемой статьи перечислены альтернативные действия, образующие объективную сторону преступления, а также перечень предметов преступления, но указания на какие-либо исключительные черты субъекта отсутствуют.

В свою очередь, следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что диспозиция статьи является бланкетной. Это позволяет сделать вывод о бланкетно-конкретизирующем качестве исследуемого субъекта преступления, указывающем на возможное наличие определенных признаков, для установления которых необходимо обращаться к иным нормативно-правовым актам.

Статья 171.3 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 171 УК РФ, в связи с чем для установления наличия отличительных признаков необходимо обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»², где в п. 10 законодатель отразил основные признаки субъекта незаконной предпринимательской деятельности. Так, под субъектом ст. 171 УК РФ следует понимать: 1) лицо в статусе индивидуального предпринимателя; 2) ли-

¹ Единый отчет о преступности за январь–декабрь 2019–2023 гг.: сборник по России (1–16, 21 разделы) // Банк данных научно-технической информации ГИАЦ МВД России. Доступ из ведомственной сети. URL: <http://10.5.0.15>.

² О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

цо, не имеющее государственной регистрации в налоговом органе. Анализируя данное положение, можно прийти к выводу, что законодатель относит к субъекту как лицо, обладающее исключительным признаком — регистрацией в Едином государственном реестре юридических лиц или Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, так и лицо, не являющееся субъектом предпринимательской деятельности. Законодатель, расширяя круг лиц за пределы субъектов предпринимательской деятельности, по сути, лишает субъекта исследуемого состава преступления специфического признака и относит его к общему.

Однако ученые к единому мнению по отношению субъекта незаконного оборота продукции к общему или специальному так и не пришли.

Так, на основе анализа судебно-следственной практики и исследований ученых можно сформулировать три взгляда на субъект рассматриваемого преступления:

1) субъект общий — физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. То есть лицо не обладает какими-либо специфическими качествами, и им может являться любое лицо, обладающее обязательными признаками субъекта рассматриваемого преступления. Данную точку зрения разделяют П. С. Яни, А. В. Грошев, А. В. Наумов, С. С. Бахтеев [4, с. 12; 5, с. 182, 206; 6, с. 127; 7, с. 90]. Примером являются следующие приговоры: Краснощековским районным судом Алтайского края гражданин Н. осужден по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ за то, что, не являясь субъектом предпринимательской деятельности, совершил незаконную закупку, перевозку и хранение спиртосодержащей продукции¹; Канским городским судом Красноярского края гражданин Д. осужден по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ за то, что, не являясь директором организации или индивидуальным предпринимателем, осуществил закупку, хранение, розничную продажу спиртосодержащей продукции²;

2) субъект — специальный [8, с. 128]. В. И. Тюнин считает, что субъектами преступления выступают должностные лица и руководители организаций, индивидуальные предприниматели [9, с. 30]. Так, по приговору Норильского городского суда (в районе Талнах) Красноярского края гражданин А. осужден по ч. 1 ст. 171.3

УК РФ за то, что, будучи индивидуальным предпринимателем, без лицензии, незаконно хранил и реализовывал в принадлежащем ему магазине алкогольную продукцию³; Ужурским районным судом Красноярского края гражданин М. осужден по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ за то, что, являясь генеральным директором организации, в производственном помещении, с добавлением оставшейся у него от закрытия принадлежащего ему винно-водочного магазина водки, осуществил незаконное производство и хранение спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии⁴;

3) субъект может быть общим и специальным. По мнению В. С. Денисова, «субъект преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции может быть как общим, т. е. физическое (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства) вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцати лет, так и специальным, в зависимости от конструкции диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы» [10, с. 73]. Данной позиции придерживается и Т. М. Дагаева, которая к общему субъекту незаконного предпринимательства относит вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, а к специальному — индивидуального предпринимателя, руководителя организации, а также иное лицо, выполняющее управленческие функции [11, с. 26].

Считаем возможным поддержать точку зрения, согласно которой субъект состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, является общим. Полагаем, что индивидуальный предприниматель или директор организации могут осуществлять незаконный оборот продукции без лицензии, и их статус в налоговом органе можно было бы отнести к исключительному (специфическому) признаку, отличающему его от других составов преступлений, однако исполнителем, исходя из диспозиции анализируемой статьи, а также судебной и следственной практики, являются и лица, осуществляющие незаконный оборот продукции без регистрации в налоговом органе, что свидетельствует о том, что круг лиц, входящих в субъект данного состава, гораздо шире. Следовательно, наличие таких лиц указывает на то, что признак «наличие регистра-

¹ Приговор Краснощековского районного суда Алтайского края от 19.04.2019 по делу № 1-29/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

² Приговор Канского городского суда Красноярского края от 19.05.2023 по делу № 1-14/11901040006001420/2023. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

³ Приговор Норильского городского суда (в районе Талнах) Красноярского края от 24.08.2023 по делу № 1-60/2023. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ Приговор Ужурского районного суда Красноярского края от 27.06.2018 по делу № 1-105/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

ции в налоговом органе» не является исключительным для субъекта рассматриваемого преступления, соответственно, возможность отнести данный субъект к специальному отсутствует.

Проведенное нами исследование подтверждает, что подавляющее большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 171.3 УК РФ, не являются субъектами предпринимательской деятельности, т. е. не имеют регистрации в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя или директора организации. На основании анализа 97 приговоров, вынесенных за период с января 2018 г. по сентябрь 2024 г., 74,6 % осужденных по ст. 171.3 УК РФ не являются субъектами предпринимательской деятельности, а 25,4 % имеют специфические качества, в частности 20,6 % — зарегистрированы в качестве индивидуального предпринимателя, а 4,8% — являются директорами организаций.

Однако, несмотря на то что субъект относится к общему, полагаем необходимым разделить его на две подгруппы:

1) лицо, не обладающее специфическим социально-правовым качеством, т. е. не являющееся субъектом предпринимательской деятельности и не занимающее какую-либо должность в организации, связанной с незаконным оборотом продукции;

2) лицо, обладающее специфическими бланкетно-конкретизирующими социально-правовыми качествами, к которым можно отнести следующие:

а) лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но не обладающее лицензией на оборот продукции. Так, гражданин М., являясь индивидуальным предпринимателем, но не обладая специальной лицензией, совершил закупку, хранение и перевозку этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, за что осужден Шарьинским районным судом Костромской области по п. «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ¹;

б) лицо, занимающее должность директора или учредителя организации, но не имеющее соответствующей лицензии на осуществляемый вид экономической деятельности. Так, П. осужден по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ. П., будучи директором ООО «Z», незаконно закупил, хранил и осуществлял розничную продажу алкогольной продукции без соответствующей лицензии²;

в) лицо, являющееся директором или учредителем организации и ранее осуществлявшее деятельность по производству и обороту продукции при наличии лицензии, но в определенный период времени осуществлявшее деятельность за пределами ее действия (аннулирование, отзыв, приостановление). Так, Ж. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ при следующих обстоятельствах: Ж., имевший ранее лицензию на оборот алкогольной продукции, совершил закупку, хранение, провозку и розничную продажу спиртосодержащей продукции в период истечения срока ее действия³;

г) лицо, входящее как работник в какую-либо коммерческую организацию. Г., являясь продавцом-кассиром продуктового магазина, не имея лицензии, а также достоверно зная об отсутствии лицензии у директора магазина, не ставя его в известность о своих действиях, осуществила хранение спиртосодержащей продукции с целью ее последующей реализации⁴.

Полагаем, что данная классификация должна послужить подтверждению позиции об отнесении субъекта анализируемого преступления к общему и исключить плюрализм подходов к отнесению субъекта к общему или специальному. Также она указывает правоприменителю на разнообразие черт субъекта и возможность привлечения к уголовной ответственности любого физического лица, как в статусе налогового субъекта, так и без него. Кроме того, правоприменителю следует учитывать, что если лицо относится ко второй подгруппе, то совершенное им деяние обладает большей степенью опасности, т. к. данное лицо достоверно знает об обязанности и порядке получения лицензии, но по различным причинам намеренно ее игнорирует.

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным к субъекту состава преступления, предусматривающего ответственность по ст. 171.3 УК РФ, отнести физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет, не обладающее специфическими чертами, необходимыми для инкриминирования данного деяния, что позволяет отнести его к общему. Однако следует отметить, что субъект рассматриваемого состава, несмотря на его относимость к общему, можно подразделить на две подгруппы: лицо, не обладающее специфическим социально-правовым качеством, или лицо, обладающее специфическими бланкетно-конкретизирующими социально-правовыми качествами.

¹ Приговор Шарьинского районного суда Костромской области от 19.11.2020 по делу № 1-157/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

² Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 25.04.2023 по делу № 1-74/2023. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

³ Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 11.11.2020 по делу № 1-400/2020. URL: <https://www.actofact.ru/> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ Приговор Тосненского городского суда Ленинградской области от 23.06.2021 по делу № 1-326/2021. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 22.12.2024).

Список источников

1. Уголовное право (Уголовный закон. Теория преступления): курс лекций / под ред. С. М. Малькова. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2018. 330 с.
2. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Уткина, А. В. Шеслера. Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2016. 600 с.
3. Бачурин Э. А. Специальный субъект преступления: автореф. дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 22 с.
4. Яни П. С. Незаконное предпринимательство и легализация преступно приобретенного имущества // Законность. 2005. № 3. С. 11–14.
5. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 564 с.
6. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.]; под ред. И. А. Подройкиной, С. И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 362 с.
7. Бахтеев С. С. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции (по материалам Уральского федерального округа): дис ... канд. юрид. наук. М., 2005. 239 с.
8. Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики: учебник для вузов / В. И. Гладких [и др.]; под общ. ред. В. И. Гладких, А. К. Есаяна. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 324 с.
9. Тюнин В. И. Уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции // Законность. 2000. № 1. С. 27–30.
10. Денисов В. С. Уголовная ответственность за незаконные производство и оборот алкогольной продукции: дис ... канд. юрид. наук. М., 2006. 180 с.
11. Дагаева Т. М. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением правил осуществления предпринимательской деятельности: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 32 с.

References

1. Ugolovnoe pravo (Ugolovnyy zakon. Teoriya prestupleniya) : kurs lektsiy / pod red. S. M. Mal'kova. Krasnoyarsk: Sibirskiy yurid. in-t MVD Rossii, 2018. 330 s.
2. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie / pod obshch. red. V. A. Utkina, A. V. Sheslera. Tomsk: Izdat. dom Tomskogo gos. un-ta, 2016. 600 s.
3. Bachurin E. A. Spetsial'nyy sub'ekt prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2005. 22 s.
4. Yani P. S. Nezakonnoe predprinimatel'stvo i legalizatsiya prestupno priobretennogo imushchestva // Zakonnost'. 2005. № 3. S. 11–14.
5. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov / A. V. Naumov [i dr.]; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 564 с.
6. Prestupleniya v sfere ekonomiki: uchebnik dlya vuzov / I. A. Podroykina [i dr.]; pod red. I. A. Podroykinoy, S. I. Ulez'ko. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 362 с.
7. Bakhteev S. S. Metodika rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom alkogol'noy produktsii (po materialam Ural'skogo federal'nogo okruga): dis ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 239 s.
8. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. Prestupleniya v sfere ekonomiki: uchebnik dlya vuzov / V. I. Gladkikh [i dr.]; pod obshch. red. V. I. Gladkikh, A. K. Esanyana. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 324 с.
9. Tyunin V. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za proizvodstvo, priobretenie, khranenie, perevozku ili sbyt nemarkirovannykh tovarov i produktsii // Zakonnost'. 2000. № 1. S. 27–30.
10. Denisov V. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye proizvodstvo i oborot alkogol'noy produktsii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 180 s.
11. Dagaeva T. M. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s narusheniem pravil osushchestvleniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti: avtoref. dis ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2004. 32 s.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА НЕЗАКОННЫХ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР

София Антоновна Солодина

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, olgasonia1999@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации отдельных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ. Автор анализирует понятие и виды азартных игр, исследуются различные подходы к определению объекта преступного посягательства. Значительное внимание обращается на характеристику объективной стороны преступления, разграничиваются понятия незаконных «организации» и «проведения» азартных игр, дается характеристика моменту окончания преступления. Исследуются проблемные вопросы квалификации деятельности наемных работников незаконного игорного заведения. На основании исследования статистических данных, материалов судебной практики, а также правовой доктрины формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: азартные игры, игорное заведение, незаконная игорная деятельность, игровое оборудование, незаконная организация или проведение азартных игр

Для цитирования: Солодина С. А. Характеристика отдельных признаков состава незаконных организации и проведения азартных игр // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 124–134.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CHARACTERISTICS OF INDIVIDUAL SIGNS OF THE ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING

Sofia A. Solodina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia,
olgasonia1999@gmail.com

Annotation. The article discusses the issues of qualification of certain elements of the corpus delicti provided for in Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the concept and types of gambling, explores various approaches to determining the object of criminal encroachment. Considerable attention is paid to the characterization of the objective side of the crime, the concepts of illegal «organization» of gambling and «gaming» are distinguished, and the characterization of the moment of the end of the crime is given. The problematic issues of qualification of the activities of employees of an illegal gambling establishment are investigated. Based on the study of statistical data, materials of judicial practice, as well as legal doctrine, proposals for improving criminal legislation are formulated.

Key words: gambling, gambling establishment, illegal gambling activity, gaming equipment, illegal organization or conduct of gambling

For citation: Solodina S. A. Characteristics of individual signs of the illegal organization and conduct of gambling. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:124–134 (In Russ.).

Азартные игры на протяжении всей истории человечества выступали распространенной формой общественного досуга, требующей государственного контроля с целью защиты общественной нравственности от их негативного морально разлагающего воздействия, а также интересов общества и государства в сфере осуществления экономической деятельности. В частности, И. А. Семенов, описывая механизм влияния азартных игр на психику человека, отмечает, что они способны привести к развитию феномена интерсубъективной реальности человека, характеризующейся отторжением обыденной жизни и приводящей при своем доминировании к снижению либо последующему разрушению всех моральных, профессиональных, семейных и социальных ценностей личности, а также «подрыву внутриэкономического баланса страны» [1, с. 79].

Законодательная политика современной России характеризуется частичной легализацией деятельности в области организации или проведения азартных игр, основывающейся на установлении требований и ограничений к игорным заведениям, организаторам азартных игр, порядка создания, изменения границ и ликвидации игорных зон, правил осуществления соответствующей лицензионно-разрешительной работы. Кроме того, с целью правовой охраны интересов личности, общества и государства от негативных последствий незаконной игорной деятельности установлена уголовная ответственность за незаконные организацию или проведение азартных игр — ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Актуальность темы научной статьи обусловлена стремительным развитием и появлением новых видов азартных игр, организуемых и проводимых с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в т. ч. посредством автоматизированных и онлайн-игровых автоматов, в виде викторин, лотерей, карточных игр, пари, ставок на события политического, спортивного, общественного и иного характера в букмекерских конторах, тотализаторах, онлайн-казино и т. д. На сегодняшний день

отмечается усиливающаяся связь игорного бизнеса с коррумпированностью правоохранительных органов, увеличением криминального потенциала общества, в т. ч. в области совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений, направленных на получение дохода в целях продолжения организации и проведения азартных игр. Помимо этого, наблюдается повышение общественной опасности незаконной игорной деятельности по причине увеличения числа подобного рода преступлений, совершаемых при наличии квалифицирующих признаков, выделенных законодателем в качестве отягчающих ответственность.

В частности, в соответствии с данными судебной статистики Российской Федерации, количество лиц, осужденных по ст. 171.2 УК РФ, в 2019 г. составило 1067, в 2020 г. — 762, в 2021 г. — 946, в 2022 г. — 1164, в 2023 г. — 1267. В свою очередь, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ в 2019 г. было осуждено 449 чел., в 2020 г. — 350 чел., в 2021 г. — 357 чел., в 2022 г. — 488 чел., в 2023 г. — 469 чел.

За совершение рассматриваемого преступления в составе организованной группы либо в результате которого был извлечен доход в особо крупном размере (ч. 3 ст. 171.2 УК РФ) соответственно осуждено в 2019 г. — 377 чел., в 2020 г. — 263 чел., в 2021 г. — 389 чел., в 2022 г. — 419 чел., в 2023 г. — 547 чел.¹

Из приведенных показателей следует, что количество лиц, в отношении которых по ст. 171.2 УК РФ были вынесены обвинительные приговоры суда, в течение последних пяти лет увеличилось на 18,7 %. В то же время за указанный период преступлений средней тяжести и тяжких преступлений, квалифицируемых по ч. 2, 3 ст. 171.2 УК РФ, в среднем совершалось в 3,5 раза больше, чем преступлений небольшой тяжести (ч. 1 ст. 171.2 УК РФ), при этом стремительными темпами возросли показатели преступлений, совершаемых групповым способом (ч. 3 ст. 171.2 УК РФ): за 2023 г. — на 30,5 %, за последние пять лет — на 45 % (см. таблицу 1).

¹ Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. Судебная статистика РФ. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 05.09.2024).

Таблица 1

Сведения о количестве лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, в период с 2019 по 2023 г.

Год	Статья УК РФ	Осуждено лиц	Оправдано лиц
2019	ч. 1 ст. 171.2	241	0
	ч. 2 ст. 171.2	449	0
	ч. 3 ст. 171.2	377	1
2020	ч. 1 ст. 171.2	149	0
	ч. 2 ст. 171.2	350	0
	ч. 3 ст. 171.2	263	0
2021	ч. 1 ст. 171.2	200	0
	ч. 2 ст. 171.2	357	0
	ч. 3 ст. 171.2	389	8
2022	ч. 1 ст. 171.2	257	0
	ч. 2 ст. 171.2	488	3
	ч. 3 ст. 171.2	419	0
2023	ч. 1 ст. 171.2	251	0
	ч. 2 ст. 171.2	469	0
	ч. 3 ст. 171.2	547	3

Опираясь на логику построения уголовного закона, следует отметить, что законодатель относит незаконные организацию или проведение азартных игр к преступлениям, посягающим на общественные отношения в сфере экономической деятельности. Вместе с тем в правовой доктрине обнаруживаются острые дискуссии относительно правильности отнесения указанного состава преступления к гл. 22 УК РФ. Так, ряд исследователей полагают, что непосредственным и видовым объектом уголовно наказуемой незаконной игровой деятельности прежде всего выступают общественная нравственность и здоровье населения. В частности, О. П. Науменко, Р. А. Севостьянов и Е. В. Просвирин, исследуя психопатологические проявления лудомании, или игровой зависимости (от лат. *ludo* — играю и др. греч. *μανία* — безумие), т. е. психического расстройства, связанного с патологическим влечением к азартным играм, частым повторным участием в них, отождествляют их с характерными симптомами и последствиями наркотической и алкогольной зависимости и убеждены в необходимости помещения ст. 171.2 УК РФ в гл. 25 УК РФ. Противоположной точки зрения придерживаются Т. С. Дубровская и А. А. Лихолетов, которые поддерживают законодательный подход и считают, что нормы ст. 171.2 УК РФ являются специальными по отношению к нормам ст. 171 УК РФ [2, с. 473]. Их позиция представляется нам наиболее справедливой.

В действительности игровая деятельность представляет собой легальную предпринимательскую деятельность, хотя и обремененную

многочисленными требованиями, ограничениями и лицензионно-разрешительными производствами. Не вызывает сомнения тот факт, что в первую очередь под уголовно-правовую охрану государством поставлены именно установленные правила осуществления игорного бизнеса. Бессмысленно отрицать социальный вред, причиняемый здоровью населения и общественной нравственности в результате незаконной игровой деятельности, однако они должны рассматриваться как дополнительный объект преступного деяния. В противном случае, по справедливому замечанию Т. С. Дубровской, поместить ст. 171.2 УК РФ в гл. 25 УК РФ — значит согласиться с тем, что легальные игорные заведения выступают «разрешенными государством источниками лудомании» [2, с. 475].

Важное значение для характеристики состава анализируемого преступления имеет установление понятия азартной игры. Под ней законодатель понимает «соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры»¹. Однако наличие нормативного определения не исключает

¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в ред. от 19.04.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 7. Ст. 900.

ет разногласий относительно его содержания в юридической литературе.

В XIX в. А. Я. Антонович писал о том, что участник азартной игры подвержен постоянному риску ввиду того, что не имеет возможности рассчитать и определить ее итог. Схожей позицией придерживался А. Ф. Кони, добавляя: «Азартной является игра, исход которой полностью зависит от случая и в которой обдуманность, ловкость и вычисления игрока не смогут привести к положительному результату». И в наше время А. В. Лебедев считает подходящим для описания сущности рассматриваемых игр термин «алейный» (от лат. *alea* — случай), поскольку понятие «азартный» не отражает содержания игры, а характеризует исключительно психологическое состояние ее участника [3, с. 85–86].

Рассматривая труды современных научных деятелей, мы обратили внимание на позицию Е. А. Богданова, который относит к признакам азартной игры платность, характеризующуюся наличием ставки в материальной или денежной эквивалентной форме, рисковый характер, предполагающий равную вероятность выигрыша и проигрыша в такой игре, а также наличие условий и порядка проведения игры и получения выигрыша в соглашении между участниками игры [3, с. 87].

Вместе с тем более точным представляется определение С. О. Кормильцевой, которая характеризует азартную игру как соглашение о выигрыше, которое основывается на риске, направлено на получение одной стороной за счет другой имущественной выгоды, заключается одним или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с лицензированным организатором при условии, что его исход зависит от случая, на наступление которого стороны не имеют возможности оказывать влияние [4, с. 120]. Следует отметить, что соглашение о выигрыше заключается, как правило, в простой устной либо конклюдентной форме. Так, например, в приговоре Промышленного районного суда г. Ставрополя указано, что принцип организованной гражданином Н. азартной игры состоял в том, что посетители-игроки, имеющие доступ в незаконное игорное заведение, заключали с операторами игорного зала устное соглашение о выигрыше, передавали им денежные средства, после чего получали посредством сети «Интернет» доступ к азартным играм, установленным на персональных компьютерах. После выбора игроком одного из компьютеров, находящихся в игорном зале, оператор вносил переданные игроком денежные средства на его игровой депозит

в виде условных денежных единиц — виртуальных кредитов¹.

На сегодняшний день в уголовно-правовой доктрине до конца не исследованным остается вопрос о том, каким именно из признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, являются азартные игры: зачастую авторы исследуют лишь понятие, но не отражают их место в структуре состава преступления. Мы полагаем, что справедливым будет рассматривать азартную игру в качестве конструктивного признака объекта анализируемого состава преступления. Так, согласно традиционному учению о составе преступления (Н. Д. Дурманов, Б. С. Никифоров, А. Н. Трайнин и другие) под объектом преступления понимаются конкретные общественные отношения, на которые направлено преступное посягательство и которому причиняется вред [5, с. 326]. Преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, как было отмечено выше, посягает на общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности, а именно в связи с организацией и проведением азартных игр. Справедливым будет отметить, что азартные игры нецелесообразно считать предметом преступления, поскольку противоправные деяния направлены непосредственно не на сами азартные игры как основанные на риске соглашения о выигрыше, а на установленные законодательством правила и порядок организации и проведения азартных игр.

Проведенный нами анализ судебной практики показал, что наиболее часто к азартным играм относят блек-джек, покер, вист и иные карточные игры, рулетку, колесо фортуны, пари, ставки на мероприятия общественного, политического и спортивного характера и др. В частности, согласно заключению эксперта, данному по результатам исследования игровых терминалов, изъятых в ходе предварительного расследования из помещения, где незаконно были организованы и проводились азартные игры, установленное на них программное обеспечение является сходным с программным обеспечением игровых автоматов, выражая собой виртуализацию — графическое представление барабанного видеослота, имитирующего вращение нескольких (зачастую трех или пяти) барабанов, при возможности выбора игроком количества играющих линий и ставок по ним в зависимости от правил самой игры².

¹ Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 30 января 2024 г. по делу № 1-52/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3grbISOoHOrg/> (дата обращения: 09.09.2024).

² Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 15 января 2024 г. по делу № 1-18/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SnKq09ijwmNR/> (дата обращения: 09.09.2024).

Из материалов другого уголовного дела следует, что игры, организованные и проводимые посредством персональных компьютеров с установленным на них программным обеспечением, выглядели как игры для казино: при нажатии на «старт» происходила последовательная смена графических изображений обезьянок, фруктов, денежных купюр и других картинок в игровых линиях. Необходимым условием выигрыша являлось расположение трех или более (в зависимости от количества игровых линий) одинаковых изображений в ряду, что не зависело от действий игрока либо организатора игры¹.

Объективная сторона преступления, исходя из диспозиции ч. 1 ст. 171.2 УК РФ и положений федерального законодательства, включает в себя ряд альтернативных преступных деяний, состоящих в систематическом предоставлении помещений для организации и проведения азартных игр либо организации или проведении азартных игр:

- 1) вне игровой зоны с использованием игрового оборудования;
- 2) вне игровой зоны без полученной лицензии при осуществлении деятельности в букмекерских конторах и тотализаторах;
- 3) в игровой зоне без полученного в установленном порядке разрешения;
- 4) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТС), в т. ч. сети «Интернет», вне зависимости от места совершения преступления по отношению к игровой зоне, кроме случаев использования ИТС исключительно в целях приема интерактивных ставок.

Анализируя объективную сторону преступления, А. О. Барсуков отмечает противоречие между названием ст. 171.2 УК РФ, согласно которому основанием для наступления уголовной ответственности является одновременное совершение действий по незаконным организации и проведению азартных игр, и ее диспозицией, в соответствии с которой эти деяния выступают как альтернативные. По мнению указанного автора, такая правовая коллизия не является формальной и на фоне отсутствия легального толкования рассматриваемых понятий создает трудности в правильной юридической оценке совершаемых деяния [6, с. 99]. В свою очередь, Ю. А. Сидорова убеждена в том, что основной проблемой указанного состава преступления является отсутствие четкого представления о том,

«организовывало ли лицо азартные игры или просто проводило их» [4, с. 120]. На основании вышеизложенного представляется необходимым разграничить понятия «организация азартной игры» и «проведение азартной игры».

Анализ правовой литературы позволил обнаружить относительно единый подход к содержанию и отличительным признакам рассматриваемых деяний. Так, А. А. Лихолетов понимает под организацией азартной игры комплекс действий и мероприятий, направленных на создание условий для заключения соглашений о выигрыше, а под проведением — осуществление действий по непосредственному заключению и исполнению такого соглашения. Разделяя его позицию, Н. В. Шевкопляс отмечает, что организация азартной игры может выступать как результатом такой деятельности, так и процессом ее осуществления, который зачастую включает в себя планирование, отбор, расстановку и инструктаж персонала, приискание помещения, его ремонт и маскировку, поиск клиентуры, ведение бухгалтерского учета, принятие мер по охране помещения, создание конспиративных схем и др. В свою очередь, проведение азартной игры может выражаться в приеме денежных средств от игроков, их конвертации в игровую валюту (фишки, виртуальные кредит-единицы и т. д.), ознакомлении игрока с правилами азартной игры путем оказания консультативной помощи или инструктажа, запуске игрового оборудования, выплате игроку выигрыша и др. [7, с. 122].

Г. А. Есаков к организации азартных игр относит деятельность по набору персонала, оборудованию игровых помещений, а также выполнению иных действий, которые обеспечивают функционирование игорного заведения, проведение же азартных игр выражается, по мнению исследователя, в приеме и учете ставок, выплате выигрыша, фиксировании результатов игры и т. п. [8, с. 125].

Справедливость указанных позиций ученых подтверждается конкретными судебными решениями. Так, например, гражданка А., действуя умышленно, из корыстных побуждений, вступив в предварительный сговор с неустановленным следствием лицом, находясь в помещении, которое было заранее приискано и оснащено игровым оборудованием не установленным следствием лицом, занималась незаконным проведением азартных игр вне игровой зоны, а именно на основании устного соглашения с не установленным следствием лицом за материальное вознаграждение осуществляла функции администратора незаконного игорного заведения, что выразилось в контроле за работой игрового зала, приеме де-

¹ Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 30 января 2024 г. по делу № 1-52/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3grbISOoHOrg/> (дата обращения: 09.09.2024).

нежных средств от игроков, инструктаже о правилах игры и использовании игрового оборудования, обеспечении сохранности указанного оборудования и выдаче выигрыша игрокам. Приговором Центрального районного суда г. Новосибирска гражданка А. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 171.2 УК РФ только в части незаконного проведения азартных игр, поскольку организационные функции в области разработки плана преступного деяния, приискания помещения, установки игрового оборудования и специального программного обеспечения исполняло исключительно не установленное следствием лицо¹.

На основании вышеизложенного под организацией азартных игр предлагаем понимать деятельность, включающую в себя совокупность действий, осуществляемых на основе единого умысла и направленных на создание условий для заключения соглашения о выигрыше между участниками такого соглашения между собой или с организатором азартных игр и его работниками, в т. ч. планирование, подбор, обучение, инструктаж персонала, приискание помещения, приобретение, изготовление, размещение, обслуживание и ремонт игрового оборудования, ведение финансовой и бухгалтерской отчетности и другие осуществляемые с указанной целью действия.

Под проведением азартных игр, по нашему мнению, следует понимать деятельность, непосредственно направленную на заключение и исполнение с посетителем-игроком соглашения о выигрыше, включая прием денежных средств от игрока, зачисление их на игровой депозит, запуск игры (игрового оборудования), инструктаж игроков, оказание им консультативной помощи относительно правил азартной игры и получения выигрыша, выплату выигрыша игрокам, инкассацию денежных средств и другие осуществляемые с указанной целью действия. Представляется необходимым закрепить приведенные понятия нормативно, а именно путем отражения их в примечании к ст. 171.2 УК РФ.

Определение момента окончания преступления также вызывает правовые сложности. Так, А. А. Лаврушкина полагает, что незаконные организация и (или) проведение азартной игры признаются оконченными «с момента начала проведения азартной игры, то есть с момента заключения соглашения о выигрыше либо с начала осуществления действий по организа-

ции азартной игры» [9, с. 417]. Позиция данного автора представляется не в полной мере справедливой. Считаем, что незаконная организация азартной игры признается оконченной с момента совершения одного любого действия, направленного на создание условий для его незаконной игровой деятельности (подбора персонала, помещения, закупки игрового оборудования и т. д.) вне зависимости от того, будет ли совершение этих действий достаточным для осуществления игровой деятельности. Представляется правильным признавать оконченной незаконную организацию азартных игр с момента совершения всех действий, достаточных для возникновения условий для организации азартных игр. Иными словами, лишь одна закупка игрового оборудования для проведения азартных игр без подбора помещения, где эти игры будут проводиться, набора персонала, который будет обеспечивать проведение азартных игр, не могут образовывать состав оконченного преступления. В случае пресечения преступления на данном этапе или возникновения иных, не зависящих от лица, обстоятельств действия лица (организатора) следует признавать покушением на преступление, т. к. указанные действия непосредственно были направлены на совершение преступления (ч. 3 ст. 30 УК РФ).

В свою очередь, моментом окончания незаконного проведения азартных игр следует признавать совершение любого действия, связанного не только с заключением соглашения о выигрыше, но и его последующей реализацией. Представляется, что такое определение в большей степени отвечает практическим реалиям, поскольку не всегда все функции по проведению азартной игры (прием, выдача денежных средств, запуск игрового оборудования, осуществление консультативной помощи и т. д.) могут осуществляться одним лицом. Неоконченным преступлением, предусмотренным ст. 171.2 УК РФ, полагаем, нужно признавать такие действия лица, проводящего азартные игры, которые были направлены на заключение и (или) исполнение соглашения о выигрыше, однако это соглашение не было заключено и (или) исполнено по независящим от этого лица обстоятельствам (например, в случае отказа второй стороны, вследствие поломки игрового оборудования и т. п.).

Вместе с тем дискуссионным вопросом является квалификация деяний наемных работников: охранников, официантов, барменов, поваров и др., действия которых непосредственно не связаны с незаконными организацией или проведением азартных игр. Такие деяния оцениваются

¹ Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 29 января 2024 г. по делу № 1-118/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/G9sETFMiulJb/> (дата обращения: 09.09.2024).

судами неоднозначно. Например, Приволжский районный суд г. Казани в конкретном уголовном деле отметил, что квалификации в качестве преступного деяния подлежат только те действия, без которых игра бы не состоялась, вследствие чего лица, осуществляющие функции вышеупомянутых наемных работников, уголовной ответственности не подлежат¹. Аналогичной позиции придерживается Преображенский районный суд г. Москвы, который вынес оправдательный приговор в отношении гражданки В., обвиняемой в незаконном проведении азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны в составе организованной группы, сопряженном с извлечением дохода в особо крупном размере. В частности, в период функционирования незаконного игорного заведения гражданка В. являлась официанткой, в обязанности которой входило убирать мусор в помещении, а также разносить еду и напитки игрокам, за что она получала вознаграждение в размере 4000 рублей за трудовую смену. Денежные средства с целью последующего внесения на депозит игроков от посетителей гражданка В. не принимала, выплаты выигрышей и иные действия, связанные с проведением азартных игр, не осуществляла².

Однако в судебной практике встречаются и противоположные подходы к толкованию деяний наемных работников незаконных игорных заведений. Так, гражданин Г., вступив в предварительный преступный сговор с гражданином Ч., осуществляющим планирование и общее руководство незаконной игровой деятельностью, приискание помещения и игрового оборудования и распределение ролей в группе, а также с гражданкой К., осуществляющей функции кассира-оператора в части контроля звонков посетителей, приема денежных средств и выплаты выигрышей игрокам, выполнял функции охранника незаконного игорного заведения, а именно с разрешения кассира-оператора осуществлял пропуск игроков в помещение, контролировал порядок в нем, а также охранял имущество и денежные средства игорного заведения, за что получал материальное вознаграждение. Приговором Люберецкого районного суда Московской области гражданин Г. был признан виновным как лицо,

совершившее преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 171.2 УК РФ³.

Нам представляется, что наиболее верной является позиция, согласно которой незаконными признаются действия или бездействие наемных работников, непосредственно направленные на обеспечение деятельности незаконного игорного заведения, в т. ч. его охрана, а равно случаи оказания услуг, сопутствующих азартным играм (развлекательные услуги, услуги гостиничного сервиса, общественного питания и т. п.), только при условии, если лицо было осведомлено о преступных намерениях организатора азартных игр или лица, проводящих их, и вступило с ним в предварительный преступный сговор, т. е. действовало умышленно и в определенных целях.

На основании изложенного можно предложить следующие правила квалификации действий наемных работников:

1) непосредственными исполнителями, несущими ответственность по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ, следует признавать лиц (наемных работников), действия или бездействие которых были непосредственно направлены на незаконные организацию или проведение азартных игр (например, действия по ведению игры, распределению и выдаче выигрышей, приему денежных средств, зачислению денежных средств на счет заведения и т. д.). При этом они должны быть заранее осведомлены о преступных намерениях лица, организующего или проводящего азартные игры, и желать совершить указанные деяния. Действия их в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы будут квалифицироваться по ч. 2 и ч. 3 ст. 171.2 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ соответственно;

2) как пособничество в преступлении, предусмотренном ст. 171.2 УК РФ, следует признавать действия или бездействие наемных работников, заранее осведомленных о преступных намерениях лица, организующего или проводящего азартные игры, которые были непосредственно направлены на обеспечение деятельности игорного заведения. Такого рода действия, как осуществление охраны заведения, поддержание внутреннего порядка, осуществление контрольно-пропускного режима либо действия, сопутствующие осуществлению азартных игр (в т. ч. развлекательные услуги, услуги гостиничного сервиса, общественного питания и т. п.),

¹ Приговор Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан г. по делу № 1-292/2017 от 27.09.2017. URL: <http://sud-praktika.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

² Приговор Преображенского районного суда г. Москвы от 6 декабря 2018 г. по делу № 1-465/2018. URL: <https://advokat-moskwa.ru/оправдательный-приговор-по-статье-171-2-у/> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 8 декабря 2023 г. по делу № 1-888/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RotyC5soYaJp/> (дата обращения: 09.09.2024).

подлежат квалификации по ч. 2 или ч. 3 ст. 171.2 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ;

3) в качестве деяний, не образующих состав преступления, предусмотренный ст. 171.2 УК РФ, следует оценивать действия или бездействие лиц, которые напрямую не были связаны с незаконными организацией или проведением азартных игр, непосредственно не были направлены на обеспечение деятельности незаконного игорного заведения. В эту же группу следует отнести и иные действия или бездействие наемных работников, которые не были осведомлены о противоправном характере деятельности игорного заведения.

Как уже отмечалось нами выше, для квалификации деяния в качестве преступления зачастую имеет значение, было ли оно совершено в игорной зоне или вне ее пределов. Под игорной зоной законодателем понимается часть территории Российской Федерации, предназначенная для организации и проведения азартных игр. Так, игорные заведения (казино, залы игровых автоматов) могут создаваться организатором исключительно в пределах игорной зоны, при этом количество создаваемых им игорных заведений, а также используемого игрового оборудования не ограничено. Для осуществления игорной деятельности в игорных зонах требуется соответствующее разрешение, выдаваемое органом управления игорной зоной соответствующего субъекта Российской Федерации.

В России выделено пять игорных зон, действующих на территории следующих субъектов: Алтайский край, Приморский край, Краснодарский край, Республика Крым и Калининградская область. Вне указанных игорных зон запрещено организовывать и проводить азартные игры с использованием игрового оборудования. Важно заметить, что порядок создания, изменения границ и ликвидации игорных зон определяется Правительством Российской Федерации по предложениям субъектов Российской Федерации, а в пределах территории Республики Крым — в целом органами исполнительной власти Республики. Следовательно, действие игорной зоны распространяется лишь на часть территории субъекта Российской Федерации. Например, распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.02.2008 № 155-р игорная зона «Сибирская монета» была создана на территории Алтайского края, ее границы были определены кадастровыми планами земельных участков 22:02:0:0002 и 22:02:250005:0644, а площадь составляет 2304,2 га.

В качестве средства совершения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, высту-

пающего обязательным признаком его объективной стороны при организации или проведении азартных игр вне игорной зоны, является игровое оборудование. Под игровым оборудованием понимаются приспособления или устройства, используемые для проведения азартных игр. В частности, законодатель относит к ним игровые столы и игровые автоматы. Игровой автомат представляет собой электронное, механическое, техническое или электрическое оборудование, которое используется в целях проведения азартных игр с материальным выигрышем, определяемым случайным образом без участия организатора или его работников за счет работы устройства, расположенного внутри или вне корпуса игрового автомата, либо программы для электронно-вычислительных машин¹.

Исследуя природу игрового оборудования, И. Н. Мосечкин справедливо отмечает, что зачастую с целью избежания уголовной ответственности организаторы азартных игр, имеющие лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг, используют биржевые терминалы или торгово-вексельные системы, графический интерфейс которых полностью соответствует азартным играм. Посетитель играет в привычные азартные игры, однако неосознанно выходит на торговые площадки и осуществляемые терминалом внебиржевые торги. При этом Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 19 января 2015 г. отменил как незаконные решения нижестоящих судов, ссылаясь на результаты экспертных исследований, согласно которым используемые терминалы не являются игровым оборудованием, а используются для выхода на торговые площадки, регистрации клиентов, автоматизации документооборота и осуществления внебиржевых торгов, а также на то, что собственник такого оборудования является лицензированным профессиональным участником рынка ценных бумаг. Вследствие этого И. Н. Мосечкин считает необходимым уточнить нормативное определение игрового автомата и рассматривать его как игровое оборудование, предназначенное не только для проведения, но и имитации азартных игр [10].

Следует отметить, что Федеральным законом Российской Федерации от 10.07.2023 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон

¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в ред. от 19.04.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 7. Ст. 900.

“О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”» был установлен запрет на использование в тотализаторах или букмекерских конторах программ для электронно-вычислительных машин, игровых автоматов, игровых столов, а также иного оборудования (механического, электрического, технического, электронного), которое полностью или частично копирует работу игрового оборудования, в т. ч. в части использования рисунков, символов, визуальных образов, тождественных или сходных до степени смешения с используемыми для проведения азартных игр в залах игровых автоматов или казино. Изменения вступили в силу с 1 сентября 2024 г. Представляется, что они позволят восполнить возникший правовой пробел и повысят эффективность противодействия незаконной игорной деятельности.

Вместе с тем средствами совершения преступления суды часто признают не только собственно игровое оборудование, но и роутеры, маршрутизаторы, системные блоки, персональные компьютеры, ноутбуки и планшеты, смартфоны, мобильные телефоны, в т. ч. имеющие доступ к информационно-телекоммуникационным сетям. Полагаем, что подобное толкование является справедливым, в связи с чем под средствами незаконных организации и (или) проведения азартных игр необходимо понимать любые материальные и нематериальные предметы, в т. ч. программное обеспечение, информационные технологии, с помощью которых проводились азартные игры и (или) обеспечивалась деятельность игорного заведения в целом.

Субъективная сторона анализируемого нами состава преступления характеризуется умышленной формой вины, о которой зачастую свидетельствуют активность субъекта преступления, осознанность, спланированность действий, наличие конспиративных схем, четкое распределение ролей между участниками преступной группы, приискание подходящего помещения и игрового оборудования и т. д. Преобладающим мотивом выступают корыстные побуждения, стремление получить доход от незаконных организации или проведения азартных игр, при этом в отношении извлекаемого дохода умысел обычно является неконкретизированным.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста шестнадцати лет. Вместе с тем в правоприменительной практике нередко встречаются случаи, когда в целях конспирации незаконной игорной деятельности

физические лица создают или пользуются возможностями уже созданного юридического лица. Например, согласно уставу акционерного общества «П.», оно было создано в соответствии с действующим законодательством РФ на неограниченный срок, являлось коммерческим юридическим лицом, основным видом деятельности которого выступал прием интерактивных ставок на спорт. Не позднее 27 января 2022 г. гражданин М., назначенный на должность менеджера в филиал акционерного общества в соответствии с трудовым договором от 14 декабря 2021 г., осознавая, что на территории г. Саратова не создана игорная зона, вследствие чего организация и проведение азартных игр с использованием игрового оборудования там запрещены, с целью личного обогащения, без уведомления собственника филиала акционерного общества о своем преступном умысле, предложил не менее четырем лицам вступить с ним в предварительный сговор и работать в качестве операторов-кассиров игрового зала и под видом уже действующего юридического лица совместно с ним незаконно проводить азартные игры с использованием компьютеров, на которые в последующем было установлено программное обеспечение, позволяющее проводить азартные игры, на что последние согласились. С целью придания законного вида осуществляемой ими игорной деятельности, а также введения в заблуждение сотрудников правоохранительных органов в игорном зале группой лиц по предварительному сговору им были размещены таблицы о проведении букмекерской деятельности, которая являлась основным видом деятельности юридического лица. Однако из показаний свидетелей, результатов оперативно-розыскных мероприятий, заключений экспертов и иных процессуальных документов следовало, что ставки на спорт никто в указанном помещении не делал и делать не предлагал, посетители играли в обычные азартные игры. Иными словами, под видом законной букмекерской деятельности группой лиц по предварительному сговору незаконно проводились азартные игры с использованием игрового оборудования и вне игорной зоны. Приговором Кировского районного суда г. Саратова гражданин М. и иные лица, входящие совместно с ним в состав группы лиц по предварительному сговору, были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 171.2 УК РФ¹.

¹ Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 15 января 2024 г. по делу № 1-18/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SnKq09ijwmNR/> (дата обращения: 09.09.2024).

Таким образом, по итогам изложенного можно сделать следующие выводы:

1) в качестве непосредственного объекта преступного посягательства, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, предлагаем признавать общественные отношения, складывающиеся в экономической сфере деятельности, а именно в связи с организацией и проведением азартных игр, дополнительным непосредственным объектом этого преступления — общественную нравственность и здоровье населения;

2) следует нормативно закрепить в примечании ст. 171.2 УК РФ понятия «незаконная орга-

низация азартных игр» и «незаконное проведение азартных игр»;

3) в качестве момента окончания незаконной организации азартных игр предлагаем считать момент совершения всех действий, достаточных для возникновения условий для организации азартных игр, а моментом окончания незаконного проведения азартных игр, в свою очередь, признавать момент совершения любого действия, связанного не только с заключением соглашения о выигрыше, но и с его последующим исполнением.

Список источников

1. Семенов И. А., Кучерин Р. В. Лудомания как проявление социальной аддикции // Социальные отношения. 2024. № 1 (48). С. 77–84.
2. Дубровская Т. С. К вопросу о проблеме определения объекта уголовно-правовой охраны ст. 171.2 УК РФ // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 12 (75). С. 472–476.
3. Богданов Е. А. Подходы к определению термина «азартная игра» // Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности. 2023. № 1. С. 84–88.
4. Кормильцева С. О. Уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 119–123.
5. Евтушенко И. И. Понятие и место предмета преступления в конструкции состава преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 326–333.
6. Барсуков А. О. Проблемы оценки признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. 2024. № 35. С. 97–101.
7. Шевкопляс Н. П. Специфика незаконных организации и проведения азартных игр как продолжаемого преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 2. С. 120–129.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный, 9-е изд., перераб. и доп.) / отв. ред. Г. А. Есаков. М.: Проспект, 2021. 274 с.
9. Лаврушкина А. А. Характеристика объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 10. С. 416–421.
10. Мосечкин И. Н. Направления совершенствования уголовно-правовых мер противодействия незаконной игровой деятельности // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности. 2022. № 2. С. 31–35.

References

1. Semenov I. A., Kucherin R. V. Ludomaniya kak proyavlenie sotsial'noy addiktzii // Sotsial'nye otnosheniya. 2024. № 1 (48). S. 77–84.
2. Dubrovskaya T. S. K voprosu o probleme opredeleniya ob"ekta ugodovno-pravovoy okhrany st. 171.2 UK RF // Alleya nauki. 2022. T. 1, № 12 (75). S. 472–476.
3. Bogdanov E. A. Podkhody k opredeleniyu termina «azartnaya igra» // Vyzovy globalizatsii i razvitie tsifrovogo obshchestva v usloviyakh novoy real'nosti. 2023. № 1. S. 84–88.
4. Kormil'tseva S. O. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnyuyu organizatsiyu i provedenie azartnykh igr // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1 (23). S. 119–123.
5. Evtushenko I. I. Ponyatie i mesto predmeta prestupleniya v konstruktsii sostava prestupleniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75), № 1. S. 326–333.
6. Barsukov A. O. Problemy otsenki priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 171.2 UK RF // Sledstvennaya deyatel'nost': problemy, ikh reshenie, perspektivy razvitiya. 2024. № 35. S. 97–101.

7. Shevkoplyas N. P. Spetsifika nezakonnykh organizatsii i provedeniya azartnykh igr kak prodolzhaemogo prestupleniya // Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke. 2023. № 2. S. 120–129.
8. Kommentariy k Uголовnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy, 9-e izd., pererab. I dop.) / otv. red. G. A. Esakov. M.: Prospekt, 2021. 274 s.
9. Lavrushkina A. A. Kharakteristika ob"ektivnoy storony sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 171.2 Uголовnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Byulleten' nauki i praktiki. 2018. T. 4, № 10. S. 416–421.
10. Mosechkin I. N. Napravleniya sovershenstvovaniya uголовno-pravovykh mer protivodeystviya nezakonnoy igornoй deyatelnosti // Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoy real'nosti. 2022. № 2. S. 31–35.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.

РАССМОТРЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ ОТВОДА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александр Александрович Топчиев

Академия управления МВД России, Москва, Россия, totopus@mail.ru

Аннотация. В статье проводится исследование такого правового явления, как отвод в уголовном процессе. В целях установления сущности данного явления автор анализирует различные подходы ученых, на основе которых приходит к выводу о существовании дополнительного производства по разрешению отводов в рамках уголовного дела, поскольку процедура разрешения заявленного отвода обладает ключевыми элементами, образующими самостоятельное производство. Кроме этого, автор выявляет существующие проблемы института отвода и предлагает пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части регламентации порядка производства по заявленным отводам в целях повышения эффективности использования института отвода в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: отвод, производство, дополнительное производство, принципы уголовного судопроизводства, порядок отвода

Для цитирования: Топчиев А. А. Рассмотрение и разрешение отвода как дополнительное производство в уголовном процессе // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 135–142.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONSIDERATION AND RESOLUTION OF CHALLENGE AS AN ADDITIONAL PROCEEDING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexandr A. Topchiev

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, totopus@mail.ru

Abstract. The author conducts a study of such a legal phenomenon as a challenge in criminal proceedings. In order to establish the essence of this phenomenon, the author analyzes various approaches of scientists, on the basis of which he comes to the conclusion about the existence of additional proceedings to resolve challenges in the criminal case, since the procedure for resolving the claimed challenge has key elements that form an independent proceeding. In addition, the author identifies the existing problems of the institution of challenge and suggests ways to improve the criminal procedural legislation in terms of regulating the procedure of proceedings on the claimed challenges in order to increase the effectiveness of the use of the institution of challenge in criminal proceedings.

Key words: challenge, proceedings, additional proceedings, principles of criminal proceedings, recusal procedure

For citation: Topchiev A. A. Consideration and resolution of challenge as an additional proceeding in criminal proceedings // Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2025;1:135–142 (In Russ.).

Процессуальная форма как фундаментальное понятие в науке уголовного процесса было выработано учеными еще в XX в. [1, с. 31–36], однако и в настоящее время вопросы определения ее сущности, содержания и дифференциации остаются актуальными и находят свое отражение в многочисленных работах современных авторов [2, с. 5–20]. Причина продолжения выработки различных подходов к такому явлению заключается в обилии признаков, по которым можно выделять различные производства, которые, как отмечает Ю. К. Якимович, дополняют уголовный процесс и обуславливают применение норм уголовного материального права [3, с. 9–16].

Перспективным направлением научных исследований в настоящее время считается разработка проблем так называемой горизонтальной и вертикальной дифференциации уголовно-процессуальной формы; продолжаются дискуссии о целесообразности данного метода совершенствования уголовного судопроизводства, общих тенденциях [4, с. 67–69] и более частных направлениях его реализации, дальнейшем совершенствовании сокращенной формы дознания [2, с. 5–20], дифференциации форм производства в судах [5, с. 36–42]. Однако, по нашему мнению, до настоящего времени вне фокуса научных исследований оставались вопросы «горизонтальной» дифференциации процессуальной формы, которая в отличие от «вертикальной» не имеет своей целью выделить или образовать отдельное производство, а служит для выявления особенностей в рамках каких-либо стадий или процедур в основном производстве [5, с. 36–42].

Одним из оснований дифференциации процессуальной формы традиционно признается предмет процессуальной деятельности — то, по поводу чего возникают те или иные уголовно-процессуальные правоотношения на определенном этапе производства по уголовному делу. Однако такой подход порождает и целый ряд вопросов. Например, образуют ли самостоятельные процессуальные формы рассмотрение и разрешение жалоб и ходатайств? Можно ли говорить об особой процессуальной форме судебного контроля в досудебном производстве? В этом же ряду, на наш взгляд, стоит вопрос: является ли рассмотрение и разрешение отвода особым производством?

Но прежде чем сформулировать ответ на данный вопрос, необходимо определиться, что первично: форма, т. е. внешние границы, описывающие правовое поле однородных правоотношений, или содержание, т. е. конкретные нормы права и механизмы правового регулирования? По нашему мнению, первично содержание, по-

скольку существование формы невозможно без наличия самих правоотношений. Последующая их регламентация приводит к выработке правовых механизмов, а в дальнейшем — к созданию целого производства. Наличие самостоятельного предмета, выделение развитых правовых механизмов выступают основой функционирования самостоятельного производства. Поэтому считаем необходимым для ответа на вопрос о возможности рассмотрения отвода как дополнительного производства в рамках уголовного дела для начала разобраться с предметом такого производства, после чего постараться обосновать, является ли оно составной частью производства с единой процессуальной формой или является дополнительным производством, которое существует наряду с основным производством.

Чтобы уяснить предмет отвода, необходимо разобраться с природой данного понятия. В науке закрепилось следующее определение института отвода — «совокупность норм, обеспечивающих объективность и беспристрастность лиц, участвующих в расследовании и судебном рассмотрении дела, а также выполняющих другие требования уголовно-процессуального и иного законодательства, определяющих, какие лица и при каких обстоятельствах не могут участвовать в деле» [6, с. 15–16]. Однако такая позиция вполне обоснованно подвергается критике. Как отмечает А. С. Таран, такое определение корректно только по отношению к профессиональным участникам процесса, поскольку именно их деятельность можно охарактеризовать категориями «объективность» и «беспристрастность», однако «если взять такое основание для отвода эксперта, специалиста и переводчика, как “обнаружившаяся некомпетентность” (ч. 2 ст. 62, п. 3 ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71 УПК РФ), то никакого отношения к объективности и беспристрастности указанных лиц по отношению к конкретному делу оно не имеет» [7]. Соглашаясь с указанной позицией, отметим, что, по нашему мнению, под категорию «объективность» подпадают случаи, когда эксперт выносит заключение, не используя методы, наиболее подходящие для проведения конкретного исследования, в результате чего заключение эксперта соблюдает требования законности, однако требования объективности, считаем, не выполнены. Ввиду этого возникает вопрос: через какие категории в уголовно-процессуальном законодательстве раскрывается сущность отвода?

Согласно ч. 2 ст. 61 УПК РФ судья, дознаватель, следователь, начальник органа дознания и другие подлежат отводу в случае, если «имеются иные обстоятельства, дающие основание

полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела»¹. Таким образом в рамках уголовного судопроизводства основной категорией, через которую познается сущность рассматриваемых правоотношений, является заинтересованность лица, подлежащего отводу. Обращаясь к гражданско-процессуальному законодательству, стоит обратить внимание на ст. 16 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), положения которой несколько отличаются от нормы, закрепленной в ст. 61 УПК РФ. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ мировой судья, а также судья не может рассматривать дело и подлежит отводу, если он «лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности»². Как мы видим, в указанной норме наравне с категорией «заинтересованность» законодатель использует категории «объективность» и «беспристрастность». Как отмечает С. С. Ампенев, «объективность — категория, нацеленная на установление и оценку фактических обстоятельств дела, а беспристрастность — на отношение к лицам, участвующим в деле. В совокупности эти категории означают, что судья при рассмотрении материалов конкретного уголовного дела субъективно свободен от личных предубеждений или пристрастий по отношению к участникам процесса» [8, с. 61–62]. Действие данных категорий в комплексе позволяет охватить более широкий круг обстоятельств, при которых возможно возникновение процессуальных правоотношений, связанных с заявлением и разрешением отвода.

В силу того что институт отвода имеется в различных судопроизводствах и служит для урегулирования однородных правоотношений, каких-либо предпосылок к закреплению данных категорий именно в гражданском процессе мы не усматриваем. В связи с чем считаем необходимым определить круг категорий, через которые возможно будет познать сущность данного межотраслевого процессуального явления и возникновение которых будет свидетельствовать о необходимости начала соответствующего про-

изводства. Содержание рассматриваемых нами категорий «беспристрастности», «объективности», «заинтересованности» не зависит от формы судопроизводства или от того, на какой стадии находится правовой спор.

В судебной практике также имеются примеры, указывающие на использование категорий объективности и беспристрастности при заявлении отводов. Так, при рассмотрении уголовного дела Центральным районным судом г. Волгограда защитником К. заявлен отвод председательствующему в судебном заседании судье в связи с наличием сомнений в его объективности и беспристрастности, поскольку судьей вопреки позиции защиты и прокурора в судебном заседании удовлетворено ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого В. При этом, со слов родственников последнего, перед судебным заседанием имело место непроцессуальное общение судьи со следователем. Более конкретных сведений в распоряжении защиты не имеется. По результатам рассмотрения заявленного отвода судом принято решение об отказе в удовлетворении отвода, однако каких-либо аргументов, опровергающих позицию стороны защиты, приведено не было, указано лишь на необоснованность доводов стороны защиты. При этом пояснений судьи и следователя предоставлено не было, в постановлении об отказе в удовлетворении заявления об отводе данная информация также не отражалась³.

Вопрос объективности судьи возникает и в следующем примере: в апелляционной жалобе, поступившей в Саратовский областной суд, представитель потерпевшего указывает на незаконность вынесенного решения судьи нижестоящей инстанции об отказе в удовлетворении поступившего ходатайства об отводе судьи. Для обоснования своей позиции представитель потерпевшего приводит следующие аргументы: суд незаконно отказал представителям потерпевшего в удовлетворении заявленных в ходе рассмотрения дела ходатайств, умышленно не назначил проведение предварительного слушания; судом допущены процессуальные нарушения, выразившиеся в неизвещении представителей потерпевшего о том, какие свидетели будут допрашиваться в следующем судебном заседании, тем самым лишив их возможности подготовиться к допросу; воспрепятствование представителю

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Обзор практики рассмотрения федеральными судьями заявленных отводов и самоотводов при рассмотрении судебных дел за 2018 год. URL: <http://vgg.ssrf.ru/dokumenty/obzory/33391> (дата обращения: 08.11.2024).

потерпевшего задать вопросы свидетелям Смиркину В. И. и Песчанскому Д. В. и проведение судебного заседания в отсутствие одного из представителя потерпевшего (Ушакова Б. В.) при наличии возражений; непредоставление возможности ознакомиться с показаниями свидетелей, допрошенных в суде; рассмотрение ходатайств об отводе без удаления в совещательную комнату. Позиция Саратовского областного суда была неоднозначна: «Оснований для вывода о предвзятом отношении председательствующего к одной из сторон судебного разбирательства, необъективном ведении процесса не имеется. В связи с отсутствием предусмотренных ст. 61 и 63 УПК РФ обстоятельств для отвода судьи в удовлетворении заявленного представителями потерпевшего ходатайства было обоснованно отказано»¹. Как и в предыдущем примере, по существу обстоятельства отвода судом рассмотрены не были.

Таким образом предметом производства по разрешению отводов является вопрос о беспристрастности, объективности и незаинтересованности участников уголовного судопроизводства и возможности их дальнейшего участия в уголовном процессе. Важно отметить, что данный предмет производства никак напрямую не связан с установлением обстоятельств совершения преступления, причастности лица к совершению данного преступления, квалификации содеянного и т. д., поэтому данное производство является дополнительным, реализуемым одновременно с основным производством.

Выявление особого предмета производства и его цели обуславливает установление средств, с помощью которых участники правоотношений могут реализовывать свои права и обязанности.

Обращаясь к правовым средствам, которыми наделены стороны при разрешении отвода, необходимо обозначить роль принципа состязательности сторон. Данный принцип уголовного процесса, берущий свое начало в п. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, является объектом споров различных ученых². В науке принцип состязательности сторон рассматривается в рамках всего производства по уголовному делу и заключается в четком разделении процессуальных функций стороны защиты, обвинения и отделения их от функций разрешения дела [9,

с. 45]. При этом многие ученые в своих работах отмечают, что указанный принцип в полной мере реализуется только на судебных стадиях уголовного процесса и на стадии предварительного расследования реализация его вызывает сомнения [10, с. 28].

Одним из способов реализации данного принципа является возможность обеих сторон предоставлять информацию для наиболее полного и всестороннего исследования обстоятельств дела. Стоит отметить, что такой возможностью наделяется сторона защиты с момента начала ее фактического участия в уголовно-процессуальных правоотношениях. Заявление ходатайств следователю или дознавателю является эффективным средством собирания доказательств стороны защиты по уголовному делу. Однако возможно ли проецировать указанные средства стороны защиты на производство по заявленным отводам?

Особенностью рассмотрения заявления об отводе на стадии предварительного расследования является его трансформация в своеобразное состязание между стороной, заявившей отвод, и субъектом, подлежащим отводу, поскольку фактически решается дальнейшая судьба участника уголовного дела, реализация им своих полномочий. Ввиду этого предоставление информации, подтверждающей заинтересованность участника уголовного судопроизводства, играет ключевую роль при принятии решения по такого рода заявлению. Отсутствие каких-либо эффективных механизмов собирания информации и предоставления ее стороной защиты, по нашему мнению, негативно сказывается при разрешении отводов на практике, а совмещение следователем функции разрешения заявления и в то же время нахождение в статусе одной из сторон образовавшегося спора нередко приводит к отказу в удовлетворении такого рода ходатайств.

Ввиду этого особую важность представляет определение процессуальных средств, которые и создают рамки самостоятельных производств: круг прав субъектов правоотношений, основания их возникновения, порядок и условия производства. Именно порядок и условия производства по заявленным отводам являются наименее регламентированной гл. 9 УПК РФ. Существующий комплекс норм, образующих институт отвода, не предусматривает каких-либо процедур сбора, проверки и оценки информации, подтверждающей факт наличия обстоятельства, исключающего участие конкретного лица в уголовном деле.

Данную проблему ранее освещал М. В. Горский в своем диссертационном исследовании, посвященном механизму правового регулирования

¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 05.08.2023 № 22-2586/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 08.11.2024).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния отводов, и говорил о необходимости проработки указанной проблемы на законодательном уровне [11, с. 5]. Мы полностью солидарны с позицией автора, поскольку данное упущение может приводить к принятию уполномоченным лицом решения, не соответствующего закону, что, в свою очередь приводит к существенному нарушению прав лица, заявляющего такое ходатайство.

Особенностью процедуры отвода является разрешение вопроса о заинтересованности и пристрастности путем оценки приведенных доводов и сведений, предоставленных субъектом, заявившим отвод. В этой связи важно отметить, что вопрос о разрешении отвода никак не соотносится с процессом доказывания по уголовному делу. Доказывание по уголовному делу направлено на установление обстоятельств, закрепленных в ст. 73 УПК РФ, которые в последующем определяют «судьбу» уголовного дела. Разрешение отвода, в свою очередь, не влияет на принятие итогового решения по делу, оно является промежуточным решением, принимаемым в рамках той или иной стадии уголовного судопроизводства в целях обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Однако, несмотря на различное назначение данных производств, оба они связаны с оценкой получаемой информации. Если в первом случае законодательство предусматривает правовой механизм, который предъявляет определенные требования к форме доказательств, процедуре их оформления, их допустимости, то во втором случае нет какого-либо правового механизма сбора и оценки полученной информации.

Указанная проблема на практике порождает вопросы отвода некоторых участников уголовного судопроизводства, поскольку их отвод может быть разрешен должностным лицом без какого-либо всестороннего рассмотрения и предоставления дополнительной информации для принятия объективного решения. Каких-либо способов подтверждения своей компетентности специалиста или эксперта закон не содержит (ни в гл. 9 УПК РФ, ни в соответствующих статьях, посвященных указанным субъектам). Учитывая, что от принимаемого уполномоченным лицом решения об отводе участника уголовного судопроизводства зависит дальнейшее участие и возможность реализации своих прав последнего, необходимость самостоятельного производства, где оба субъекта способны предоставить необходимые сведения по разрешению отвода, представляется необходимой мерой для соблюдения законности уголовного судопроизводства.

Таким образом, процессуальные средства, которыми могут оперировать стороны отвода, законодательно не регламентированы. В статье 65 УПК РФ предусмотрена возможность судье изложить объяснение по заявленному в отношении него отводу. Для других участников уголовного судопроизводства, которым заявлен отвод, подобного процессуального средства УПК РФ не предусматривает. Невозможность исследования всех обстоятельств заявленного отвода по причине отсутствия четко очерченного круга правовых средств грозит вынесением необъективных, а как следствие, незаконных решений по заявленным отводам. Поэтому мы считаем необходимым развивать нормы, регламентирующие способы собирания стороной защиты доказательств и информации, относящейся не только к уголовному делу, но и которая может свидетельствовать о необъективности и заинтересованности участников уголовного судопроизводства. Аналогичные средства необходимо закрепить и для других участников уголовного процесса. Для принятия законного и объективного решения по заявленному отводу, считаем, одной ссылки на нормы УПК РФ, которые регламентируют основания отвода участников уголовного судопроизводства, недостаточно. Необходимо всестороннее исследование обстоятельств заявленного отвода и обязательное отражение результатов проведенного исследования в итоговом решении.

Каждое производство имеет четко установленные законодателем сроки. Установление конкретного временного промежутка на осуществление каких-либо процедур является одним из существенных и неотъемлемых элементов установленного законом порядка производства по уголовному делу. Сроки имеют существенное значение в регулировании общественных отношений, ввиду этого их ограничение позволяет участникам не только осуществлять правоотношения в их рамках, но и иметь возможность обжаловать решения, выносимые в нарушение процессуальных сроков.

Рассматривая производство по отводу участников уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что гл. 9 УПК РФ предусматривает только субъектов, уполномоченных принимать решения об отводе, сроки принятия такого решения данная глава не содержит. В теории уголовного процесса существуют различные точки зрения об использовании аналогии при реализации уголовно-процессуальных норм [12]. С одной стороны, они дополнительно не «нагружают» законодательство и позволяют более широко и свободно использовать нормы УПК РФ,

с другой стороны, недостаточная нормативность может приводить к нарушению прав участвующих в уголовном процессе лиц, ведущему к нарушению законности уголовного процесса в целом. Поэтому считаем необходимым нормативное закрепление сроков разрешения отвода в рамках гл. 9 УПК РФ.

В науке уголовного процесса также просматривается неоднозначность в подходах к рассмотрению сроков разрешения отводов. Авторы рассматривают процедуру отвода во взаимосвязи с различными институтами уголовного судопроизводства. Так, С. П. Щерба рассматривает институт отвода во взаимосвязи с институтом заявлений, делая акцент на том, что, реализуя свое право на законность судебного разбирательства, лицо вправе выразить это право в форме заявления об отводе одного из участников судебного процесса [13, с. 130]. В свою очередь, Х. А. Мамедова в своем диссертационном исследовании, посвященном институту отвода, рассматривает такую реализацию права только через институт ходатайств [6].

Позиции указанных авторов вполне обоснованны, однако считаем необходимым обратиться к институту жалоб, который, по нашему мнению, также играет важную роль при разрешении отвода. Рассматривая самоотвод участника уголовного процесса в качестве эффективного средства реализации принципа законности путем самоустранения заинтересованного лица, необходимо отметить, что такое решение всегда является прямым действием и характеризуется прямым волеизъявлением. Для должностных лиц закон прямо устанавливает обязанность самоустранения от участия в производстве по уголовному делу, в свою очередь, невыполнение указанных действий, прямо установленных в законе, является бездействием и, более того, нарушением действующих норм УПК РФ. В свою очередь, бездействие должностных лиц и нарушение ими установленного закона являются непосредственным предметом института жалоб. Таким образом, невыполнение лицом прямо установленной обязанности заявить самоотвод считаем необходимым рассматривать в рамках института обжалования.

Непопулярность такого подхода, считаем, связана со следующим: процедура разрешения отвода направлена в первую очередь на законность процессуальной деятельности по уголовному делу в целом, а не на доказывание по нему. Однако в защиту своей позиции отметим, что процедура отвода и процедура рассмотрения жалоб схожи в их сущности, которая заключается в установлении обстоятельств (в первом случае,

которые свидетельствуют о незаконности вынесенного решения, во втором — которые свидетельствуют о заинтересованности участника уголовного судопроизводства).

Институт отвода по своей специфике, по нашему мнению, объединяет и положения института ходатайств (в случае, к примеру, заявления защитником следователю ходатайства об отводе специалиста), и института жалоб (в случае неустранения следователя при наличии оснований, исключающих участие в уголовном судопроизводстве). Однако такая разнородность заявляемых «прошений» не позволяет в полной мере использовать аналогию одного из рассматриваемых выше институтов к срокам принятия решения по заявленному отводу.

Учитывая это, считаем невозможным применение аналогии к срокам производства по разрешению отвода участников уголовного процесса. Необходимо нормативное закрепление самостоятельных сроков, которые позволят обеспечить унификацию данного производства. Считаем, что наиболее приемлемыми сроками принятия решения об отводе участника уголовного судопроизводства следует считать сроки, установленные для принятия решения по жалобам, поскольку они позволяют в полной мере установить все необходимые обстоятельства для принятия решения и имеется возможность продления в случаях невозможности собирания достаточных сведений в установленный срок.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что в настоящее время процедура разрешения заявленного отвода обладает ключевыми элементами, свидетельствующими о перспективе формирования в дополнительное производство в рамках уголовного дела, имеющее свой предмет, прямо не относящийся к установлению обстоятельств дела. Рассматривая назначение института отвода, можно с полной уверенностью сказать, что он направлен на осуществление прав и обязанностей всех участвующих в уголовном процессе лиц, регулирует деятельность уполномоченных лиц, направлен на соблюдение принципов уголовного судопроизводства. В связи с этим требуется углубленная разработка механизма правового регулирования данных правоотношений в целях определения процессуальных средств, которые могут быть использованы сторонами в процессе разрешения отвода. Необходимо разработать и регламентировать процедуры отвода различных участников судопроизводства, что позволит унифицировать порядок разрешения отводов и избавиться от внепроцессуального порядка сбора информации в целях обоснования заявляемого отвода. Необходимо установить

в гл. 9 УПК РФ сроки разрешения отвода, определить правовые средства, которыми могут пользоваться субъекты при разрешении отвода (закрепить процессуально возможность сбора информации сторонами, ввести дополнительную статью, в которой определить обстоятельства, подлежащие установлению до вынесения итогового решения по заявленному отводу), а исходя из этого, решить более глобальный вопрос: какие принципы уголовного судопроизводства могут распространяться на разрешение отвода, которое является дополнительным производством? Мы считаем, что такой принцип, как состязатель-

ность сторон, должен распространяться на данное производство, в связи с этим необходимо дополнительное усовершенствование правового механизма, позволяющего обеим сторонам в равной степени предоставлять сведения для отстаивания своих интересов. Для реализации принципа законности считаем необходимым предусмотреть право стороне, которой заявлен отвод, давать письменно объяснения при возникновении подозрений в ее заинтересованности в целях вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения субъектом, разрешающим отвод.

Список источников

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 252 с.
2. Азаров В. А., Боярская А. В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 5–20.
3. Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / под ред. И. Е. Карасева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 138 с.
4. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9 (118). С. 67–79.
5. Манова Н. С. О некоторых проблемах судебного обжалования действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 36–43.
6. Мамедова Х. А. Институт отводов в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 190 с.
7. Таран А. С. Отвод как правовой институт // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-2 (122). С. 120–124.
8. Ампенев С. С. Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. 190 с.
9. Никитина И. В. Принцип состязательности и проблемы его реализации в стадии судебного разбирательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 269 с.
10. Карякин Е. А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики): монография. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2015. 98 с.
11. Горский М. В. Механизм правового регулирования отводов участников уголовного судопроизводства: процессуальное и криминалистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 249 с.
12. Победин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.
13. Щерба С. П. Институт отводов в уголовном процессе России: теория, законодательство, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 296 с.

References

1. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. Oчерk razvitiya nauki sovetskogo ugodovnogo protsesssa. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1980. 252 s.
2. Azarov V. A., Boyarskaya A. V. Ugodovno-protsessual'naya forma: ponyatie, svoystva, sistema // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2020. № 37. S. 5–20.
3. Yakimovich Yu. K. Struktura sovetskogo ugodovnogo protsesssa: sistema stadiy i sistema proizvodstv. Osnovnye i dopolnitel'nye proizvodstva / pod red. I. E. Karaseva. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991. 138 s.
4. Rossinskiy S. B. Ugodovno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2020. № 9 (118). S. 67–79.

5. Manova N. S. O nekotorykh problemakh sudebnogo obzhalovaniya deystviy i resheniy dolzhnostnykh lits, osushchestvlyayushchikh ugolovnoe presledovanie // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2020. № 3. S. 36–43.
6. Mamedova Kh. A. Institut otvodov v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1984. 190 s.
7. Taran A. S. Otvod kak pravovoy institut // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 11-2 (122). S. 120–124.
8. Ampenov S. S. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie uchastie v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen', 2010. 190 s.
9. Nikitina I. V. Printsip sostyazatel'nosti i problemy ego realizatsii v stadii sudebnogo razbiratel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 269 s.
10. Karyakin E. A. Realizatsiya printsipa sostyazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve (voprosy teorii i praktiki): monografiya. Orenburg: GOU OGU, 2015. 98 s.
11. Gorskiy M. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otvodov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: protsessual'noe i kriminalisticheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Voronezh, 2009. 249 s.
12. Pobedkin A. V. Kriterii pravomernosti primeneniya analogii v ugolovnom sudoproizvodstve // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 4 (56). S. 66–77.
13. Shcherba S. P. Institut otvodov v ugolovnom protsesse Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika: monografiya. M.: Yurlitinform, 2023. 296 s.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024; одобрена после рецензирования 26.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 25.11.2024; approved after reviewing 26.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.

Научная статья

УДК 343.24

Лилия Владимировна Черепанова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

cherepanovalv@mail.ru

О МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО ЗАМЕНЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ ЗЛОСТНОМ УКЛОНЕНИИ ОТ ЕГО ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Аннотация. Обращение к теоретическим аспектам уголовно-процессуальной деятельности на этапе исполнения приговора обусловлено «неисправностью» правового механизма регулирования порядка подготовки и проведения судебного заседания по замене лишением свободы наказания при злостном уклонении от его отбывания. Исследование отдельных прикладных проблем своеобразной, своего рода уникальной стадии уголовного процесса (или особого производства) наглядно демонстрирует острую потребность всесторонней доктринальной проработки сущности деятельности, осуществляемой при исполнении приговора. С позиций уголовно-процессуальной деятельности рассматриваемого этапа (стадии) аргументирован и предложен ряд элементов, дополняющих процессуальный институт и нацеленных на обеспечение равенства всех перед судом, на реализацию права осужденного на судебную защиту при исполнении приговора и на укрепление авторитета судебной власти.

Ключевые слова: исполнение приговора, задержание, заключение под стражу, замена лишением свободы, злостное уклонение от отбывания наказания

Для цитирования: Черепанова Л. В. О механизме правового регулирования порядка подготовки и проведения судебного заседания по замене наказания при злостном уклонении от его отбывания лишением свободы // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 143–149.

Lilia V. Cherepanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

cherepanovalv@mail.ru

ON THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR PREPARING AND CONDUCTING A COURT HEARING TO REPLACE A PUNISHMENT WITH IMPRISONMENT IN CASE OF MALICIOUS EVASION FROM SERVING IT

Abstract. The appeal to the theoretical aspects of criminal procedural activity at the stage of execution of a sentence is due to the "malfunction" of the legal mechanism for regulating the procedure for preparing and conducting a court hearing to replace a punishment with imprisonment, in case of malicious evasion from serving it. The study of individual applied problems of a peculiar, kind of unique stage of the criminal process clearly demonstrates the urgent need for comprehensive doctrinal elaboration of the essence of the activities carried out during the execution of the sentence. From the standpoint of the criminal procedural activity of the considered stage (stage), a number of elements are argued and proposed that complement the procedural institution and are aimed at ensuring equality of all before the court, at realizing the convict's right to judicial protection during the execution of a sentence and at strengthening the authority of the judiciary.

Key words: execution of a sentence, detention, substitution of imprisonment, malicious evasion from serving a sentence

For citation: Cherepanova L. V. On the mechanism of legal regulation of the procedure for preparing and conducting a court hearing to replace a punishment with imprisonment in case of malicious evasion from serving it. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2025;1:143–149 (In Russ.).

Правовое регулирование вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания лишением свободы, подлежащего рассмотрению судом при исполнении приговора, содержит ряд неопределенностей, противоречий, приводящих к различному толкованию, неоднозначному пониманию, разнородной судебной практике и, как следствие, к тому, что: принцип равенства всех перед судом, гарантированный Конституцией России, нарушается; право осужденного на судебную защиту при исполнении приговора реализуется не в полном объеме; судебные решения, основанные на неодинаковой интерпретации закона носят спорный характер; эффективность контроля за исполнением приговора снижается; превентивная функция уголовного права осуществляется ненадлежащим образом; авторитет судебной власти и всей правоохранительной системы падает; уровень защищенности граждан уменьшается.

Практики и ученые, обратив внимание на существующую проблему, начали поиск ее решения через постановку отдельных вопросов: об основаниях, условиях, порядке применения мер процессуального принуждения при исполнении приговора и реализации принципов уголовного процесса в этой стадии (И. В. Пастухов, 2005; Н. В. Николук, О. В. Воронин, 2006; Л. В. Ложкина, 2007); об участии осужденного в судебном заседании и об обеспечении его прав в целом при изменении вида наказания (Е. Н. Гапонов, 2009; В. В. Сероштан, 2007). В настоящее время механизм правового регулирования порядка подготовки и проведения судебного заседания по замене уголовного наказания осужденного, злостно уклоняющегося от его отбывания, лишением свободы входит в предмет научного интереса С. И. Вершининой, О. М. Малышевой, В. В. Николука, Л. А. Пупышевой. Дополнительно поднимаются вопросы, связанные с доказыванием обстоятельств, свидетельствующих о злостном уклонении осужденного от отбывания наказания и о правовом положении учреждений и органов, исполняющих наказание, как участников уголовного процесса на стадии исполнения приговора (Б. Б. Булатов, Н. Н. Николук, О. П. Александрова, Л. Ю. Буданова, 2014; З. Р. Рахматулин, 2020; Р. М. Жилиев, 2022).

Тем не менее, как утверждает профессор В. В. Николук, на протяжении последних десяти лет изучавший современную судебную практику, более полутора десятков практически значимых вопросов, возникающих в правоприменительной деятельности, остаются не разрешенными правовым регулированием, поскольку по этим вопро-

сам не сформировалось определенности понимания в судебном корпусе, нет ясности и в юридической науке [1, с. 107–114].

Дискуссия сохраняется, в т. ч. и в части понимания самого характера этой деятельности, о чем по существу проблемы пишет Л. А. Пупышева [2, с. 246, 249].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает следующий порядок разрешения вопроса об изменении наказания. При злостном уклонении от отбывания уголовного наказания (п. 18, п. 18.1 ст. 397 УПК РФ), по представлению органа внутренних дел или учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы, судом, постановившим приговор, или по месту содержания осужденного, на которое распространяется юрисдикция суда, постановившего приговор, или судом того же уровня по месту задержания, а при его отсутствии в месте задержания — вышестоящим судом (судьей единолично) разрешается вопрос о замене наказания (гл. 47 УПК РФ)¹.

В отношении осужденного, скрывшегося с места жительства, при злостном его уклонении от отбывания исправительных (обязательных) работ, в суд направляется представление о замене назначенного ему наказания другим видом (ч. 4 ст. 50 УК РФ; ч. 5 ст. 46 УИК РФ²; п. 102 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества (далее — Инструкция)³).

Представление уголовно-исполнительной системой направляется в течение трех суток со дня установления факта совершения повторного нарушения порядка и условий отбывания исправительных или обязательных работ, а в отношении осужденного, скрывшегося с места жительства, — в течение 30 дней (после того, как проведены первоначальные розыскные мероприятия), если местонахождение осужденного не бу-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дет установлено. После проведения первоначальных розыскных мероприятий осужденный объявляется в розыск. При обнаружении находящийся в розыске может быть задержан на 48 часов и доставлен в суд — с представлением о заключении его под стражу до 30 суток, как указано в Инструкции (п. 104, 145) или, как указано в ряде статей УИК РФ (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17 и др.), — для продления 48-часового срока задержания судом до 30 суток.

Судебная практика разнородна: в одних субъектах Российской Федерации со ссылкой на УПК РФ избирается мера пресечения — заключение под стражу, в других на основании УИК РФ — продлевается задержание осужденного; в одних — применяется процедура, предусмотренная для заключения под стражу обвиняемых (ст. 108 УПК РФ), включая решение вопроса о подсудности, в других — от аналогии закона отказываются в связи с тем, что в порядке ст. 108 УПК РФ предусмотрен значительно меньший срок для обжалования решения о заключении под стражу (трое суток), тогда как возможность обжалования судебных решений у осужденного значительно больше (15 суток по ст. 389.4 УПК РФ) и представление о заключении под стражу рассматривает суд, постановивший приговор, если осужденный задержан на территории его юрисдикции [3, с. 46–48].

Очевидно, что несогласованность норм УИК РФ и УПК РФ касается социально значимых отношений. В конечном счете речь идет о времени ограничения личной свободы человека. Продлить задержание или заключить под стражу? Если задержание и заключение под стражу лежат в различных правовых полях (как, например, меры принуждения в рамках административного и уголовного производства), то 48 часов + 30 суток задержания по УИК РФ не исключают + 30 суток заключения под стражу по УПК РФ. «Срок задержания не должен включаться в 30-суточный срок заключения под стражу», — приходят к выводу профессора Б. Б. Булатов и В. В. Николук [3, с. 49–50].

Конфликтное взаимодействие отраслей права, интерполяция права крайне нежелательны в таких ситуациях. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает ответы на отдельные практические вопросы, например: «Если осужденный скрылся с места жительства и был задержан, то указанный срок исчисляется с момен-

та его фактического задержания»¹, но большая часть дискуссионных вопросов остается открытой и не находит отражения в решениях Пленума².

До разрешения вопроса об изменении наказания, в целях обеспечения надлежащей судебной процедуры, по представлению уголовно-исполнительной инспекции, суд вправе заключить под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, либо осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок (п. 18 ст. 397 УПК РФ).

Омские ученые обращали внимание на то, что законодатель ограничивает возможность применения заключения под стражу только в отношении задержанных (ч. 4.1 ст. 396 УПК РФ), устанавливая подсудность разрешения этого вопроса суду по месту задержания осужденного [3, с. 46–50].

Приводимые примеры судебных отказов в заключении под стражу злостно уклоняющихся от отбывания наказания, в связи с тем, что они не подвергались задержанию, наглядно демонстрируют проблему [1, с. 107–114].

Действующие редакции УИК РФ и УПК РФ не предполагают возможности задержания скрывающегося осужденного для решения вопроса о замене наказания, пока он не был объявлен в розыск. Из этого следует, что во время выполнения первоначальных розыскных мероприятий заключение под стражу (как продление задержания по УИК РФ или как мера пресечения по УПК РФ) возможно только после задержания. До настоящего времени проблема сохраняется.

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020); О практике применения судами законодательства об исполнении приговора [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Нельзя не согласиться, что розыск, задержание до 48 часов при исполнении приговора являются мерами уголовно-исполнительного характера, тогда как заключение под стражу — мерой уголовно-процессуального принуждения, и вряд ли можно согласиться с практикой заочного заключения под стражу осужденного, разыскиваемого уголовно-исполнительными органами [1, с. 107–114].

Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя смысл положений п. 18 ст. 397 УПК РФ, говорит о том, что судебное решение о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, на срок до 30 суток может быть принято до решения вопроса о замене ему наказания¹, что безусловно, поскольку мера принуждения именно для этого и применяется, чтобы обеспечить правосудность решения. Это значит, что между двумя фактами (двумя представлениями — о заключении под стражу и о замене наказания) есть причинная связь. И если нет оснований для замены наказания (или как минимум повода для рассмотрения этого вопроса), то заключение под стражу недопустимо.

В связи с этим позволим себе не согласиться с утверждением о том, что «отсутствие в материалах, поступивших в суд, копии представления о замене осужденному наказания, направленного уголовно-исполнительной инспекцией в суд по месту постановления приговора, не препятствует разрешению вопроса о заключении его под стражу на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ» [4, с. 32–37].

С обращения приговора к исполнению завершившиеся уголовно-процессуальные отношения при поступлении представления от учреждения, исполняющего наказание, возобновляются. И если меры, обеспечивающие исполнение уголовного наказания, предусмотренные УИК РФ, применяются за пределами уголовного су-

допроизводства, то при возникновении вопроса о замене наказания, с возвращением в уголовно-процессуальные отношения, необходимо прибегать к обеспечительным возможностям уголовного судопроизводства.

Ведомственный акт обязывает инспекцию направлять в суд представление о замене, например, исправительных работ другим видом наказания в отношении скрывающегося осужденного, место нахождения которого неизвестно, одновременно с объявлением его в розыск (п. 102, 104)².

Для суда объявление уголовно-исполнительными органами розыска осужденного по направляемому в суд представлению, при положительном ответе на вопрос о подсудности, могло бы стать основанием для вынесения постановления о приостановлении производства по представлению о замене наказания, однако уголовно-процессуальное законодательство в этой части деятельность суда не регламентирует.

Поступившее представление о замене наказания побуждает суд обратиться к решению вопросов: действительно ли уклонение от отбывания наказания является злостным; подлежит ли замене ранее назначенное судом наказание; если подлежит замене, то на какое наказание оно должно быть заменено; какой вид исправительного учреждения и режим должны быть определены осужденному при замене ему наказания на лишение свободы (ст. 299 УПК РФ)? Правовые последствия решения по этим вопросам равнозначны обвинительному приговору — в этом единодушны многие исследователи [5, с. 97–112].

Не позднее 14 суток до дня судебного заседания представитель учреждения, исполняющего наказание, или компетентного органа, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания, извещается о дате, времени и месте судебного заседания, вызывается в судебное заседание.

У осужденного, уведомленного в те же сроки, возникает право на участие в судебном засе-

¹ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2018 № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дании, право заявить ходатайство об этом в течение 10 суток со дня получения извещения о дате, времени и месте судебного заседания.

Следует обратить внимание на особую значимость рассмотрения вопросов в стадии исполнения приговора, поскольку для осужденного, уклоняющегося от наказания, наказание может быть заменено на более строгое, чем предусмотрено санкцией статьи УК РФ.

Заочное разбирательство уголовных дел по общему правилу не допускается (ч. 2 ст. 123 Конституция РФ), в качестве исключения из этого правила рассмотрение представления о замене уголовного наказания при исполнении приговора федеральным законом не предусмотрено. Более того, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обязывает суд разъяснять осужденному его права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). В связи с этим приходим к выводу о том, что рассмотрение представления об изменении наказания осужденного в сторону его ухудшения возможно только в его присутствии, за исключением случаев, когда о рассмотрении представления без его участия ходатайствует осужденный.

Однако в настоящее время суд обязан обеспечить непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию осужденному путем использования систем видео-конференц-связи при наличии его ходатайства об этом (вопрос о форме участия осужденного в судебном заседании решается судом). В случае неявки осужденного, заявившего ходатайство об участии в судебном заседании, суд выясняет причины, по которым он не явился, и при отсутствии уважительных причин такая неявка не является препятствием для проведения судебного заседания (п. 33)¹.

¹ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2018 № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Формально-юридический анализ УПК РФ в исследуемой части с практикой его применения приводит ряд авторов к выводу о том, что ч. 4 ст. 399 УПК РФ, устанавливающая право осужденного при судебном рассмотрении вопросов в стадии исполнения приговора осуществлять свои права с помощью адвоката, умаляет право осужденного на защиту (О. А. Малышева, М. В. Бызова, А. А. Крылов). И тем не менее изменения в позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации (№ 21 от 20.12.2011, № 59 от 22.12.2015, № 18 от 25.06.2024) утвердили правомерность судебной практики рассмотрения представлений в отсутствие осужденного.

В связи с этим очевидно, что статус осужденного в сравнении со статусом уголовно преследуемого лица в досудебном производстве специфичен и что статус осужденного в стадии исполнения приговора нуждается в правовой регламентации [4, с. 32–37; 5, с. 97–112]. Тем не менее для процессуальной практики всегда было и остается в приоритете обеспечение конституционно-правовых гарантий личности вне зависимости от стадии уголовного процесса или их отраслевой регламентации².

Выводы и предложения

Проводимые исследования обнаруживают правовую неопределенность порядка подготовки и проведения судебного заседания по замене лишения свободы уголовного наказания при злостном уклонении от его отбывания, обусловленную неразработанностью доктринальных основ производства в стадии исполнения приговора.

Правовой механизм реализации мер принуждения в стадии исполнения приговора может быть основан на следующих теоретических основах.

Производство по рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора в системе уголовного судопроизводства является особым производством, на которое распространяется действие принципов уголовно-

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го процесса, уголовно-процессуальных гарантий [2]¹.

Задержание при исполнении приговора, применяемое уголовно-исполнительными органами, — мера уголовно-исполнительного характера, ограничивающаяся 48 часами.

Меры процессуального принуждения, применяемые на стадии исполнения приговора, недостаточны для обеспечения судебного заседания по замене наказания. При умышленном уклонении осужденного от явки в уголовно-исполнительную инспекцию, в соответствии с Инструкцией, может быть принято решение о его приводе², соответственно, перечень мер уголовно-исполнительного характера может быть дополнен принудительным доставлением в суд для решения вопроса о замене наказания.

Для обеспечения исполнения приговора могут избираться меры уголовно-процессуального пресечения (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Заключение до 30 суток под стражу осужденного, в отношении которого поступило представление о замене наказания на лишение свободы, — мера уголовно-процессуального принуждения. Ее применение не связано с применением уголовно-исполнительного задержания, может осуществляться судом по месту задержания (если осужденный задерживался) или по месту по-

ступления представления о замене наказания при обязательном участии осужденного.

Если осужденный скрывается и меры первоначального розыска не позволили его обнаружить, то к направляемым в суд представлению о замене наказания на более строгое и материалам, его обосновывающим, должна прилагаться копия решения уголовно-исполнительной инспекции об объявлении осужденного в розыск.

Меры уголовно-процессуального принуждения в стадии исполнения приговора применяются для обеспечения судопроизводства. Условием их применения должно быть наличие в материалах, прилагаемых к ходатайству (представлению), о применении меры пресечения, копии ранее поступившего в суд представления о замене наказания осужденному.

Участие осужденного в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене наказания обеспечивается органами уголовно-исполнительной системы.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1996 № 4-П; По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.1996 № 19-П; По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.1998 № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

-Список источников

1. Николук В. В. Практика заключения под стражу осужденного до рассмотрения судом представления о замене штрафа, ограничения свободы, обязательных, исправительных работ лишением свободы (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Уголовное право. 2014. № 6. С. 107–114.
2. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. 458 с.
3. Булатов Б. Б., Николук В. В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 46–50.
4. Крылов А. А. Право на защиту осужденного в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ // Мировой судья. 2023. № 11. С. 32–37.
5. Малышева О. А. Осуществление осужденным права на судебную защиту при замене уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества, лишением свободы // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 97–112.

Referenses

1. Nikolyuk V. V. Praktika zaklyucheniya pod strazhu osuzhdenного do rassmotreniya sudom predstavleniya o zamene shtrafa, ogranicheniya svobody, obyazatel'nykh, ispravitel'nykh rabot lisheniem svobody (p. 18 st. 397 UPK RF) // Ugolovnoe pravo. 2014. № 6. S. 107–114.
2. Pupysheva L. A. Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannykh s ispolneniem prigovora, v sisteme ugolovного protsessa: dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2022. 458 s.
3. Bulatov B. B., Nikolyuk V. V. Problemy soglasovaniya (preodoleniya konkurentsii) norm UPK RF i UIK RF // Rossiyskaya yustitsiya. 2014. № 12. S. 46–50.
4. Krylov A. A. Pravo na zashchitu osuzhdenного v proizvodstve po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannykh s ispolneniem prigovora, v svete pravovykh pozitsiy Konstitutsionного Suda RF i Verkhovного Suda RF // Mirovoy sud'ya. 2023. № 11. S. 32–37.
5. Malysheva O. A. Osushchestvlenie osuzhdenным prava na sudebnuyu zashchitu pri zamene ugolovного nakazaniya, ne svyazannого s izolyatsiey ot obshchestva, lisheniem svobody // Zhurnal rossiysкого prava. 2021. № 2. S. 97–112.

Информация об авторе

Л. В. Черепанова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. V. Cherepanova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 28.03.2025.